Ars Administrandi (Искусство управления)
Научное издание

2017. Том 9. № 2 (132–311)

Основан в 2009 году
Выходит 4 раза в год

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Журнал включает в себя авторские статьи по вопросам теории, истории и практики государственного и муниципального управления, экономики и политологии. В журнале поднимаются вопросы, связанные с ролью правительства как института, включая структуру, сферу деятельности и эффективность правительства, а также вопросы взаимодействия государства и органов местного самоуправления, деятельности исполнительной власти, решения проблем в экономике государственного сектора, государственных финансов и государственной политики, налогообложения, региональных стратегий, управления материальной или нематериальной собственностью национальных, региональных или местных органов власти, развития электронного правительства, управления кризисными ситуациями и ряд других

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Павел Иванович Блусь, канд. геогр. наук, доц., доц. кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Дарко Вукович, Ph.D., науч. сотрудник, проф. Географического института «Йован Цвиич» Сербской академии наук и искусств (САНИ), Белград, Сербия, проф. Национального исследовательского Томского политехнического университета, Томск, Россия

Елена Львовна Зуева, канд. экон. наук, доц., доц. департамента менеджмента, доц. департамента экономики и финансов Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Пермь, Россия

Дмитрий Георгиевич Красильников, д-р полит. наук, проф., проректор по стратегическому развитию, экономике и правовым вопросам, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, председатель Общественной палаты Пермского края, Пермь, Россия – заместитель главного редактора

Жанна Аркадьевна Мингалева, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – главный редактор

Елизавета Александровна Троицкая, канд. полит. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – ответственный редактор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Евгений Георгиевич Анимица, чл.-корр. РАЕ, д-р геогр. наук, проф., зав. кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Юрий Васильевич Ирхин, д-р филос. наук, проф., проф. кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия

Дмитрий Георгиевич Красильников, д-р полит. наук, проф., проректор по стратегическому развитию, экономике и правовым вопросам, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, председатель Общественной палаты Пермского края, Пермь, Россия

Ольга Федоровна Новикова, д-р экон. наук, проф., зав. отделом экономических проблем социальной политики Института экономики промышленности НАН Украины, Киев, Украина

Яков Петрович Силин, д-р экон. наук, ректор Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Валерий Александрович Сухих, д-р экон. наук, председатель Законодательного Собрания Пермского края, Пермь, Россия

Богдан Шляхта, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой философии политики в Институте политических наук и международных отношений Ягеллонского университета в Кракове, Польша

Главный редактор журнала – Жанна Аркадьевна Мингалева,
д-р экон. наук, проф., проф. кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета
ORCID: 0000-0001-7674-7846
ResearcherID: E-8001-2016
E-mail: mingal1@psu.ru

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (по научным специальностям 08.00.00 – экономические науки, 23.00.00 – политология)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-66778 от 08.08.2016 г.

Издается на кафедре государственного и муниципального управления историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 41047

Адрес учредителя, издателя и редакции: 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел. (342) 239-68-30
Сайт: ars-administrandi.com
E-mail: arsadmag@yandex.ru

© Редакционная коллегия, 2017

Ars Administrandi
Scientific Journal
2017. Volume 9, no. 2 (132–311)

Founded in 2009
Published 4 times a year

Publisher: Perm State University

Fundamental and applied issues in the sphere of state and municipal management, economics and political science are considered in the journal. The journal is devoted to the problems of the government's roles as an institution, including scope, structure, and performance of government, interaction of state and local authorities, crisis management, development of e-Government, various aspects of the executive's activities, solving problems in the economy of the public sector, issues of public finance and public policy, taxation, regional policies, management of tangible or intangible government property, the property of regional or local authorities and other

Editor-in-Chief
Zhanna A. Mingaleva
Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of State and Municipal Government of Perm State University, Perm, Russia
ORCID: 0000-0001-7674-7846, ResearcherID: E-8001-2016, e-mail: mingal1@psu.ru

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Evgeny G. Animitsa, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Doctor of Geography, Professor, Head of Department of Regional, Municipal Economics and Management of Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russia

Iouri V. Irhin, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Department of Political Science of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor of Department of Theoretical and Applied Political Science of Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Dmitry G. Krasilnikov, Doctor of Political Science, Professor, Vice-Rector for Strategic Development, Economy and Law Issues, Head of Department of State and Municipal Government of Perm State University, Chairman of the Civic Chamber of Perm Krai, Perm, Russia

Olga F. Novikova, Doctor of Economics, Professor, Head Economic Problems of Social Policy Department of Institute of Industrial Economics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Bogdan Shlyakhta, Doctor of Law, Professor, Head of Chair in Philosophy of Politics at the Institute of Political Science and International Relations, the Jagiellonian University in Krakow, Poland

Yakov P. Silin, Doctor of Economics, Rector of Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

Valery A. Sukhikh, Doctor of Economics, Chairman of Legislative Assembly of Perm Krai, Perm, Russia

EDITORIAL BOARD

Pavel I. Blus, Ph.D. (Geography), Associate Professor, Associate Professor of Department of State and Municipal Government of Perm State University, Perm, Russia

Darko Vuković, Ph.D. (Economics), Research Associate, Full Professor of Geographical Institute "Jovan Cvijić" of the Serbian Academy of Sciences and Arts (SASA), Belgrade, Serbia, Institute of Social-Humanitarian Technologies, Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

Elena L. Zueva, Ph.D. (Economics), Associate Professor, Associate Professor of School of Management, Associate Professor of School of Economics and Finance of Higher School of Economics (Perm Branch), Perm, Russia

Dmitry G. Krasilnikov, Doctor of Political Science, Professor, Vice-Rector for Strategic Development, Economy and Law Issues, Head of Department of State and Municipal Government of Perm State University, Chairman of the Civic Chamber of Perm Krai, Perm, Russia – Deputy Editor-in-Chief

Zhanna A. Mingaleva, Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of State and Municipal Government of Perm State University, Perm, Russia

Elizaveta A. Troitskaya, Ph.D. (Political Science), Associate Professor of Department of State and Municipal Government of Perm State University, Perm, Russia – Managing Editor

Journal is indexed by the list of the leading peer reviewed scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science on the following groups of scientific specialties: 08.00.00. - Economic Sciences; 23.00.00. - Political Science

Published by Department of State and Municipal Government of Perm State University
Distributed in Russian Federation, foreign countries.
Subscription index in the common catalogue «Press of Russia» (http://www.pressa-rf.ru) – 41047

Address of Publisher and Editorial Board: Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia
Tel. +7(342)239-68-30. Web-site: ars-administrandi.com. E-mail: arsadmag@yandex.ru

© Editorial Board, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

I. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Демушина О. Н. Факторы повышения эффективности электронного участия граждан 132

Черепанова Е. С., Марасанова О. В., Колбина Д. В. Геоинформационные технологии анализа состояния кустарных промыслов в Российской империи и роль государства в их развитии на примере XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки (1896 г.) 152

II. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

Мингалева Ж. А., Шайдурова Н. С. Взаимодействие государственных и местных органов власти при создании и развитии технопарков 176

Дмитриева Е. О. Модели развития малого предпринимательства в моногородах Российской Федерации 195

Гусева М. С., Амелькина Д. В. Взаимодействие государства и бизнеса в развитии внутреннего и въездного туризма 217

III. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Манокин М. А. «Изоморфизм» полей (на примере стратегий действия локальных элит в Пермском крае) 237

Petrović M. D., Radovanović M., Vuković N., Vujko A. and Vuković D. Development of Rural Territory under the Influence of Community-Based Tourism 253

Козлова О. А., Макарова М. Н. Формирование расселения на основе результатов демографического прогнозирования крупнейшего города (на примере Екатеринбурга) 269

Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Костанян А. А. Особенности оценки качества жизни населения малых городов 289

CONTENTS

I. STATE POLICY AND POLITICAL INSTITUTIONS: HISTORIC AND PRESENTDAY ISSUES

Demushina O. N. Influence Factors for E-Participation 132

Cherepanova E. S., Marasanova O. V. and Kolbina D. V. Geoinformation Technologies to Analyze Handicrafts in the Russian Empire and the Role of the State in Its Development, the Example of the XVI All-Russian Industrial and Art Exhibition 152

II. ECONOMIC POLICY AND ECONOMIC DEVELOPMENT MANAGEMENT

Mingaleva Zh. A. and Shaidurova N. S. Interaction of State and Local Authorities in the Creation and Development of Technology Parks 176

Dmitrieva E. O. Development Model of Small Businesses in Single-Industry Towns of the Russian Federation 195

Guseva M. S. and Amelkina D. V. Interaction of the State and Business in the Development of Domestic and Inbound Tourism 217

III. LOCAL SELF-GOVERNMENT AND DEVELOPMENT OF TERRITORIES

Manokin M. A. "Field Isomorphism" (the Case of Action Strategies of Local Elites in Perm Krai) 237

Petrović M. D., Radovanović M., Vuković N., Vujko A. and Vuković D. Development of Rural Territory under the Influence of Community-Based Tourism 253

Kozlova O. A. and Makarova M. N. Population Distribution Based on Demographic Forecasting of Metropolis (Case of Yekaterinburg) 269

Sheresheva M. Yu., Oborin M. S. and Kostanyan A. A. Assessment Features for Life Quality in Small Towns 289

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Автор предоставляет Издателю журнала (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его статьи в составе публикаций журнала, а также на включение полнотекстовых вариантов статьи в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), иные системы и базы, информация о которых представлена на сайте журнала по адресу: http://www.ars-administrandi.com.

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит Издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав Издателя на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ. Издатель вправе также разрешить использование Издания в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Авторское вознаграждение за предоставление автором Издателю указанных выше прав не выплачивается.

Автор включенной в журнал статьи сохраняет исключительное право на нее независимо от права Издателя на использование журнала в целом.

Направление автором статьи в журнал означает его согласие на использование статьи Издателем на указанных выше условиях и свидетельствует о том, что он осведомлен об условиях ее использования. В качестве такого согласия рассматривается также лицензионный договор на право использования научного произведения в научном журнале «Ars Administrandi», направляемый автором (соавторами) в адрес редакции после получения подтверждения о принятии статьи к публикации.

Редакция включает полнотекстовые варианты статей, а также фамилию, инициалы, ученую степень и звание, должность, место работы, электронный адрес автора (соавторов), название, аннотацию, ключевые слова статьи в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), иные системы и базы, размещает их на сайте журнала.

Гонорар за публикации не выплачивается. Плата за публикацию рукописей не взимается. Авторский экземпляр высылается автору (соавторам) по указанному им (ими) адресу.

Полученные редколлегией статьи не возвращаются.

Подробные правила оформления рукописей размещены на сайте журнала в разделе «Условия публикации» по адресу: http://ars-administrandi.com/condition.htm.

Желающие получить экземпляр журнала или консультацию редакционной коллегии могут обращаться по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра государственного и муниципального управления. Ответственный редактор – Елизавета Александровна Троицкая. Тел./факс (342) 2-396-830. Сайт: ars-administrandi.com, e-mail: arsadmag@yandex.ru.

I ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 316.4:323.21
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-132-151

ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН

О. Н. ДЕМУШИНА
Волгоградский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Россия

Для цитирования:
Демушина О. Н. Факторы повышения эффективности электронного участия граждан // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Том 9, № 2. С. 132–151. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-132-151.

Введение: для анализа состояния и перспектив развития электронного участия граждан в регионах России было проведено исследование, в основу которого легли результаты анализа литературы, нормативно-правовой базы и экспертного опроса представителей органов власти Волгоградской области, отвечающих за разработку информационной политики региона и широко использующих информационные технологии во взаимодействии с населением.

Цель: выявление, анализ и систематизация факторов, влияющих на эффективность электронного участия граждан, для оценки уровня развития электронной демократии в стране и регионе и последующей разработки рекомендаций по совершенствованию взаимодействия органов власти и граждан.

Методы: 1) анализ теоретических источников, посвященных исследуемой теме; 2) анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей электронное участие граждан; 3) экспертный опрос акторов, вовлеченных в процесс электронного участия.

Результаты: в ходе исследования были выявлены и исследованы следующие факторы: количество и качество сервисов электронного участия, нормативно-правовая база, регламентирующая сферу информационных технологий, уровень прозрачности деятельности государства, двухсторонний характер коммуникации в системе «власть-общество», привлечение граждан к управлению, доверие населения к власти, уровень знаний и квалификации государственных служащих, реализующих проекты электронного участия.

Выводы: региональные органы власти не используют всего многообразия информационно-коммуникационных инструментов для взаимодействия с населением. К основным причинам недостаточно высокого уровня развития электронного участия

 © Демушина О. Н., 2017

граждан относятся: низкая активность населения, обусловленная низким уровнем доверия населения к власти; сложность и непривычность электронных сервисов для граждан; недостаточная открытость органов власти.

Ключевые слова: электронное участие; факторы электронного участия; сервисы электронных петиций; краудсорсинг; портал открытых данных; онлайн голосование

ВВЕДЕНИЕ

Современные исследователи утверждают, что открытость становится чертой государственного управления последнего десятилетия. Развитие информационно-коммуникационных технологий, проникновение Интернета во все сферы общественной жизни качественно меняют пространство публичной коммуникации, делают возможным новые формы взаимодействия власти и общества. Рассматривая развитие системы государственного управления, американские ученые отмечают, что оно прошло три стадии: традиционное управление, новый менеджмент и современная государственная служба (Denhardt et al., 2000). Традиционное управление опиралось на бюрократические правила и стремление к эффективности. Современная государственная служба ставит во главу угла интересы и потребности людей, стремится максимально вовлекать их в процесс управления (Anthopoulos et al., 2007; Vicente and Novo, 2014; Wijnhoven et al., 2015).

В начале XXI века тема использования электронных технологий для повышения эффективности государственного и муниципального управления получила свое распространение в России. Исследователи, поднимавшие данную проблему, сосредоточили свое внимание на концепции электронного правительства, ставшей популярной в последние десятилетия. Анализируя возможности электронного правительства как способа предоставления гражданам государственных услуг с помощью информационно-коммуникационных технологий, исследователи не уделяли достаточно внимания обратной связи в процессе коммуникации власти и общества, которую принято обозначать термином «электронное участие». Это понятие включает в себя взаимодействие населения с органами власти с помощью электронных технологий (Hung et al., 2006; Tolbert and Mossberger, 2006). При этом, как правило, инициаторами такого взаимодействия выступают граждане, которые стремятся влиять на процесс принятия управленческих решений.

Необходимо отметить, что данная форма коммуникации власти и общества пока только начинает развиваться в нашей стране. Особенно это относится к региональному уровню, где примеры применения технологий электронного участия достаточно редки. В этой связи выявление факторов, влияющих на повышение эффективности электронного участия граждан, их анализ и систематизация могли бы способствовать совершенствованию качества государственного управления.

Факторы эффективности электронного участия граждан являются предметом исследования ряда ученых (Carter and Bélanger, 2005; Gil-García and Pardo, 2005; Скопинцев, 2016). Анализ литературы позволяет разделить все

факторы на две группы: общие и частные. К первой группе относятся экономические, социокультурные, географические, политико-правовые, информационные и технологические факторы (Carter and Weerakkody, 2008; Macintosh and Whyte, 2008). Они отражают общие тенденции в стране и мире, наименее управляемы и практически не поддаются влиянию. Частные факторы связаны с тенденциями развития электронной демократии в конкретной стране (Cegarra-Navarro et al., 2012; Lean et al., 2009; Sahari et al., 2012). Они могут как различаться, так и совпадать в разных странах.

Так, южноафриканский ученый Д. Беннет в своей работе выявил следующие факторы эффективности электронного участия граждан:

– развитая информационно-коммуникационная инфраструктура страны;

– политический консенсус по поводу электронного участия граждан;

– равный доступ для всех категорий граждан к электронным сервисам (отсутствие цифрового неравенства);

– эффективный менеджмент в сфере электронных технологий;

– привлечение заинтересованных лиц к разработке совместных проектов электронной демократии;

– доверие граждан к органам власти;

– наличие концептуальной модели электронного участия граждан в стране (Bennett, 2015).

Исследователи из Иордании, М. Аломари, К. Санду и П. Вудс, определили следующие условия успешности внедрения проектов электронной демократии: дизайн электронных порталов, взгляды граждан, полезность предлагаемых электронных сервисов, их простоту и доступность, доверие граждан к электронному правительству, доверие к органам власти (Alomari et al., 2010).

Наряду с факторами повышения эффективности электронного участия граждан выделяются также негативные факторы, препятствующие развитию электронной демократии. К их числу могут относиться коррупция, низкая скорость принятия решений, непрозрачность органов власти, низкая эффективность коммуникации в системе «власть–общество», возрастание государственных затрат (Nabafu and Maiga, 2012; Papadopoulou et al., 2010).

Российские ученые добавляют к вышеперечисленным факторам новые, учитывающие национальную специфику. Обобщив российские и зарубежные исследования, можно выделить следующие факторы успешности электронного участия граждан, актуальные для отечественных реалий:

1) количество и качество сервисов электронного участия граждан;

2) нормативно-правовая база, регламентирующая сферу информационных технологий;

3) прозрачность деятельности государства;

4) двухсторонний характер коммуникации в системе «власть–общество», интерактивность;

5) привлечение граждан к управлению обществом и к разработке концепции электронного участия;

6) доверие граждан к органам власти и их инициативам;

7) уровень знаний и квалификации государственных служащих, реализующих проекты электронного участия.

Выявленные факторы позволяют оценить уровень развития электронного участия граждан в стране или в конкретном регионе. Их можно также рассматривать как критерии эффективности электронного участия.

Для анализа состояния и перспектив развития электронного участия граждан в регионах России было проведено исследование, в основу которого легли результаты анализа литературы, нормативно-правовой базы и экспертного опроса представителей органов власти Волгоградской области, отвечающих за разработку информационной политики региона и широко использующих информационные технологии во взаимодействии с населением. Эмпирические данные, полученные в ходе опроса, особенно ценны, поскольку опираются на экспертные оценки реальной ситуации.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования, результаты которого легли в основу представленной статьи, использовались следующие методы: 1) анализ теоретических источников, посвященных исследуемой теме; 2) анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей электронное участие граждан; 3) экспертный опрос акторов, вовлеченных в процесс электронного участия.

Цель исследования заключалась в анализе факторов, влияющих на эффективность электронного участия граждан, для оценки уровня развития электронной демократии в стране и регионе и для последующей разработки рекомендаций по совершенствованию взаимодействия органов власти и граждан.

В качестве основного метода сбора эмпирической информации использовался экспертный опрос. Выбранный метод позволил сосредоточиться не столько на сборе количественных данных (статистических показателей, информации о наличии или отсутствии определенных сервисов и др.), сколько на оценочных суждениях и мнениях экспертов, постоянно имеющих дело с электронными технологиями в сфере управления. Такой подход позволил получить качественно новую информацию по исследуемым вопросам.

Анкета разработана в соответствии с целью и задачами исследования на основе проведенной эмпирической интерпретации основных понятий и предварительного системного анализа.

Анализ полученных данных осуществлялся в программе SPSS. Сбор, хранение, обработка и анализ эмпирических данных, полученных в ходе исследования, основывались на принятии во внимание этических стандартов и соблюдении права участников исследования на конфиденциальность. Процедура интервью включала в себя предварительную беседу с респондентом и получение от него устного согласия на участие в опросе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе результатов анализа теоретической литературы и периодических источников, посвященных исследуемой теме, нормативно-правовой базы, регламентирующей электронное участие, а также данных экспертного опроса были исследованы факторы, влияющие на повышение эффективно-

сти электронного участия граждан, выявлены основные проблемы и препятствия, возникающие на пути этого процесса, исследованы предпосылки для развития электронного участия граждан в нашей стране.

В качестве основного метода получения эмпирической информации использовался экспертный опрос, проведенный осенью 2016 года. К числу экспертов были отнесены служащие подразделений Волгоградской области, отвечающие за разработку информационной политики региона и широко использующие информационные технологии во взаимодействии с населением. Респондентами стали представители Комитета по делам территориальных образований, внутренней и информационной политики Волгоградской области (ранее Комитета по информационной политике Волгоградской области), а также Комитета информационных технологий Волгоградской области. В общей сложности было опрошено 42 государственных служащих. Опрос проводился с помощью анкетирования и структурированного интервью.

Выявленная с помощью анализа литературы и периодических источников, а также экспертного опроса информация позволила исследовать факторы эффективности электронного участия граждан. Рассмотрим подробнее каждый из факторов.

1. Количество и качество сервисов электронного участия граждан.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день взаимодействовать с органами власти нашей страны и, в большей или меньшей степени, влиять на их действия можно при помощи следующих сервисов и технологий:

1) электронные сервисы, созданные на официальных сайтах органов власти;

2) блоги политиков и представителей региональных органов власти;

3) краудсорсинговые платформы;

4) сервисы электронных петиций;

5) технологии электронного голосования.

Анализ показывает, что, несмотря на многообразие сервисов, не все они являются востребованными гражданами. Представляется, что основной проблемой является отсутствие у большинства предлагаемых платформ возможностей обратной связи. Существующие ресурсы обладают низкой интерактивностью и зачастую имеют формальный характер. Одна из положительных тенденций – изменение поведения представителей общественности, активность которых существенно выросла за последние годы. Они используют информационно-коммуникационные технологии для объединения и совместного решения актуальных локальных проблем. К сожалению, они зачастую действуют при этом самостоятельно и не рассчитывают на поддержку органов власти.

Оценивая качественный уровень электронного участия в стране, опрошенные эксперты делают следующие выводы. Большинство респондентов полагает, что электронное участие граждан развито удовлетворительно как в стране, так и в регионе. Значительная часть экспертов (45 %) оценили его уровень на 3 балла по 5-балльной шкале. Остальные опрошенные имеют более пессимистичный взгляд на возможности электронного участия в Российской Федерации и Волгоградской области, оценивая степень его развития на 2 или 1 балл (рис. 1).

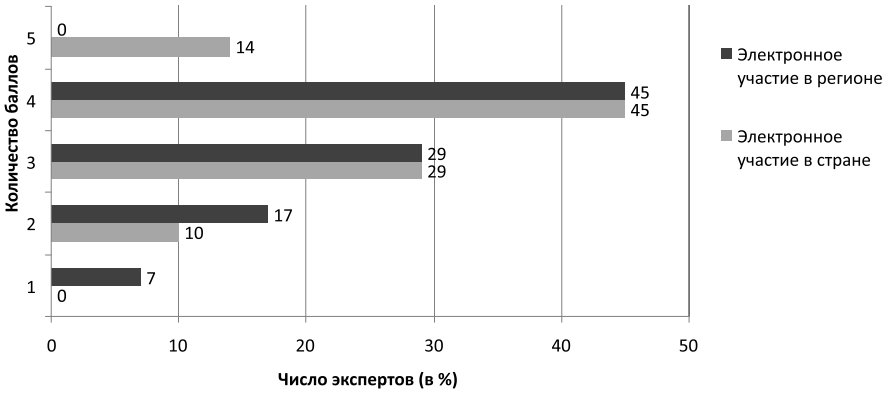


Рис. 1. Оценка уровня электронного участия по пятибалльной шкале (в % от числа опрошенных) / Fig. 1. Assessment of e-participation by a 5-score band (% from the respondents)

При определении существующих в мировой практике инструментов электронного участия будем опираться на результаты исследований европейских ученых, полученные в рамках реализации проектов Университета Македонии (DEMO-net)[1] и Департамента по правам граждан и конституционным вопросам Европейского Парламента[2]. Ученые выделили следующие инструменты электронного участия: предоставление информации, создание групп электронного участия, краудсорсинг, проведение публичных акций, предвыборные кампании с помощью Интернета, обсуждение гражданами инициатив власти, возможность граждан влиять на управленческие решения, городское планирование, участие в формировании муниципального бюджета, проведение опросов среди граждан, голосование онлайн.

По мнению экспертов, лишь часть из представленных механизмов электронного участия применяется в России. Среди них называются предоставление информации органами власти, проведение опросов среди граждан посредством информационных технологий, краудсорсинг, создание групп электронного участия и дискуссионных площадок, обсуждение гражданами инициатив власти, проведение публичных акций. Лишь две из перечисленных возможностей используются в Волгоградской области: предоставление информации и проведение опросов. Следует отметить, что наиболее интерактивные механизмы электронного участия, предполагающие активную роль граждан в процессе управления, как правило, не являются востребованными в нашей стране. К ним относятся, например, онлайн голосование, формирование муниципального бюджета, городское планирование (см. рис 2).

[1] *DEMO-net*. Introducing eParticipation [Электронный ресурс] // DEMO-net booklet series. 2007. № 1. URL: http://www.ifib.de/publikationsdateien/Introducing_eParticipation_DEMO-net_booklet_1.pdf (дата обращения: 16.02.2017).

[2] *Lironi E.* Potential and Challenges of E-participation in the European Union [Электронный ресурс] / Policy Department C: Citizens' Rights and Constitutional Affairs. European Union, 2016. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/556949/IPOL_STU(2016)556949_EN.pdf (дата обращения: 21.02.2017).

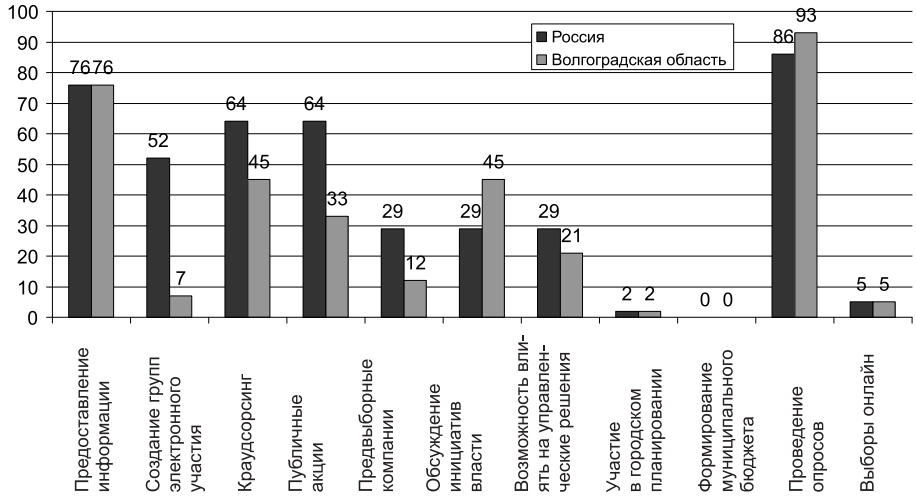


Рис. 2. Инструменты электронного участия (в % от числа опрошенных) / Fig. 2. Tools of e-participation (% from the respondents)

2. Нормативно-правовая база, регламентирующая сферу информационных технологий.

Одним из важных факторов успешности электронного участия граждан является эффективность его правового регламентирования. Российское законодательство, регулирующее основные вопросы информационного обмена между органами власти и гражданами, начало формироваться в первые годы XXI века, когда Россия подписала ряд международных документов, направленных на ликвидацию информационного неравенства и обеспечение равного доступа для всех людей к информационным технологиям. В последующие годы наша страна приняла несколько правовых актов, регламентирующих вопросы взаимодействия власти и общества. В развитии отечественного законодательства, посвященного различным аспектам информационного общества, можно выделить два этапа. Начальный этап охватывает первое десятилетие нынешнего века; правовые акты, принятые в этот период, закладывают основу информационного обмена между органами власти и гражданами. В частности, основная цель Федеральной целевой программы «Электронная Россия на 2002–2010 годы» – повышение эффективности управления с помощью информационно-коммуникационных технологий. Несмотря на некоторые успехи в этой сфере (внедрение электронного документооборота в сферу управления, появление для граждан возможностей взаимодействия с органами власти посредством ресурсов электронного правительства), в 2010 году эффективность исполнения программы оценивалась как низкая: в полной мере электронные коммуникации между государственными органами и гражданами так и не заработали (Олейник, 2010). Анализируя документы, принятые в тот период времени, можно сделать вывод, что

они не были направлены на превращение населения из пассивного объекта в равноправного участника процесса коммуникации, имеющего возможности влиять на деятельность органов власти (Демушина, 2016).

Определенные действия в этом направлении были предприняты в следующем десятилетии. На втором этапе появился ряд нормативно-правовых актов, предоставляющих гражданам возможности влиять на процесс принятия управленческих решений. В частности, вводились такие новшества, как создание электронных услуг поддержки общественного обсуждения решений, принятых органами власти, формирование электронной системы мониторинга качества работы чиновников, привлечение граждан к обсуждению проектов законов. В 2012 году постановлением Правительства РФ в стране была утверждена концепция «Российской общественной инициативы», создающая условия для публичного представления гражданских инициатив с использованием ресурсов сети Интернет.

Анализ литературы, правовой базы и мнений экспертов показывает, что количественный состав нормативно-правовых документов является достаточно высоким и охватывает основные аспекты взаимодействия власти и общества с помощью информационно-коммуникационных технологий: право на доступ к публичной информации, защиту личных данных, правила организации и функционирования электронных сервисов органов власти в стране и регионе. Один из немногих слабо регламентированных аспектов, по мнению экспертов, остается развитие механизмов общественного контроля над деятельностью органов власти.

При этом, исследуя качественный уровень нормативно-правовой базы, можно сделать вывод, что он недостаточно высок. В числе недостатков документов следует указать дублирование информации, сумбурность изложения материала, размытость основных положений. Если говорить о реализации, то, по мнению экспертов, ряд документов оказались неэффективными и не выполнили поставленных целей. К числу документов, декларирующих схожие задачи и в какой-то степени дублирующих друг друга, можно отнести Концепцию использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года (принятую в 2004 году), Концепции региональной информатизации до 2010 года и до 2018 года (принятые в 2006 и 2014 годах соответственно), Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 года № Пр-212 и некоторые другие.

3. Прозрачность деятельности государства.

Возможность взаимодействия органов власти и граждан определяется степенью прозрачности процесса принятия управленческих решений. Под прозрачностью понимают максимально возможную и законодательную закрепленную и гарантированную доступность для граждан различных типов достоверной информации о деятельности властных структур (Чуклинов, 2006, с. 44). Электронные технологии позволяют сделать процесс информирования

граждан достаточно простым и эффективным. В последние десятилетия во всем мире реализуется Концепция открытых данных, суть которой заключается в выкладывании актуальной и важной для данного региона информации во Всемирную сеть. Крупнейшим потенциальным генератором данных является государство. В большинстве развитых стран мира открытые данные – это часть деятельности органов власти. Правительства публикуют их на специальных порталах, где информация находится в свободном доступе. К числу известнейших и представляющих наиболее обширный массив данных относятся порталы data.gov.uk в Великобритании, data.gov.au в Австралии, data.govt.nz в Новой Зеландии и др. Такие порталы сейчас существуют практически в любой стране мира и отличаются тематическим разнообразием.

В нашей стране в последние годы ведется активная работа по формированию баз открытых данных для всеобщего пользования. В открытый доступ выкладывается широкий спектр данных, связанных с любой сферой общественной деятельности: ЖКХ, спорт, жилищная политика, здоровье, культура и т.д. Первыми открытыми базами данных в России стали известные сайты: zakupki.gov.ru, bus.gov.ru и fias.nalog.ru.

В большинстве субъектов Федерации и городов страны формируются свои собственные порталы открытых данных, публикующие актуальную для жителей информацию. Проведенный анализ показывает, что большинство региональных ресурсов отличаются широтой наполнения и разнообразием представленной тематики. Открытые данные на порталах сгруппированы по направлениям, в них легко ориентироваться. На многих сайтах созданы форумы, блоги, приложения, сформированные на основе открытых данных. К достоинствам можно отнести хорошую визуализацию, возможность содержательно наполнять портал (это можно делать автоматически или в ручном режиме), актуализировать данные, обеспечивать их связанность, развивать информационно-справочную систему. Однако помимо нескольких удачных платформ открытых данных (например, порталов Москвы, Санкт-Петербурга, Тульской и Ульяновской областей) существует множество сайтов, содержание которых не отвечает потребностям современного общества, носит формальный характер и не является эффективным. Среди них, например, порталы Республики Тыва, Пермского края, Тюменской, Волгоградской и Астраханской областей. К недостаткам многих региональных платформ открытых данных относятся техническое несовершенство, дублирование информации, плохое продвижение сайтов и, в связи с этим, слабая востребованность содержания населением. По мнению экспертов Аналитического центра при Правительстве РФ, основная проблема заключается в том, что открытие данных в стране ведется бессистемно и формально без учета потребностей их потенциальных пользователей[3].

4. Двусторонний характер коммуникации в системе «власть-общество», интерактивность.

Представляется, что недостаточно высокая роль общественности в нашей стране объясняется асимметричностью процесса коммуникации в сфере управления. Анализ литературы позволяет сделать вывод

[3] *Аналитический* Центр изучил работу с открытыми данными в регионах. 05.10.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: // http://ac.gov.ru/events/010291.html (дата обращения: 16.03.2017).

о существовании двух подходов к пониманию характера взаимоотношений между акторами коммуникативного процесса. Представители одного из них понимают под коммуникативным процессом одностороннее воздействие активного субъекта на пассивный объект. Если рассматривать управленческий процесс как разновидность коммуникации, то в этом случае он функционирует линейно и представляет собой асимметричное вертикальное взаимодействие сторон, выражающее потенциал субъекта власти достигнуть подчинения объекта.

Сторонники альтернативного взгляда, получившего свое развитие во второй половине XX века, рассматривают коммуникацию как многоуровневый и разнонаправленный процесс, участники которого осуществляют равноправное взаимодействие. Таким образом, согласно данному подходу, взаимоотношения в системе власти представляют собой взаимообмен участников коммуникативного процесса. Новое видение коммуникативного процесса способствовало изменению терминологии, обозначающей коммуникантов. Понятия «субъект» и «объект», подразумевающие заведомо неравноправные позиции участников, были вытеснены терминами «актор» и «агент», в понятийный объем которых входят такие свойства, как самостоятельность, активность, способность осуществлять контроль и конструировать реальность с учетом имеющихся ресурсов.

Двухсторонний характер коммуникации в системе «власть–общество» подразумевает равноправие сторон, при этом граждане имеют много возможностей оказывать воздействие на властные структуры и контролировать их деятельность. Сервисы электронного участия выступают посредниками в данном процессе и делают его значительно проще и удобнее.

По утверждению многих отечественных исследователей, в России отношения власти и общества никогда не строились на позициях равноправия и партнерства (Шелохаев, 2000; Ровнер, 2007; Калиоропуло, 2016). Институт государственной власти всегда оставался единственным влиятельным игроком на политической арене. Представители общественности слабо вовлечены в процесс публичного управления и предпочитают оставаться наблюдателями. Ситуацию пока не слишком изменило распространение информационно-коммуникационных технологий в сфере управления, основная цель которого – облегчить гражданам процесс взаимодействия с органами власти, сделать его интерактивным. Недостаточная активность населения, отмечают опрошенные эксперты, является главной причиной невысокой эффективности электронного участия граждан в нашей стране (рис. 3). По мнению экспертов, это можно объяснить сложностью электронных сервисов и низким уровнем компьютерной грамотности жителей Российской Федерации. Из диаграммы видно, что часть ответственности чиновники не снимают и с себя. Одним из основных препятствий на пути развития электронного участия граждан они называют недостаточную открытость органов власти (рис. 3). Сумма ответов – более 100 %, респонденты могли указывать несколько вариантов ответа.

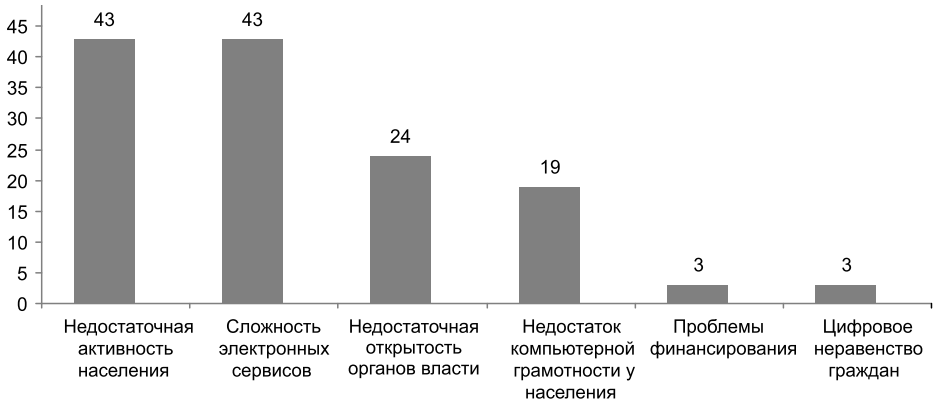


Рис. 3. Экспертная оценка причин низкой эффективности электронного участия граждан в России (в % от числа опрошенных) / Fig. 3. Expert assessment of reasons for low e-participation efficiency among the citizens in Russia (% from the respondents)

5. Привлечение граждан к управлению обществом и к разработке концепции электронного участия.

Интерактивность коммуникации в системе «власть–общество» подразумевает значительную роль граждан в принятии управленческих решений, актуальных для их региона. Одной из задач опроса было выяснить, имеют ли жители региона шансы на реальное участие в решении его проблем. Так, выяснилось, что, отмечая низкую активность и отсутствие инициативы граждан, большинство опрошенных государственных служащих не готовы видеть в представителях общественности равноправного партнера и не стремятся предоставить гражданам право самим формировать свое видение концепции электронного участия. Согласно результатам опроса, лишь 2 % опрошенных считают, что инициаторами развития электронных форм взаимодействия власти и общества должны выступать граждане. 24 % видят в этой роли общественные организации. Преобладающее большинство (74 %) убеждены, что инициатива должна исходить от органов власти.

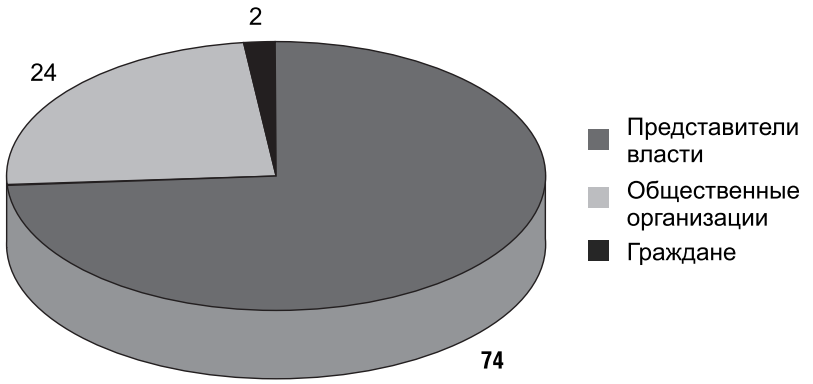


Рис. 4. Результаты экспертного опроса: Кто должен выступать инициатором развития электронного участия граждан? (в % от числа опрошенных) / Fig. 4. Results of expert survey: who should initiate the development of citizens' e-participation? (% from the respondents)

В качестве положительной тенденции можно отметить готовность чиновников Волгоградской области привлекать жителей региона к обсуждению и решению актуальных местных проблем (78 %). Лишь 9 % не считают это необходимым, 13 % опрошенных затруднились с ответом.

6. Доверие граждан к органам власти и их инициативам.

Представляется, что главной причиной невысокой политической и социальной активности граждан является отсутствие доверия к органам власти и отрицательная оценка их деятельности. Между тем современные ученые считают доверие главным фактором развития современного общества и необходимым условием эффективности социальных коммуникаций (Luhmann, 1979; Sztompka, 1999; Фукуяма, 2004). Так, по мнению Ф. Фукуямы, общества с высоким уровнем доверия характеризуются способностью к социализации и объединению и, соответственно, имеют больше возможностей достичь стабильности. Можно сделать вывод, что доверие является фактором развития гражданского общества и культуры партиципации.

Данные опросов последних лет показывают, что уровень доверия граждан к органам власти в России является чрезвычайно низким. Так, по результатам экспертного опроса, проведенного в 2015 году исследователями Института государственной службы и управления РАНХиГС, лишь 6,21 % респондентов считают уровень доверия населения к чиновникам высоким, а 9,6 % – скорее высоким. Каждый пятый опрошенный называет уровень доверия к органам власти низким[4]. Эти данные соответствуют результатам исследования, проведенного Левада-центром в том же году. Согласно им, треть населения России убеждена, что на слова представителей органов власти невозможно полагаться[5].

Таким образом, выстраивание эффективной и грамотной коммуникации с гражданами, основывающейся на доверии, должно быть приоритетной задачей органов власти. Интерес представляет выявление каналов коммуникации, пользующихся наибольшим доверием у граждан. По мнению опрошенных волгоградских экспертов, большинство граждан предпочитают традиционные, проверенные средства коммуникации, такие как веб-сайт органа власти (33 %) или электронная почта (33 %). На втором месте находятся порталы петиций (14 %). Самый низкий уровень доверия, по мнению респондентов, вызывают более современные каналы коммуникации: социальные сети (5 %) и мобильные платформы (5 %) (рис. 5).

7. Уровень знаний и квалификации государственных служащих, реализующих проекты электронного участия.

Весомым фактором эффективности электронного участия граждан считается высокий уровень квалификации специалистов, использующих элек-

[4] *Мониторинг* общественного доверия: российский и зарубежный опыт // Аналитические обзоры Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы. 2016. № 5. С. 36–37.

[5] *Доверие* к власти и официальной статистике. Пресс-выпуск Левада-центра от 19.08.2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/sudite-sami-v-kakoi-mere-grazhdane-doveryayut-vlasti (дата обращения: 20.02.2017).

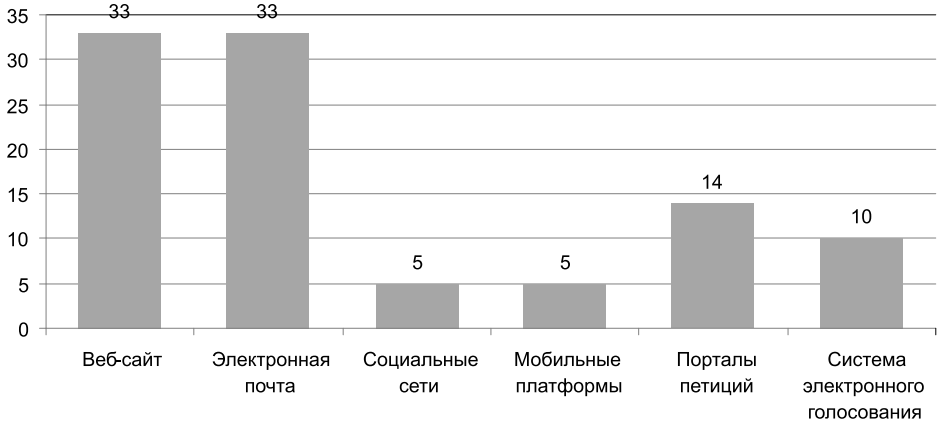


Рис. 5. Результаты экспертного опроса: выберите средство коммуникации органа власти и граждан, которое, на Ваш взгляд, пользуется наибольшим доверием у населения (в % от числа опрошенных) / Fig. 5. Results of expert survey: choose a communication tool between the authorities and the citizens, which, you believe, is the most popular among the population (% from the respondents)



Рис. 6. Результаты экспертного опроса: уровень квалификации государственных и муниципальных служащих региона в сфере электронных технологий (в % от числа опрошенных) / Fig. 6. Results of expert survey: Level of qualification among the region's state and municipal officers in the area of e-technologies (% from the respondents)

тронные технологии во взаимодействии с населением. Согласно результатам опроса, эксперты в целом положительно оценивают существующий уровень квалификации государственных и муниципальных служащих Волгоградской области. 56 % респондентов отмечают достаточный или скорее достаточный уровень, 33 % – недостаточный или скорее недостаточный, 11 % затруднились с ответом (рис. 6).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В настоящее время эффективное государственное управление невозможно без участия в нем граждан. Развитие информационно-коммуникативных технологий позволяет наиболее быстро и без больших затрат привлечь представителей общественности к процессу принятия управленческих решений. Знание и учет факторов, влияющих на успешность электронного участия граждан, повышает эффективность взаимодействия населения с органами власти с помощью электронных технологий. Факторы могут варьироваться в зависимости от ряда обстоятельств: экономической ситуации в стране, политического строя, развития электронных технологий. В ходе работы выявлена и исследована группа факторов, актуальных для современной России. Проведен анализ каждого из факторов, исследованы предпосылки для развития электронного участия граждан в нашей стране.

2. В процессе исследования установлено, что в России существует многообразие сервисов электронного участия. Однако при этом их качество нельзя признать высоким по многим причинам, главная из которых – отсутствие обратной связи на большинстве порталов и, как результат, их низкая интерактивность. Следует отметить невысокую востребованность инструментов электронного участия, предполагающих активную роль граждан в решении управленческих задач, особенно это относится к региональному уровню, что объясняется неравноправием во взаимодействии власти и общества и низким уровнем вовлеченности граждан в процесс принятия управленческих решений. К основным причинам, вызывающим эти проблемы, относятся, прежде всего, сложность предлагаемых электронных сервисов, низкий уровень компьютерной грамотности, недостаточная открытость органов власти.

3. Анализируя повышение степени прозрачности власти как фактор совершенствования электронного участия, можно сделать вывод о том, что в нашей стране сделан существенный шаг вперед в этом направлении. Институты власти на федеральном и региональном уровне стремятся сделать более доступной информацию о своей деятельности. Можно отметить разнообразие тематики и многоаспектность открытых данных, выложенных в сети Интернет. Однако при этом встречается ряд технически несовершенных сайтов, имеющих формальный характер и не отражающих реальных проблем страны и региона.

4. Нормативно-правовая база, регламентирующая информационные аспекты взаимодействия власти и граждан, в настоящее время требует определенной доработки. В качестве положительной тенденции можно отметить достаточное количество и содержательную наполненность правовых актов, регулирующих данную сферу и охватывающих практически все аспекты взаимоотношений власти и граждан. Единственным слабо регламентированным аспектом является механизм общественного контроля над деятельностью органов власти. Другой недостаток – невысокая эффективность существующих правовых актов, ряд из которых невозможно реализовать на практике.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-13-34002 «Электронное участие граждан: анализ существующих возможностей и перспективы развития в Волгоградской области».

Библиографический список

Демушина О. Н. Нормативно-правовое регулирование электронного участия граждан в России // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. 2016. № 3. С. 21–24.

Калиоропуло Е. В. Коммуникативные отношения в системе «власть–общество» в современной России [Электронный ресурс] // Культура и время перемен. 2016. № 2 (13). URL: http://timekguki.esrae.ru/29-191 (дата обращения: 18.02.2017).

Олейник А. Интернет-акции не заменят политического действия [Электронный ресурс] // Ведомости. 2010. 30 нояб. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2010/11/30/asocialnaya_set (дата обращения: 20.02.2017).

Ровнер Я. Я. Власть и общество в России (Истоки и смысл политического отчуждения) // Власть. 2007. № 10. С. 40–43.

Скопинцев А. К. Основные факторы, влияющие на эффективность внедрения электронного правительства [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 121 (07). DOI: 10.21515/1990-4665-121-083. URL: http://ej.kubagro.ru/2016/07/pdf/83.pdf (дата обращения: 15.02.2017).

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М.: АСТ, 2004. 732 с.

Чуклинов А. Е. «Прозрачная» государственная политика: некоторые проблемы теории и практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2006. № 8. С. 44–50.

Шелохаев В. В. Особенности отношений власти и общества в России: история и современность // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 10–21.

Alomari M., Sandhu K., Woods P. Measuring social factors in E-government adoption in the Hashemite Kingdom of Jordan // International Journal of Digital Society (IJDS). 2010. Vol. 1, № 2. P. 163–172.

Anthopoulos L. G., Siozos P., Tsoukalas I. A. Applying participatory design and collaboration in digital public services for discovering and re-designing e-Government services // Government Information Quarterly. 2007. Vol. 24, № 2. P. 353–376. DOI: 10.1016/j.giq.2006.07.018.

Bennett D. Factors influencing the success of an E-participation project in South Africa: Ph.D. Thesis [Электронный ресурс]. University of Cape Town, 2015. 103 p. URL: https://open.uct.ac.za/bitstream/item/16533/thesis_com_2015_lrxdin001-thesis.pdf?sequence=1 (дата обращения: 21.02.2017).

Carter L., Bélanger F. The utilization of e-government services: Citizen trust, innovation and acceptance factors // Information Systems Journal. 2005. Vol. 15, № 1. P. 5–25. DOI: 10.1111/j.1365-2575.2005.00183.x.

Carter L., Weerakkody V. E-government adoption: A cultural comparison // Information Systems Frontiers. 2008. Vol. 10, № 4. P. 473–482. DOI: 10.1007/s10796-008-9103-6.

Cegarra-Navarro J.-G., Pachón J. R. C., Cegarra J. L. M. E-government and citizen's engagement with local affairs through e-websites: The case of Spanish municipalities // International Journal of Information Management. 2012. Vol. 32, № 5. P. 469–478. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2012.02.008.

Denhardt R. B., Denhardt J. The New public service: Serving rather than steering // Public Administration Review. 2000. Vol. 60, № 6. P. 549–559.

Gil-García J. R., Pardo T. A. E-government success factors: Mapping practical tools to theoretical foundations // Government Information Quarterly. 2005. Vol. 22, № 2. P. 187–216. DOI: 10.1016/j.giq.2005.02.001.

Hung S.-Y., Chang C.-M., Yu T.-J. Determinants of user acceptance of the e-Government services: The case of online tax filing and payment system // Government Information Quarterly. 2006. Vol. 23, № 1. P. 97–122. DOI: 10.1016/j.giq.2005.11.005.

Lean O. K., Zailani S., Ramayah T., Fernando Y. Factors influencing intention to use e-government services among citizens in Malaysia // International Journal of Information Management. 2009. Vol. 29, № 6. P. 458–475. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2009.03.012.

Luhmann N. Trust and Power. Chichester: John Wiley and Sons Inc., 1979. 208 p.

Macintosh A., Whyte A. Towards an evaluation framework for eParticipation // Transforming Government: People, Process and Policy. 2008. Vol. 2, № 1. P. 16–30. DOI: 10.1108/17506160810862928.

Nabafu R., Maiga G. A model of success factors for implementing local E-government in Uganda // Electronic Journal of E-government. 2012. Vol. 10, № 1. P. 31–46.

Papadopoulou P., Nikolaidou M., Martakos D. What is trust in e-government? A proposed typology // Proceedings of the 43rd Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS), Honolulu, Hawaii, USA, 2010. 11 March. DOI: 10.1109/HICSS.2010.491.

Sahari N., Zainal Abidin N., Kasimin H., Mohd Idris H. Malaysian e-Government application: Factors of actual use // Australian Journal of Basic and Applied Sciences. 2012. Vol. 6, № 12. P. 325–334.

Sztompka P. Trust: A sociological theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 214 p.

Tolbert C. J., Mossberger K. The effects of E-government on trust and confidence in government // Public Administration Review. 2006. Vol. 66, № 3. P. 354–369. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2006.00594.x.

Vicente M. R., Novo A. An empirical analysis of e-participation. The role of social networks and e-government over citizens' online engagement // Government Information Quarterly. 2014. Vol. 31, № 3. P. 379–387. DOI: 10.1016/j.giq.2013.12.006.

Wijnhoven F., Ehrenhard M., Kuhn J. Open government objectives and participation motivations // Government Information Quarterly. 2015. Vol. 32, № 1. P. 30–42. DOI: 10.1016/j.giq.2014.10.002.

Информация об авторе

Демушина Ольга Николаевна – канд. соц. наук, доц. кафедры корпоративного управления Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО

«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 400078, Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8
ORCID: 0000-0002-7599-3604
ResearcherID: H-8330-2017
Электронный адрес: Olga-demushina@yandex.ru

Статья получена 15 мая 2017

UDC 316.4:323.21
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-132-151

INFLUENCE FACTORS FOR E-PARTICIPATION

Olga N. Demushina
Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 8 Gagarin str., Volgograd, 400078, Russia
ORCID: 0000-0002-7599-3604
ResearcherID: H-8330-2017
E-mail: Olga-demushina@yandex.ru

For citation:
Demushina, O. N. (2017), "Influence factors for e-participation", *Ars Administrandi,* vol. 9, no. 2, pp. 132–151, doi: 10.17072/2218-9173-2017-2-132-151.

Introduction. The paper presents the results of research based on the outcomes of literature review, regulatory framework and expert survey of regional government officials in Volgograd region as a part of the project "E-participation of citizens: Analysis of existing possibilities and prospects of development in Volgograd region" supported by the Russian Humanitarian Science Foundation in 2016.

Aims. The aim of the research is to reveal, explore, and to analyze factors influencing the efficiency of e-participation in order to evaluate the level of e-democracy development in Russia and Volgograd region and to elaborate recommendations enhancing communication between regional governments and citizens.

To achieve these objectives the author utilized the following research **methods**: 1) literature review devoted to e-participation; 2) regulatory framework analysis; 3) expert survey of regional government officials involved into e-participation projects.

Results. The study reveals and explores the following factors: amount and quality of e-participation services; regulatory framework, regarding e-participation; level of government's transparency; bottom up communication between governments and citizens; citizens' involvement in governance; citizens' trust in government; level of knowledge of government officials dealing with e-participation.

Conclusion. The research shows that local governments don't use many e-participation tools to interact with citizens. The results of the expert survey show that the reasons for the insufficient level of e-participation in Volgograd region are low activity of citizens, complexity of e-services and insufficient transparency of local governments.

Key words: e-participation; e-participation factors; petition services; crowdsourcing; open data portal; e-voting

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Humanitarian Science Foundation, project no. 16-13-34002 "E-participation of citizens: Analysis of existing possibilities and prospects of development in Volgograd region".

References

Demushina, O. N. (2016), "Regulatory framework of e-participation in Russia", *Scientific Bulletin of the Volgograd Branch of The Presidential Academy*, no. 3, p. 21–24.

Kalioropulo, E. (2016), "The communicative relations in the "power society" system in modern Russia" [Online], *Kul'tura i vremja peremen,* no. 2 (13), available at: http://timekguki.esrae.ru/29-191 (Accessed February 18, 2017).

Olejnik, A. (2010), "Internet events can't replace political actions" [Online], *Vedomosti,* November 30, 2010, available at: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2010/11/30/ asocialnaya_set (Accessed February 20, 2017).

Rovner, J. (2007), "Authority and society in Russia (Reasons and essence of political estrangement)", *Vlast*, no. 10, pp. 40–43.

Skopincev, A. (2016), "General factors influencing the efficiency of implementation of e-government" [Online], *Scientific Journal of KubSAU*, no. 121 (07), doi: 10.21515/1990-4665-121-083, available at: http://ej.kubagro.ru/2016/07/pdf/83.pdf (Accessed February 15, 2017).

Fukuyama, F. (2004), *Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniju* [Trust: The social virtues and the creation of prosperity], translated by Pavlova, D., Kiryushhenko, V. and Kolopotin, M., AST, Moscow, Russia.

Chuklinov, A. (2006), "A "transparent" state policy: some problems of the theory and practice", *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov,* no. 8, p. 44–50.

Shelohaev, V. (2000), "Special aspects of relations between authorities and society in Russia: history and modern situation", in Zaslavskaya, T. (ed.), *Where is Russia going? Authority, society, personality*, The Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES) publishing house, Moscow, Russia, pp. 10–21.

Alomari, M., Sandhu, K. and Woods, P. (2010), "Measuring social factors in E-government adoption in the Hashemite Kingdom of Jordan", *International Journal of Digital Society (IJDS)*, vol. 1, no. 2, pp. 163–172.

Anthopoulos, L. G., Siozos, P. and Tsoukalas, I.A. (2007), "Applying participatory design and collaboration in digital public services for discovering and re-designing e-Government services", *Government Information Quarterly*, vol. 24, no. 2, pp. 353-376, doi: 10.1016/j.giq.2006.07.018.

Bennett, D. (2015), "Factors influencing the success of an E-participation project in South Africa", Ph.D. Thesis, Information Systems, University of Cape Town, Cape Town, Republic of South Africa [Online], available at: https://open.uct.ac.za/bitstream/item/16533/thesis_com_2015_lrxdin001-thesis.pdf?sequence=1 (Accessed February 21, 2017).

Carter, L. and Bélanger, F. (2005), "The utilization of e-government services: Citizen trust, innovation and acceptance factors", *Information Systems Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 5–25, doi: 10.1111/j.1365-2575.2005.00183.x.

Carter, L. and Weerakkody, V. (2008), "E-government adoption: A cultural comparison", *Information Systems Frontiers*, vol. 10, no. 4, pp. 473–482, doi: 10.1007/s10796-008-9103-6.

Cegarra-Navarro, J.-G., Pachón, J. R. C. and Cegarra, J. L. M. (2012), "E-government and citizen's engagement with local affairs through e-websites: The case of Spanish municipalities", *International Journal of Information Management*, vol. 32, no. 5, pp. 469–478, doi: 10.1016/j.ijinfomgt.2012.02.008.

Denhardt, R. B. and Denhardt, J. (2000), "The new public service: Serving rather than steering", *Public Administration Review*, vol. 60, no. 6, pp. 549–559.

Gil-García, J. R. and Pardo, T. A. (2005), "E-government success factors: Mapping practical tools to theoretical foundations", *Government Information Quarterly*, vol. 22, no. 2, pp. 187–216, doi: 10.1016/j.giq.2005.02.001.

Hung, S.-Y., Chang, C.-M. and Yu, T.-J. (2006), "Determinants of user acceptance of the e-Government services: The case of online tax filing and payment system", *Government Information Quarterly*, vol. 23, no. 1, pp. 97–122, doi: 10.1016/j.giq.2005.11.005.

Lean, O. K., Zailani, S., Ramayah, T. and Fernando, Y. (2009), "Factors influencing intention to use e-government services among citizens in Malaysia", *International Journal of Information Management*, vol. 29, no. 6, pp. 458–475, doi: 10.1016/j.ijinfomgt.2009.03.012.

Luhmann, N. (1979), *Trust and Power*, John Wiley and Sons Inc., Chichester, UK.

Macintosh, A. and Whyte, A. (2008), "Towards an evaluation framework for eParticipation", *Transforming Government: People, Process and Policy*, vol. 2, no. 1, pp. 16–30, doi: 10.1108/17506160810862928.

Nabafu, R. and Maiga, G. (2012), "A model of success factors for implementing local E-government in Uganda", *Electronic Journal of E-government*, vol. 10, no. 1, pp. 31–46.

Papadopoulou, P., Nikolaidou, M. and Martakos, D. (2010), "What is trust in e-government? A proposed typology", 43rd Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS), Honolulu, Hawaii, USA, March 11, 2010, doi: 10.1109/HICSS.2010.491.

Sahari, N., Zainal Abidin, N., Kasimin, H. and Mohd Idris, H. (2012), "Malaysian e-Government application: Factors of actual use", *Australian Journal of Basic and Applied Sciences*, vol. 6, no. 12, pp. 325–334.

Sztompka, P. (1999), *Trust: a sociological theory*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Tolbert, C. J. and Mossberger, K. (2006), "The effects of E-government on trust and confidence in government", *Public Administration Review*, vol. 66, no. 3, pp. 354–369, doi: 10.1111/j.1540-6210.2006.00594.x.

Vicente, M. R. and Novo, A. (2014), "An empirical analysis of e-participation. The role of social networks and e-government over citizens' online engagement", *Government Information Quarterly*, vol. 31, no. 3, pp. 379–387, doi: 10.1016/j.giq.2013.12.006.

Wijnhoven, F., Ehrenhard, M. and Kuhn, J. (2015), "Open government objectives and participation motivations", *Government Information Quarterly*, vol. 32, no 1, pp. 30-42, doi: 10.1016/j.giq.2014.10.002.

Received May 15, 2017

УДК 004:94(47)19
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-152-175

ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ АНАЛИЗА СОСТОЯНИЯ КУСТАРНЫХ ПРОМЫСЛОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ИХ РАЗВИТИИ НА ПРИМЕРЕ XVI ВСЕРОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫСТАВКИ (1896 Г.)

Е. С. ЧЕРЕПАНОВА
Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

О. В. МАРАСАНОВА
Пермский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия

Д. В. КОЛБИНА
Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

Для цитирования:
Черепанова Е. С., Марасанова О. В., Колбина Д. В. Геоинформационные технологии анализа состояния кустарных промыслов в Российской империи и роль государства в их развитии на примере XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки (1896 г.) // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Том 9, № 2. С. 152–175. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-152-175.

Введение: в статье содержится анализ пространственного распределения кустарных промыслов в Российской империи, изучена роль государства и органов местного самоуправления по их развитию в конце XIX века на основе универсального массового первоисточника – «Подробный указатель по отделам «Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде».

Цель: определить возможность использования данного универсального массового первоисточника для выявления основных направлений и оценки эффективности государственной и земской поддержки развития кустарных промыслов в Российской империи конца XIX века.

Методы: цифровое пространственное моделирование, а также сравнительный метод.

Результаты: подтверждена возможность использования указанного массового первоисточника для определения основных направлений и эффективности государственной и земской поддержки развития кустарных промыслов в Российской империи конца XIX века.

Выводы: материалы «Подробного указателя по отделам «Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде» являются важным источником по изучению роли государства и органов местного самоуправления в развитии кустарных промыслов в Российской империи в конце XIX века. Главное их достоинство заключается в массовости и однотипности. Однако, учитывая основное предназначение каталога как путеводителя по выставке, использовать этот источник необходимо с определенной осторожностью, только после разностороннего социально-экономического и картографического анализа дополнительного исторического материала по теме.

 © Черепанова Е. С. , Марасанова О. В., Колбина Д. В., 2017

Ключевые слова: цифровое пространственное моделирование; геоинформационное картографирование; пространственный анализ; кустарные промыслы; выставочная деятельность; земства; органы местного самоуправления

ВВЕДЕНИЕ

Развитие выставочной деятельности во второй половине XIX века является одной из характерных особенностей экономической и культурной жизни Европы и Северной Америки. Промышленные, сельскохозяйственные, художественные или универсальные выставки проводились в международном, страновом и региональном форматах. Они были одним из самых заметных событий в социально-экономической жизни любого государства. Организация и проведение этих грандиозных мероприятий требовали создания определенных жестких регламентов, направленных на повышение удобства участия в них как экспонентов, так и широкой публики (Rydell and Gwinn, 1994). К таким обязательным и системным выставочным атрибутам относился и относится до сих пор каталог ее участников. Этот документ, хотя и используется фрагментарно в качестве иллюстративного материала по истории развития выставочного дела, но в целом остается вне поля зрения современных исследователей. Авторы работы предприняли попытку восполнить данный пробел и провести на основе «Подробного указателя по отделам «Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде» (далее – Каталог) социально-экономический и картографический анализ роли государства и органов местного самоуправления в поддержке развития кустарных промыслов в Российской империи в конце XIX века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

XVI Всероссийская художественная и промышленная выставка в Нижнем Новгороде является крупнейшей универсальной выставкой дореволюционной России. Для ее проведения был построен специальный выставочный городок общей площадью около 841,6 тыс. кв. м. За шесть месяцев работы выставки (с 15 мая по 1 октября 1896 года) ее посетили 991 013 человек. Ю. А. Никитин, исследователь выставочной архитектуры, отдельно отмечает культурно-просветительное значение выставки, «на которой было прочитано около 200 публичных лекций» (Никитин, 2014). В выставке приняли участие около 9 000 отечественных предпринимателей, которые в 20 выставочных отделах представили товары только российского происхождения. Полное описание каждого отдела и было приведено в Каталогах, средний объем каждого из них составлял около 100 страниц. Структура этих документов являлась унифицированной и соответствовала требованиям международных выставочных стандартов: общий обзор развития отрасли экономики или социальной сферы (от 2 до 5 % объема Каталога), перечень экспонентов в алфавитном порядке в разрезе групп и классов (от 94 % до 97 % объема Каталога), а также рекламные блоки (до 1 % объема Каталога). В частности, Каталог XI отдела «Кустарные промыслы» состоял из 12 групп и 43 классов (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Классификация XI отдела «Кустарные промыслы» / Classification of XI Chapter "Handicrats" (Kustarnye promysly)

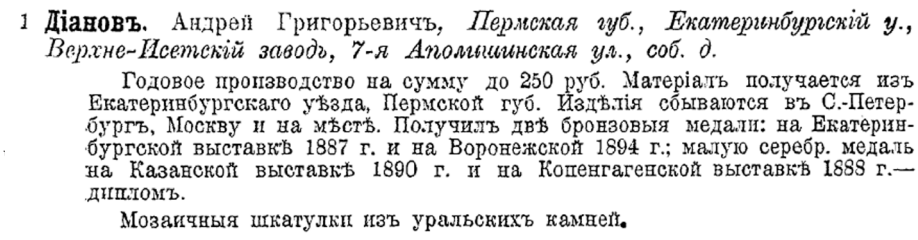
Номер группы	Описание группы	Номер класса	Описание класса
1	*2*	*3*	*4*
110	Обработка минеральных веществ	372–373	Гончарное производство, стеклянное производство
111	Металлические производства	374–380	Кузнечно-слесарное производство, ножевые, замочные и скобяные изделия, домашняя утварь из разных металлов, плотничные, слесарные, кузнечные и столярные инструменты, изделия из драгоценных металлов, проволочное и булавочное производство, производство огнестрельного и холодного оружия
112	Обработка дерева	382–387	Деревянные изделия и посуда, токарные и резные изделия, столярные и плотничные изделия, тележный промысел, бондарный промысел, изделия из лыка, коры, соломы и прута
113	Обработка кости, рога, волоса и щетины	388–389	Изделия из рога и кости, издания из волоса и щетины
114	Кожевенное и скорняжное производство	390–391	Кожевенный промысел, скорняжный промысел
115	Сапожное и шорное производство	392–394	Сапожное производство, шорное производство, изготовление мелких предметов из кожи
116	Клееварное и маслобойное производство	395	Клееварное и маслобойное производство
117	Обработка волокнистых веществ	396–402	Веревочный и канатный промысел: рыболовные снасти, изготовление пряжи, ткачество и крашение, кружевное производство, вышивки и прошивки, вязальный промысел, ковровое производство, валяльный промысел
118	Смешанное производство	403–411	Домашняя утварь, столовые приборы, кабинетные приборы, картонажное производство и изделия из папье-маше, производство игрушек, часовое производство, производство математических, физических, медицинских и технических инструментов, производство лубочных картин, иконопись, производство музыкальных инструментов, шапочное, картузное, портняжное производство

1	*2*	*3*	*4*
119	Орудия кустарных производств	412	Орудия кустарных производств
120	Производства кустарные в действии	413	Производства кустарные в действии
121	Сочинения, периодические и справочные издания по кустарной промышленности. Картография кустарной промышленности	414	Сочинения, периодические и справочные издания. Картография кустарной промышленности

Всего в Каталоге представлено описание 926 экспонентов по следующей схеме (рис. 1):

1. Личные данные (фамилия, имя, отчество).
2. Адрес проживания (губерния, уезд (частично), волость (редко), населенный пункт, улица).
3. Общая характеристика промысла (объем годового производства (указан у 50 % респондентов), указание места происхождения материала, из которого изготовлен выставочный экспонат или экспонаты, места реализации готовой продукции (частично), перечень наград, полученных на предыдущих выставках (редко)).
4. Описание изделия.

В скобках курсивом приведена частота упоминания определенных характеристик экспонента. Поэтому для дальнейшего анализа состояния кустарных промыслов, анализа государственной и земской поддержки было использовано следующее допущение: для участников, где отсутствовала информация об объеме среднегодового производства, он был определен в размере 10 рублей, как усредненный по мелким товаропроизводителям. Единственным исключением стала группа 121 «Сочинения, периодические и справочные издания по кустарной промышленности. Картография кустарной промышленности» (4 участника), которую можно отнести к информационному сопровождению развития



1 **Діановъ.** Андрей Григорьевичъ, *Пермская губ., Екатеринбургскій у., Верхне-Исетскій заводъ, 7-я Апомышинская ул., соб. д.*

Годовое производство на сумму до 250 руб. Матеріалъ получается изъ Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губ. Издѣлія сбываются въ С.-Петербургъ, Москву и на мѣстѣ. Получилъ двѣ бронзовыя медали: на Екатеринбургской выставкѣ 1887 г. и на Воронежской 1894 г.; малую серебр. медаль на Казанской выставкѣ 1890 г. и на Копенгагенской выставкѣ 1888 г.— дипломъ.

Мозаичныя шкатулки изъ уральскихъ камней.

Рис. 1. Пример описания экспонента XI отдела Каталога /
Fig. 1. An example of exhibitor's description from XI Chapter of Catalog

Основным источником состояния кустарных промыслов и их поддержки со стороны государства и земств в конце XIX века является раздел «Общий обзор», который подготовил Николай Викторович Пономарев, член-делопроизводитель Кустарного комитета Министерства земледелия и государственных имуществ. Прежде всего в разделе дается исчерпывающая характеристика того, кто и почему мог ими заниматься: «При малоземельности и скудности почвы, крестьяне, в свободное от полевых работ время, занимаются с промышленной целью так называемыми «кустарным» промыслами. Эти занятия дают населению, в общей сложности, довольно значительный заработок, служат подспорьем, а иногда даже единственным средством существования крестьянской семьи»[1]. Далее в «Общем обзоре» приводится информация по основным формам организации кустарного промысла.

1. По правовой форме организации:

– без права юридического лица;

– с правом юридического лица. Начиная с 1886 года стали разрабатываться уставы артелей, которые в первую очередь получали государственную или земскую поддержку.

2.По форме организации производства:

– семейная (домашняя) организация с привлечением одного или двух наемных работников;

– артельная организация труда. Основной причиной является необходимость приобретения технических устройств для организации промысла (гончарное, кирпичное, кузнечное, смолокурение и другие производства), значительно реже – это совместная покупка материалов или организация сбыта продукции.

3. По месту организации кустарных промыслов:

– местные промыслы;

– отхожие промыслы – это временная, чаще всего сезонная работа.

По данным Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Евфрона[2] в 1880-х годах ежегодно отходниками становились не менее 5 млн чел. При этом из нечерноземной полосы Европейской части России крестьяне уходили в основном на различные промышленные промыслы, а из черноземной – на земледельческие заработки.

4. По видам производств (в целом насчитывалось около 50 видов кустарных промыслов), которые Н. В. Пономарев группирует по следующим видам:

– обработка растительных материалов (обработка дерева, волокнистых веществ (льна, пеньки и хлопка));

– обработка животных продуктов (обработка кож животных, шелкотканое производство, производства изделий из рога и черепахи);

---

[1] *Подробный* указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отдел 11. Кустарные промыслы. М.: Типо-литография Высочайше утв. Русского Т-ва печатного и издательского дела, 1896. С. 1.

[2] *Энциклопедический* словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Евфрона [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/58360/Кустарная (дата обращения: 05.04.2017).

– обработка минералов (изготовление изделий из глины, простых и цветных камней);

– производство изделий из металлов (гвоздарное производство, слесарное дело, проволочное производство, изготовление домовых приборов, огнестрельного и холодного оружия);

– смешанные производства (изделия, состоящие из различных материалов: иконопись, кружевное плетение, ювелирное и игрушечное производства)[3].

Автор «Общего обзора» также представляет информацию и о размере среднего заработка кустарей[4]. Учитывая тот факт, что в 1895–1897 годах в России проводилась денежная реформа, когда один рубль имел золотое обеспечение = 0,774235 г чистого золота, авторы сочли возможным провести перерасчет среднего размера годовой заработной платы кустарей по состоянию на 1 мая 2017 года (1 грамм чистого золотого = 2313,4 руб.) (см. табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Размер среднегодового заработка кустарей /
Average annual wage of a handicraftsman

Название промысла	1896 (руб.)			2017 (тыс. руб.)		
	Мужчины	Женщины	Подростки	Мужчины	Женщины	Подростки
Ткацкий	60–80	18–24	6–9	107,5–143,3	32,2–43	10,7–16,1
Кружевной		30–50			53,7–89,6	
Колесный	15–40			26,9–71,6		
Иконописный	120–175			214,9–313,4		
Сапожный	85–120		12–40	152,2–214,9		21,5–71,6
Валяльный	40–80			71,6–143,3		
Гончарный	50–100			89,6–179,1		
Ложкарный	40–50			71,6–89,6		
Слесарный	50–400			89,6–716,4		

Н. В. Пономарев дает комментарий, объясняя достаточно высокий размер заработка иконописцев тем, что они являются обыкновенно безземельными крестьянами, работающими круглый год; сапожники в большинстве случаев «отбились от земледелия (часто сдают свои наделы в аренду) и, наконец, слесарная работа, требующая подготовки и вообще искусства, оплачи-

[3] *Подробный* указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки… С. 1–10.

[4] Там же. С. 10.

вается обыкновенно, как и в среде городских ремесленников, сравнительно высоко»[5]. Для остальных категорий кустарей их промысловая деятельность действительно является дополнительным доходом к основному земледельческому труду. Н. В. Пономарев оценивал в целом по стране общий размер заработка кустарей в 100–120 млн руб., что составляет 231,4–277,6 млрд руб. по курсу 2017 года.

Однако автор «Общего раздела» не отвечает на очень простой вопрос: сколько же жителей Российской империи занимались этими кустарными промыслами? Ответ на него можно найти в работах русских экономистов гг. Воронцова и Яроцкого, которые насчитывали «от 7 до 8 млн лиц, занимающихся кустарной промышленностью, как дополнением к своему земледельческому труду»[6]. Столь приблизительные статистические данные Д. И. Менделеев объяснял тем, что «крестьяне занимались кустарными промыслами в одиночку или артельно, но результаты их работы не облагались промысловым налогом» (Менделеев, 1952, с. 237).

Несмотря на значение кустарной промышленности для экономики Российской империи, на общероссийских выставках изделия кустарей были представлены весьма фрагментарно. Подтверждением этого является тот факт, что они впервые появились в 1850 году на Выставке сельских произведений (г. Санкт-Петербург). Специальный кустарный отдел был впервые организован в 1882 году на XV Всероссийской промышленной художественной выставке (г. Москва). Второй выставкой, которая более наглядно показала уровень развития кустарных промыслов, стала XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Структура кустарных промыслов Российской империи

Анализ Каталога, проведенный авторами, позволил составить целостное впечатление о том, какие кустарные промыслы были представлены в 1896 году (табл. 3).

Из данных, приведенных в таблице 3, видно, что количество экспонентов в группах XI отдела «Кустарные промыслы» было неравномерным. Их наибольшее количество было представлено в 117-й группе «Обработка волокнистых веществ» (26,6 %), 111-й группе «Металлические производства» (26,5 %) и 112-й группе «Обработка дерева» (20,3 %). В остальных группах задействованы только 26,4 % экспонентов.

[5] Там же. С. 11.

[6] *Ковалевский М. М.* Экономический строй России / пер. с фр. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1899. С. 98.

Таблица 3 / Table 3

Характеристика экспонентов XI отдела «Кустарные промыслы» / Characteristics of exhibitors of XI Chapter "Handicrats" (Kustarnye promysly)

№ группы	Описание группы	Количество экспонентов	Объем производства, руб.	Доля в объеме производства, %	Доля в участниках, %
110	Обработка минеральных веществ	23	9375	1,6	2,5
111	Металлические производства	246	291165	49,7	26,6
112	Обработка дерева	188	54475	9,3	20,3
113	Обработка кости, рога, волоса и щетины	14	9200	1,6	1,51
114	Кожевенное и скорняжное производство	18	15620	2,6	1,9
115	Сапожное и шорное производство	38	32180	5,4 %	4,1
116	Клееварное и маслобойное производство	6	4050	0,7	0,6
117	Обработка волокнистых веществ	247	89312	15,2	26,6
118	Смешанное производство	124	85000	14,5	13,3
119	Орудия кустарных производств	11	4520	0,8	1,2
120	Производства кустарные в действии	7	70	0,01	0,76
	Итого	922	595 007		

Что касается доли в объеме производства, то здесь на первом месте стоит 111-я группа «Металлические производства» (49,7 %), 117-я группа «Обработка волокнистых веществ» (15,2 %) и группа 116 «Смешанное производство» (14,5 %). Следовательно, на оставшихся участников группы приходится всего 20,5 % респондентов. Общий объем производства экспонентов, участвующих в выставке был равен 595 007 руб. или 44 854 тыс. руб. по курсу рубля на 1 мая 2017 года.

Следовательно, даже выставочный вариант развития кустарных промыслов подтверждает вывод Н. В. Пономарева о малотоварном характере производства кустарной промышленности в Российской империи.

Учитывая тот факт, что стоимость годового объема производства носила заявительный характер, трудно говорить о реальном состоянии дел экспонентов (табл. 4). Однако перечень изделий, которые были ими представлены, подтверждает вывод М. М. Ковалевского, что в конце XIX века наиболее успешно развивались кустарные промыслы, являющиеся «только низшими органами капиталистической промышленности», но именно они в будущем и потерпят

поражение в сравнении с фабричным производством: изготовление шерстяных материй и пледов, строчного белья, якорных цепей, ножей, серпов, ведер, чайников, тазов, ковшей, самоваров[7].

Таблица 4 / Table 4

Крупнейшие экспоненты XI отдела «Кустарная промышленность» / The largest exhibitors of XI Chapter "Handicrats" (Kustarnye promysly)

Губерния	Экспонент	Годовой объем производств, руб.	Изделия
Московская	Каткова Мария Дмитриевна	8200	Шерстяные материи и пледы
Нижегородская	Братья Крупкины (почтовая станция Кстово)	5000	Якорные цепи
Нижегородская	Бедин И. Д. (с. Ворсма)	5000	Охотничьи ножи
Нижегородская	Морозов И. Д. (с. Павлово)	5000	Разные ножи: буфетные, хлебные, устричные
Нижегородская	Морозов И. Д. (с. Павлово)	5000	Кинжалы
Владимировская	Крестьянинов В. С. (с. Мстёра)	5000	Фольговые иконы в киотах
Владимировская	Воронков Н. А. (д. Окатово)	5000	Строчное белье
Владимировская	Григорьев М. К. (д. Пшеницыно)	5000	Производство серпов
Московская	Талаев П. П. (д. Астрецово)	5000	Металлические игрушки
Пермская	Пахтеев П. А. (с. Нижний Тагил)	5000	Ведра, чайники, тазы, ковши
Пермская	Помыткин Г. Н. (с. Суксун)	5000	Самовары: чеканный и томпаковый в виде вазы
Ярославская	Бурмакинская кустарная артель (д. Щипцово)	5000	Кузнечно-слесарные изделия
Ярославская	Матраков В. Г. (д. Булакова)	5000	Кружева
Вятская	Зубарев Ф. И. (д. Зубарево)	5000	Трости и палки из бересты на стальной и железной проволоке
Костромская	Манилов И. З. (почт.ст. Красное)	5000	Ювелирные изделия из серебра

[7] Там же. С. 99.

М. Ковалевский не ошибся, делая вывод, что в будущем сохранятся кустарные промыслы, «которые имеют в изобилии и под рукой сырой материал и продукты которых пользуются в то же время спросом в крестьянской среде. Таковы столяры, рогожники, лапотники»[8]. В наши дни кустарные промыслы сохранились и активно развиваются во многих регионах мира: Африке (Stockland, 1978; Terry, 2000, 2001; Harris, 2014a), Юго-Восточной Азии (Ahamad and Yasmin, 2017; Krasae-In et al., 2016; Chakraborty, 2017; Krasae-In, 2017), Латинской Америки (Little, 2004, 2005), других регионах (Matsenjwa and Musiiwa, 2016; Naidu et al., 2014). Даже сформировались крупные кластеры кустарных промыслов, например, в Африке сложился кластер Найроби (Harris, 2014b, 2016).

Однако в современной России наиболее успешно развиваются народные художественные ремесла. Среди крупнейших экспонентов XI отдела Нижегородской выставки такие кустари уже были. Один из них И. З. Манилов (Костромская губерния, с. Красное) представил недорогие украшения из серебра. В 1904 году в селе Красном будет открыта Художественно-ремесленная школа, и её выпускники создадут знаменитую красносельскую скань, которая и сегодня является визитной карточкой Костромской области. Еще один участник выставки 1896 года В. С. Крестьянинов (Владимирская губерния, с. Мстёра) являлся представителем еще одного в будущем известного российского художественного промысла: русской народной миниатюрной живописи темперой на лаковых изделиях из папье-маше.

XI отдел Каталога является источником и о развитии государственной и земской поддержки кустарных промыслов в Российской империи.

Развитие государственной и земской поддержки кустарных промыслов в Российской империи

Первоначально Правительство Российской империи возложило всю ответственность за поддержку и развитие кустарной промышленности на губернские и уездные земства. В 1864 году вышло «Положение о губернских и уездных земских учреждениях»[9], которым органам местного самоуправления было вменено «5. Попечение о развитии местной торговли и промышленности». Кроме того к предмету ведомства губернских земств были отнесены «2. Дела об открытии новых ярмарок и о перенесении или изменении сроков ярмарок существующих», а к полномочиям уездных земств – «IV. Разрешение на открытие торгов и базаров». Далее циркуляром Министерства внутренних дел по Департаменту полиции от 6 сентября 1886 года была предложена базовая схема (рис. 2) по поддержке развития кустарной промышленности в 34 земских губерниях Российской империи[10].

Однако в дальнейшем различные министерства Правительства Российской империи подключились к этой работе. Каталог Нижегородской выставки интересен тем, что подводит определенные итоги этой работы. В «Общем

[8] Там же. С. 98.

[9] *Полное* собрание законов Российской Империи. Собрание. Отд. I. Т. 39, № 40457. С. 1–10.

[10] *Протокол* заседания Особого Присутствия по развитию кустарных промыслов Вологодской губернии 4 Декабря 1886 года [Электронный ресурс]. URL: http://business.vkk.edu.ru/ist_volpr/pr/kust_prom/03.htm (дата обращения: 02.05.2017).

обзоре» Н. В. Пономарев пишет: «Правительство (Министерство Земледелия и Государственных имуществ) начало проявлять свою деятельность по развитию вышеупомянутой промышленности лишь в 1888 году; при этом на воспособление упомянутой, весьма важной, отрасли народного хозяйства было отпущено первоначально 35–60 тыс. руб. (1888–1894 гг.), а засим – 80 тыс. руб. (1895–1896 гг.)»[11]. Данная государственная поддержка составляла соответственно 62 698,0–107 466,9 тыс. руб. и 143 289,2 тыс. руб. по курсу рубля на 1 мая 2017 года.



Рис. 2. Базовая схема поддержки кустарных промыслов в земских губерниях / Fig. 2. Fundamental support scheme for the handicrafts in zemstvos

Основными ее соисполнителями в основном являлись губернские и уездные земства. Автор «Общего раздела» называет три основных направления этой совместной деятельности.

Во-первых, создание условий сбыта готовых изделий как форма борьбы с перекупщиками. Эта проблема была крайне актуальна. В частности, 4 декабря 1886 года на заседании по вопросу развития кустарных промыслов Вологодской губернии был приведен следующий факт: «кружево, приготовляемое в деревне, проходит иногда чрез 7 посредниц прежде, чем попадет в руки потребителя; при этом дознано, что первые скупщицы пользуются приблизительно 3-мя копеек барыша с рубля, следующие удерживают копеек 5, другие – 10, а главные торговки, сортирующие партии, берут до 15 копеек. Можно теперь себе представить, как низка должна быть первичная стоимость кружева. Ясно, что при таком естественном течении промысла огульная масса кружевниц губернии должна стремиться и в действительности стремится к развитию и распространению «кружевного тряпья», а отнюдь не хорошего кружева»[12]. В «Общем разделе» Каталога приведены примеры борьбы органов местного самоуправления с такой организацией сбыта: постоянное проведение хорошо организованных выставок с дальнейшим сбытом продукции через земские склады (Москва и Вятская губерния). Получали государствен-

[11] *Подробный* указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки… С. 12.

[12] *Протокол* заседания Особого Присутствия по развитию кустарных промыслов…

ные средства также земские комитеты по поддержке развития кустарных промыслов Рязани, Вятки, Перми, Красноуфимска, Вологды и др. Специальной формой поддержки было размещение государственных заказов в первую очередь от Морского и Военного Министерств, объем которого за 6 лет составил 600 тыс. руб. Особенно в их исполнении отличилось Курское губернское земство и Новооскольское уездное земство – поставка сапог.

Во-вторых, повышение качества продукции. К этой форме поддержки относится организация выставок и музеев. В частности, постоянной выставочной площадкой являлся Санкт-Петербургский кустарный музей, который был открыт в 1885 году по примеру знаменитого Кенсинтонтонского музея. Последний был обязан своим появлением первой Всемирной выставке в Лондоне (Robertson, 2004). Для повышения технического обеспечения деятельности кустарей создавались земские мастерские (Московское, Вятское, Черниговское губернские земства) или направлялись технические специалисты (Пермское, Полтавское губернские земства), а также организовывались специальные кустарные отделы на международных и российских выставках.

В-третьих, подготовка кадров. При устройстве профессиональных училищ по различным видам кустарных промыслов в первую очередь было обращено внимание на развитие женских школ по переработке волокнистых веществ. Во Франции такие образовательные учреждения были открыты в XVII веке и послужили основой для создания знаменитого алансонского шитого кружева “point a l’aiguille” (Bruggman et al., 1997). В России первой стала Мариинская практическая школа кружевниц, открытая 1883 году. Через 10 лет на всемирной выставке в Чикаго «русские женщины прислали превосходные кружева и строчки, замысловатое исполнение которых возможно только специалистками, которые с семилетнего возраста делают то, что делали до них еще матери и бабушки – ремесло почти врожденное. Послано было и разное тканье такого удивительного свойства, что многие образцы были куплены для музеев. Эти первобытные изделия в особенности понравились и раскупались американцами» (Рашковский, 2009, с. 52). В дальнейшем в США и Великобритании были открыты магазины, которые успешно торговали этой продукцией. Основными поставщиками были земские склады Вятской, Московской и других губерний. Н. В. Понамарев также указывает, что в подобных образовательных учреждениях, которые создавались по всей России, учились сельские учителя и учительницы. В дальнейшем они должны были распространять полученные знания среди кустарей. Особую роль в повышении качества продукции играли земские периодические издания, которые постоянно публиковали статьи по этой тематике[13].

В «Общем обзоре» Каталога особенно отмечается практика проведения исследований по состоянию и развитию местных кустарных промыслов Московского, Нижегородского, Вятского, Пермского, Курского, Казанского и ряда других земств. Как необычное явление было указано на создание Пермским губернским земством специального банка для кустарей. Аналогичные учреждения особенно активно работали в Пруссии[14]. Более подробно тема

[13] *Подробный* указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки… С. 13.

[14] *Пономарев Н. В.* Кустарные промыслы России. М.: Типо-литография «Русского Т-ва печатного и издательского дела», 1900. С. 18.

государственной и земской поддержки кустарных промыслов рассмотрена в работах М. В. Карташовой и Н. В. Сорокина. Авторы отмечают недостаточную изученность темы о влиянии всемирных и всероссийских выставок на развитие кустарных промыслов в России (Карташова, 2008; Сорокин, 1999).

Однако, подводя итог исполнения земствами полномочий по развитию кустарных промыслов, Н. В. Пономарев делает следующий вывод: «Земствам надлежит еще сделать очень многое для того, чтобы привнести сколько-нибудь осязательную пользу кустарям»[15].

Поскольку XVI Всероссийская промышленная и художественная в Нижнем Новгороде была своего рода свидетельством работы государства и земств по поддержке развития кустарных промыслов, авторы настоящей статьи использовали визуализацию имеющейся информации в Каталоге. Интерпретация текстовой информации, которая включает в себя те статистические компоненты, которые описаны в статье выше, становится возможной благодаря привлечению в исследование геоинформационных систем (Корчагин и др., 2016). Метод геоинформатики – создание цифровой модели пространства – позволяет рассматривать его и в качестве вспомогательного, и в качестве основного метода исследования. Часто в исторических исследованиях геоинформационные системы привлекаются как системы, позволяющие визуализировать данные, имеющие разное происхождение (Кончаков и Ким, 2014). Способ перехода по цепочке «данные-информация-знания» позволяет находить закономерности, открывать и анализировать новые факты и явления.

Картографическое отображение распространения кустарных промыслов в Российской империи

Визуализация статистических данных с привязкой на местности возможна благодаря одной из функциональных задач, реализуемых через геоинформационные технологии, – отображению позиционных данных в виде геометрических примитивов в определенной системе координат и ассоциированию с ними семантической – качественной и количественной информации. Все это относится к задачам геоинформационного картографирования – автоматизированному созданию и использованию карт на основе баз пространственных данных. Данный проект был реализован в лицензионном программном продукте ArcGIS (ESRI) благодаря программе поддержки вузов.

Основной проблемой привязки данных из Каталога на местность была задача поиска населенных пунктов, которые к настоящему времени уже не существуют. Часть населенных пунктов была восстановлена по картам Генерального штаба, имеющихся в архивах кафедры картографии и геоинформатики Пермского государственного национального исследовательского университета, а также размещенных на различных ресурсах в сети Интернет. Эти ресурсы представляют собой программы комплексирования картографических данных и повсеместно используются в исследованиях подобного рода (Шалаева и Щекотилов, 2013). Для восстановления другой части населенных пунктов, упомянутых в Ката-

[15] *Подробный* указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки… С. 14.

логе, но не обнаруженных вышеуказанным способом, авторами были привлечены «Списки населенных мест» губерний, в которых указывалось название населенного пункта, его положение по отношению к уездному городу (расстояние), обозначение его положения относительно водного объекта или урочища[16].

Например, участник выставки А. И. Андровов, который представил выростковые и опойковые кожи (группа 114, класс 390), проживал в селе Микшинское Ирбитского уезда Пермской губернии (ныне с. Краснолянское Байкаловского района Свердловской области). Запись в «Списке населенных мест Пермской губернии» содержала следующую информацию: село Микшинское, Ирбитский уезд в 270 верст от Екатеринбурга и 45 верст от Ирбита. Стоит при мелководной речке Микшенке. На ресурсе[17] обнаружено, что в настоящее время река носит название Сараевка. Таким образом, в рабочем проекте отмечается уездный город и река (если ее нет, то она оцифровывается по привязанным картам), и затем используются встроенные ГИС-технологии. Инструменты группы «Анализ» ArcToolbox программного комплекса ArcGIS позволяют осуществлять оверлейные операции. Основная суть оверлейных операций – взаимное наложение некоторых тематических слоев, в результате которого возможно получение новой информации. Таким образом, относительно уездного города были построены буферные зоны, размер которых определялся из «Списков…», что позволяло сократить площадь поиска населенного пункта. Далее на пересечении со слоем реки, а также с использованием дополнительных данных с карт и определялось нахождение населенного пункта.

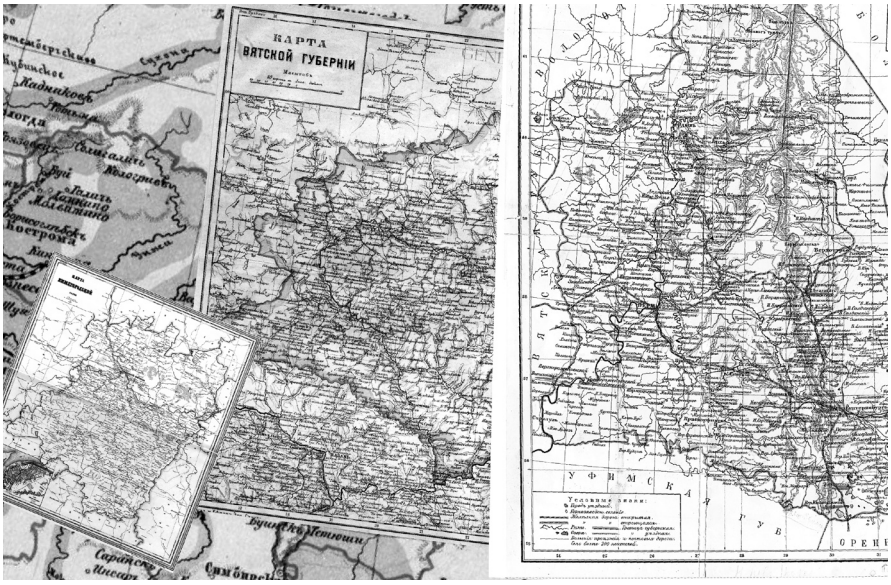


Рис. 3. Рабочее окно проекта с привязанными картами губерний /
Fig. 3. Project working window with the attached maps of provinces

[16] *Списки* населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел [по сведениям 1859]. 1861. 131 с.

[17] *Все* реки России. Новосибирское отделение РГО [Электронный ресурс]. URL: http://all-river.ru/ (дата обращения: 10.02.2017).

Таким образом, вся текстовая информация об экспонентах была переведена в табличный формат хранения непространственной информации; информация о населенных пунктах была занесена и организована в классы пространственных объектов базы данных, а также был создан слой губерний Европейской части Российской империи (рис. 3).

В результате проведенного пространственного анализа стало возможным подтвердить тот факт, что именно земские губернии приняли самое активное участие в Нижегородской выставке (рис. 4). Из 35 губерний в 26 работали органы местного самоуправления. Они смогли организовать для участия в выставке 883 участника или 95 % всех экспонентов отдела «Кустарной промышленности» из 383 населенных пунктов. Особенно активное участие в этом процессе приняли Вятская губерния (432 экспонента из 204 населенных пунктов), Нижегородская губерния (161 экспонент из 31 населенного пункта), Московская губерния (78 экспонентов из 48 населенных пунктов), Пермская губерния (49 экспонентов из 27 населенных пунктов) и Владимирская губерния (35 экспонентов из 14 населенных пунктов).

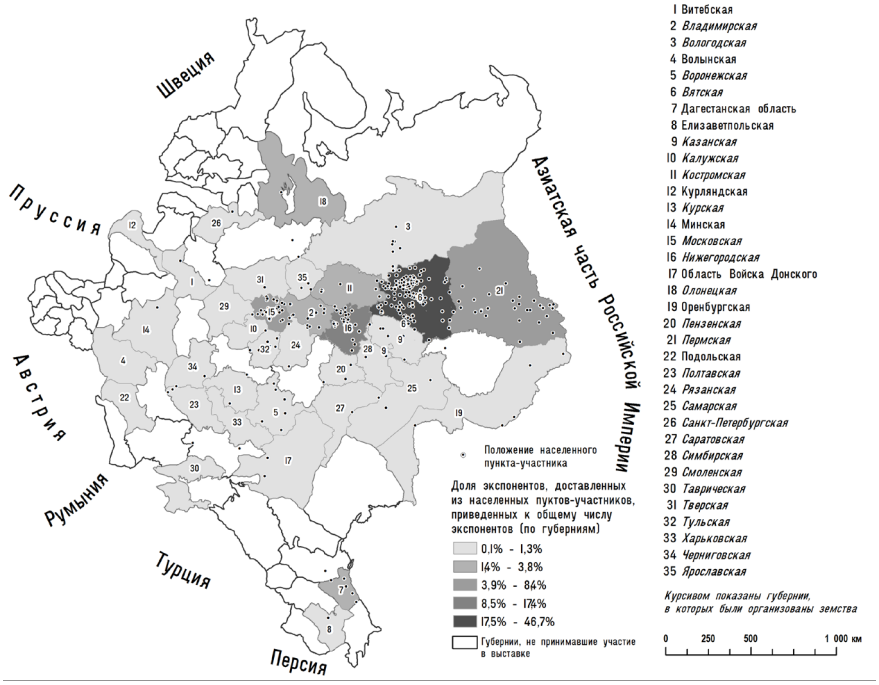


Рис. 4. Участники Нижегородской выставки в разрезе населенных пунктов и губерний. Земские губернии выделены курсивом / Fig. 4. Participants of Nizhny Novgorod exhibition in the context of the populated settlements and provinces. Zemstvos are in cursive

Анализ населенных пунктов-участников позволил также выяснить, какие из них в 1896 году стали региональными центрами развития кустарных промыслов. Прежде всего это села и деревни, тяготеющие к г. Вятке (ныне Киров) Вятской губернии – 54 экспонента (9 групп); с. Павлово Нижегородской губернии – 42 экспонента, изготовление ножей (111-я группа); с. Кукарка Вятской губернии – 40 экс-

понентов, в основном изготовление кружев и одежды (117-119–я группы); с. Ворсма Нижегородской губернии –29 экспонентов, изготовление столовых ножей, кинжалов, сукна и одежды (111-я, 117-я группы); населенные пункты, тяготеющие к г. Петрозаводску Олонецкой губернии – 18 экспонентов, различные изделия (группы 111-115-я, 117-я, 119-я); с. Красное Костромской губернии – 12 экспонентов, ювелирные изделия из серебра и драгоценных камней (110-я, 111-я группы).

О таких центрах кустарных промыслов сказано в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». В частности, он детально описал сталеслесарные промыслы сел Павлово и Ворсма Нижегородской губернии, жизнь в которых «сложилась совершенно по-городскому, выработав несравненно более развитые потребности, более культурную обстановку, одежду, образ жизни и т. д., чем у окрестных “серых” земледельцев» (Ленин, 1971, с. 356). Далее, характеризируя организацию труда «домашнего капитализма», В. И. Ленин указывает, что из 6 570 павловских кустарей сами реализуют товар 47,6 %, а остальные работают на хозяев. Аналогичная характеристика развития кустарных промыслов дана в отношении с. Красное Костромской губернии (Ленин, 1971, с. 363).

Различным было участие органов местного самоуправления и в привлечении экспонентов в зависимости от объема годового оборота. Для этого был проведен анализ по количеству экспонентов, чей годовой оборот превышал 1000 руб. или 1,8 млн руб. в современном исчислении. Всего насчитывалось 153 человека, или 16,5 % общего числа участников отдела «Кустарные промыслы», но объем их годового оборота составил свыше 60 % от общего объема годового оборота всех экспонентов анализируемого отдела (рис. 5).

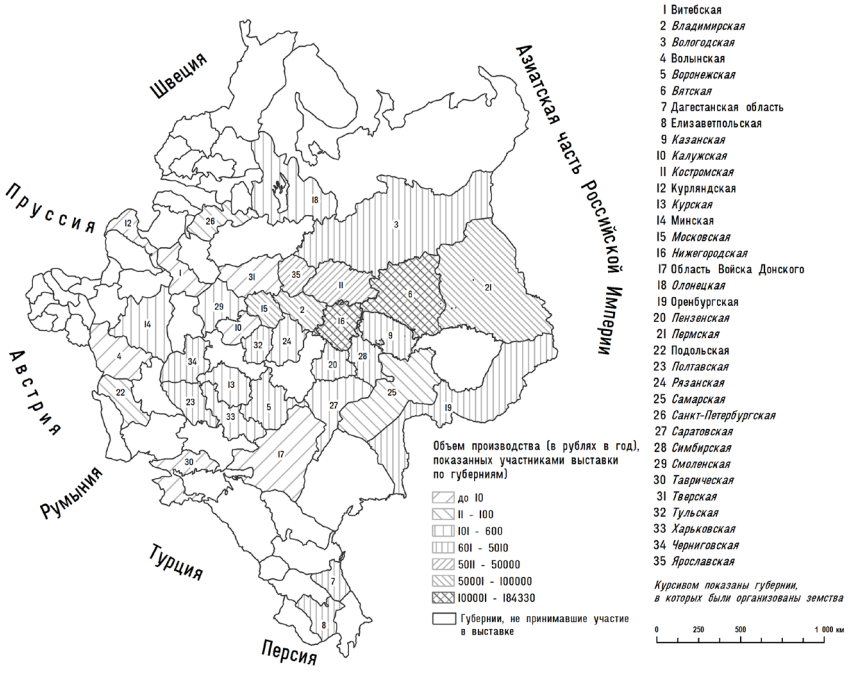


Рис. 5. Участники Нижегородской выставки в разрезе объемов производства и губерний / Fig. 5. Participants of Nizhny Novgorod exhibition in the context of manufacturing amounts and provinces

В губерниях, которые приняли наиболее активное участие в выставке, эти крупные товаропроизводители составили: в Вятской губернии – 6,7 %; Московской губернии – 20,5 %, Пермской губернии – 30,6 %; Нижегородской губернии – 34,8 % и Владимирской губернии – 57,1 %. В то же время в Полтавской, Вологодской и Елизаветпольской губерниях их число равнялось 100%. Следовательно, местные органы самоуправления по-разному отнеслись к формированию корпуса участников Нижегородской выставки. Активно работающие в этом направлении земства постарались представить весь спектр кустарей, а губернии, которые подошли к этому мероприятию формально, организовали приезд только одного представителя, обладающего значительным оборотом.

Проведя пространственный анализ в разрезе конкретных губерний, а именно Пермской губернии, выяснилось, что центрами кустарной металлообработки являлись Верхотурский, Екатеринбургский, Красноуфимский уезды (рис. 6). Сапожный промысел концентрировался в Екатеринбургском и Кунгурском уездах. В Шадринском уезде занимались валянием валенок, в Красноуфимском развивались циновочно-ткацкий и кулевой промыслы, в Осинском – рогожное производство. Производство сельскохозяйственных орудий и машин (сох, сортировок, веялок, молотилок) было развито в Пермском и Оханском уездах.

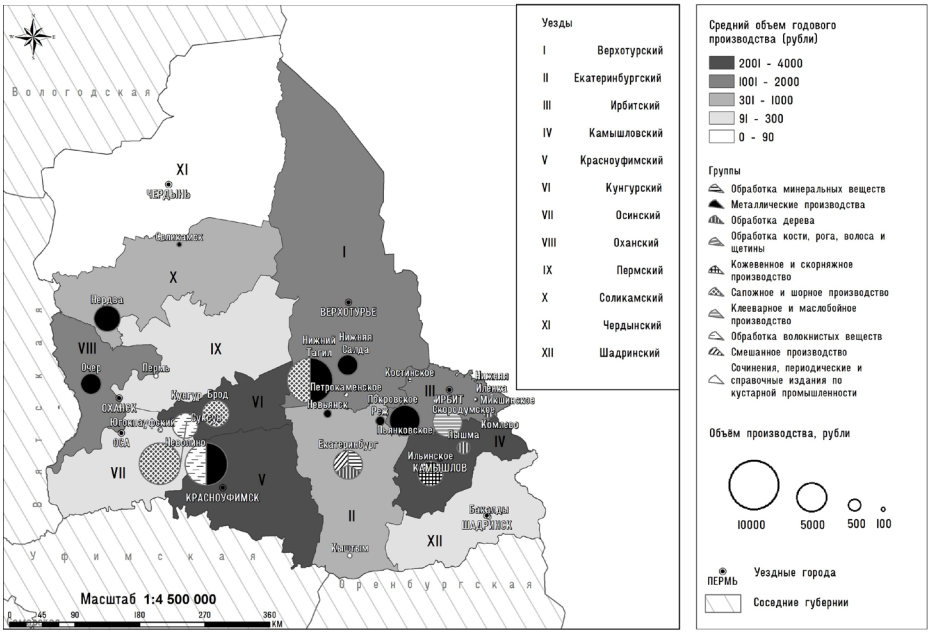


Рис. 6. Кустарные промыслы Пермской губернии /
Fig. 6. Handicrafts (kustarnye promysly) in Perm province

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важный вывод, который позволяет сделать проведенный анализ: кустарей можно смело отнести к малым предприятиям, которые в первую очередь обеспечивали потребности местных рынков. С развитием промышленного производства все они должны были или уйти с рынка, или укрупниться, превратившись в фабрики. Исключением могли стать художественные народные ремесла, где ручной труд весьма сложно заменить машинами.

Через четыре года «Кустарные изделия» на Всемирной выставке в Париже имели большой успех, а «Русская деревня» постоянно была полна посетителями. Выяснилось, что многие изделия могут находить выгодный сбыт за границей. «На выставке же продано было кустарных изделий на 70 000 франков, так что отправлено обратно в Россию всего 37 ящиков, из прибывших 380», – писал в своем отчете Генеральный комиссар Русского отдела на Всемирной выставке в Париже 1900 года[18]. Эту удачную практику И. Шевеленко объясняет «совпадением» продукции и экспозиции «Русской деревни» с «вкусовыми предпочтениями западноевропейского зрителя, который воспринимал ее через призму опыта европейского folk revival последних десятилетий» (Шевеленко, 2012).

Успех на этой Всемирной выставке оказал значительное влияние на политику государства и земств в отношении развития кустарных промыслов. В 1902 и 1913 годах в Санкт-Петербурге состоялись две Всероссийских кустарно-промышленных выставки под августейшим покровительством государыни императрицы Александры Федоровны. В них приняли участие тысячи экспонентов практически из всех регионов России. Вопросы развития кустарной промышленности обсуждались на Всероссийских съездах с участием руководителей губернских и уездных земств. Размах выставочного движения был заметен и в губерниях и уездах. Только в 1911 году состоялись 131 губернские и уездные выставки.

Таким образом, материалы «Подробного указателя по отделам «Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде» являются целостным источниковедческим комплексом и представляют большой интерес для исследования принципов и форм развития системы кустарных промыслов и выставочной практики в России второй половины XIX века. Каталоги выставок являются уникальными источниками для изучения не только истории развития кустарных промыслов, но и истории государственной и муниципальной поддержки малого предпринимательства.

Библиографический список

Карташова М. В. Кустарно-промышленная политика и ее реализация в последней трети XIX в.: на материалах Нижегородской губернии: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новгород, 2008. 23 с.

Кончаков Р. Б., Ким О. Г. Геоинформационные системы для ретроспективного изучения исторической городской застройки (на примере Страстной площади в Москве) // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2014. № 2, 3. С. 36–41.

[18] *Участие* России на Всемирной Парижской выставке 1900 г. Отчет генерального комиссара Русского отдела. СПб.: Типография Исидора Гольдберга, 1901. С. 52.

Корчагин П. А., Черепанова Е. С., Гоголева М. В., Балыбердина П. А. Картографическое моделирование историко-архитектурной среды г. Перми по картографическим источникам XVIII–XX вв. // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика. 2016. № 3. С. 160–177.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 3. М.: Изд-во полит. лит., 1971. 792 с.

Менделеев Д. И. Полное собрание сочинений: в 25-ти т. Том 21. Экономические работы IV. СПб.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 625 с.

Никитин Ю. А. Выставочная архитектура России XIX–начала XX в. СПб.: Коло, 2014. 416 с.

Рашковский А. Л. Русские кустарные склады за рубежом и вятские кружевницы и рукодельницы // История создания провинциальных музейных собраний России. Традиции и современность: сб. ст. Вятка, 2009. С. 47–57.

Сорокин Н.В. Деятельность государственных и земских учреждений по изучению и развитию кустарных промыслов в 1874-1917 гг: автореф. дис. … канд. ист. наук. Кострома, 1999. 26 с.

Шалаева М. В., Щекотилов В. Г. Крупномасштабные архивные карты губерний и территорий России XIX в. как базовый информационный ресурс исследований различной направленности // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2013. № 1. С. 17–27.

Шевеленко И. Репрезентация империи и нации: Российская империя на Всемирной выставке 1900 года в Париже // Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: Новое лит. обозрение, 2012. С. 413–447.

Ahamad F., Yasmin E. Impact of Turmoil on the Handicraft Sector of Jammu and Kashmir: An economic analysis // International NGO Journal. 2017. Vol. 7, № 5. P. 78–83.

Chakraborty A. Rationale of Handicraft on Women Employment in Rural Area: A Case Study on Jari Workers of Bhagawangola-II Block, Murshidabad District, West Bengal // Research Journal of Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 4, № 2. P. 271–276.

Fair Representations: World's fairs and the Modern World / ed. by R. W. Rydell and N. Gwinn. Amsterdam: VU University Press, 1994.

Harris J. Joint action in Nairobi's informal handicraft production clusters // International Development Planning Review. 2016. Vol. 38, № 3. P. 317–337. DOI: 10.3828/idpr.2016.18.

Harris J. Meeting the challenges of the handicraft industry in Africa: Evidence from Nairobi // Development in Practice. 2014a. Vol. 24, № 1. P. 105–117. DOI: 10.1080/09614524.2014.867478.

Harris J. The messy reality of agglomeration economies in urban informality: Evidence from Nairobi's handicraft industry // World Development. 2014b. Vol. 61. P. 102–113. DOI: 10.1016/j.worlddev.2014.04.001.

Krasae-In A. Craft by you: Acquiring consumer's idea to the product development for handicraft business in Thailand // International Journal of Entrepreneur-

ship and Innovation Management. 2017. Vol. 21, № 1–2. P. 143–162. DOI: 10.1504/IJEIM.2017.081493.

Krasae-In A., Anuntavoranich P., Cooharojananone N. Crowd sourcing for handicraft: The proposed platform for bridging idea from the customer for the product development in handicraft business in Thailand // International Journal of Business Innovation and Research. 2016. Vol. 11, № 4. P. 559–583. DOI: 10.1504/IJBIR.2016.079509.

L'Europe de la dentelle: un aperçu historique depuis les origines de la dentelle jusqu'à l'entre-deux-guerres / ed. by M. Bruggman, V. Vermeersch. Brugge: Stichting Kunstboek, 1997.

Little W. E. Getting organized: Political and economic dilemmas for Maya handicrafts vendors // Latin American Perspectives. 2005. Vol. 32, № 5. P. 80–100. DOI: 10.1177/0094582X05279506.

Little W. E. Outside of social movements: Dilemmas of indigenous handicrafts vendors in Guatemala // American Ethnologist. 2004. Vol. 31, № 1. P. 43–59.

Matsenjwa G. N., Musiiwa E.. The globalization of the rural Swazi weaver: Lavumisa women in the commercial handicraft industry, 1981-2013 // Journal of International Women's Studies. 2016. Vol. 17, № 1. P. 102–116.

Naidu S., Chand A., Southgate P. Determinants of innovation in the handicraft industry of Fiji and Tonga: An empirical analysis from a tourism perspective // Journal of Enterprising Communities. 2014. Vol. 8, № 4. P. 318–330. DOI: 10.1108/JEC-11-2013-0033.

Robertson B. The South Kensington Museum in context: an alternative history // Museum and Society. 2004. Vol. 2, № 1. P. 1–14.

Stockland J. The development of crafts through trade particularly in Africa // Journal of the Royal Society of Arts. 1978. Vol. 126, № 5262. P. 361–373.

Terry E. An overview of the Botswana handicraft sector // Botswana Notes and Records. 2001. Vol. 33. P. 129–143.

Terry E. The history of craft development in Botswana // Botswana Notes and Records. 2000. Vol. 32. P. 193–200.

Информация об авторах

Черепанова Екатерина Сергеевна – канд. геогр. наук, доц. кафедры картографии и геоинформатики ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-8822-9680

ResearcherID: H-4138-2017

Электронный адрес: cherepanova_es@rambler.ru

Марасанова Ольга Владимировна – студентка 4 курса социально-гуманитарного факультета Пермского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 614070, Россия, г. Пермь, ул. Студенческая, 38

ORCID: 0000-0001-8623-0904

ResearcherID: H-5911-2017

Электронный адрес: helgamarasanova@gmail.com

Колбина Дарья Васильевна – студентка 3 курса географического факультета ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0002-8281-4336
ResearcherID: H-4175-2017
Электронный адрес: dashakolbina28@gmail.com

Статья получена 6 мая 2017 года

UDC 004:94(47)19
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-152-175

GEOINFORMATION TECHNOLOGIES TO ANALYZE HANDICRAFTS IN THE RUSSIAN EMPIRE AND THE ROLE OF THE STATE IN ITS DEVELOPMENT, THE EXAMPLE OF THE XVI ALL-RUSSIAN INDUSTRIAL AND ART EXHIBITION (1896)

Ekaterina S. Cherepanova
Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0002-8822-9680
ResearcherID: H-4138-2017
E-mail: cherepanova_es@rambler.ru

Olga V. Marasanova
National Research University the Higher School of Economics in Perm, 38 Studencheskaya str., Perm, 614070, Russia
ORCID: 0000-0001-8623-0904
ResearcherID: H-5911-2017
E-mail: helgamarasanova@gmail.com

Darya V. Kolbina
Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0002-8281-4336
ResearcherID: H-4175-2017
E-mail: dashakolbina28@gmail.com

For citation:
Cherepanova, E. S., Marasanova, O. V. and Kolbina, D. V. (2017), "Geoinformation technologies to analyze handicrafts in the Russian empire and the role of the state in its development, the example of the XVI All-Russian industrial and art exhibition (1896)", *Ars Administrandi,* vol. 9, no. 2, pp. 152–175, doi: 10.17072/2218-9173-2017-2-152-175.

Introduction. The paper presents the results of the analysis in the spatial distribution of handicrafts of the Russian Empire and the role of the state and local governments in supporting the development of handicrafts at the end of

the XIXth century in the Russian Empire on the basis of the universal primary source "The detailed index on the departments of the All-Russian industrial and art exhibition in 1896 in Nizhny Novgorod".

Aims. The paper is aimed to determine the possibility to use the universal primary source of "The detailed index on the departments of the All-Russian industrial and art exhibition in 1896 in Nizhny Novgorod" to identify the main areas of the development and effectiveness of state and zemstvo support for the development of handicrafts in the Russian Empire at the end of the XIXth century.

Methods used are as follows: digital spatial modeling and a comparative method.

Results. The possibility to use the universal primary source of "The detailed index on the departments of the All-Russian industrial and art exhibition in 1896 in Nizhny Novgorod" to determine the main areas for the development and effectiveness of state and zemstvo support for the development of handicrafts in the Russian Empire at the end of the XIXth century was confirmed.

Conclusion. Materials of "The detailed index on the departments of the All-Russian industrial and art exhibition in 1896 in Nizhny Novgorod" are an important source to study the role of the state and local government in the development of handicrafts in the Russian Empire at the end of the XIXth century. Their main advantage lies in their universal nature and uniformity. However, the Catalog as a guide for the exhibition needs to be used cautiously, only after a comprehensive socio-economic and cartographic analysis of the additional historical material on this topic.

Key words: digital spatial modeling; geoinformation mapping; spatial analysis; handicrafts; exhibition activity; zemstvos; local authorities

References

Kartashova, M. V. (2008), "Handicraft-industrial policy and its implementation in the last third of the XIX century: on materials of the Nizhny Novgorod province", Abstract of Ph.D. dissertation, National history, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia.

Konchakov, R. B. and Kim, O. G. (2014), "Geographic information system for retrospective study of historical urban development (for example of the Strastnoy square in Moscow)", *Historical informatics. Informational Technologies and Mathematical Methods in Historical Research and Education*, no. 2, 3, pp. 36–41.

Korchagin, P., Cherepanova, E., Gogoleva, M. and Balyberdina, P. (2016), "Cartographic modeling of perm anthropogenic landscape using basic maps of XVIII–XX centuries", *PNRPU Bulletin. Urban development,* no. 3, pp. 160–177.

Lenin, V. I. (1971), "The development of capitalism in Russia", in Lenin, V. I., *Polnoe sobranie sochineniy v 55 tomah* [Complete set of works in 55 vol.], vol. 3, Publishing house of political literature, Moscow, Russia.

Mendeleev, D. I. (1952), *Polnoe sobranie sochinenii: v 25 tomakh. Tom 21. Ekonomicheskie raboty IV* [Complete works: in 25 vol. Vol. 21. Economic paper IV.], the USSR Academy of Sciences Publishing, Leningrad-Moscow, USSR.

Nikitin, Y. A. (2014), *Vystavochnaja arhitektura Rossii XIX–nachala XX v* [Exhibition architecture of Russia XIX–early XX century], Kolo publishing house, Saint-Petersburg, Russia.

Rashkovskii, A. L. (2009), "Russian handicraft warehouses abroad and Vyatka lace makers and needlewomen", *Istoriya sozdaniya provintsial'nykh muzeinykh sobranii Rossii. Traditsii i sovremennost'* [The history of the creation of provincial museum collections in Russia. Traditions and modernity], Vyatka, Russia.

Sorokin, N. V. (1999), "The activities of state and zemstvos institutions on the study and development of handicrafts in 1874–1917", Abstract of Ph.D. dissertation, National history, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

Shalaeva, M. V. and Shekotilov, V. G. (2013), "Large scale archival maps of provinces and territories Russia XIX century as a basic information resource studies of different direction", *Historical informatics. Informational Technologies and Mathematical Methods in Historical Research and Education*, no. 1, pp. 17–27.

Shevelenko, I. (2012), "Representation of the Empire and the Nation: The Russian Empire at the World Exhibition in 1900 in Paris", *Tam vnutri. Praktiki vnutrennei kolonizatsii v kul'turnoi istorii Rossii* [There, within. The practice of internal colonization in the cultural history of Russia], New Literary Observer publishing house, Moscow, Russia.

Ahamad, F. and Yasmin, E. (2017), "Impact of Turmoil on the Handicraft Sector of Jammu and Kashmir: An economic analysis", *International NGO Journal*, vol. 7, no. 5, pp. 78–83.

Chakraborty, A. (2017), "Rationale of Handicraft on Women Employment in Rural Area: A Case Study on Jari Workers of Bhagawangola-II Block, Murshidabad District, West Bengal", *Research Journal of Humanities and Social Sciences*, vol. 4, no. 2, pp. 271–276.

Rydell, R. W. and Gwinn, N. (ed.) (1994), *Fair Representations: World's fairs and the Modern World,* VU University Press, Amsterdam, Netherlands.

Harris, J. (2016), "Joint action in Nairobi's informal handicraft production clusters", *International Development Planning Review*, vol. 38, no. 3, pp. 317–337, doi: 10.3828/idpr.2016.18.

Harris, J. (2014a), "Meeting the challenges of the handicraft industry in Africa: Evidence from Nairobi", *Development in Practice*, vol. 24, no. 1, pp. 105–117, doi: 10.1080/09614524.2014.867478.

Harris, J. (2014b), "The messy reality of agglomeration economies in urban informality: Evidence from nairobi's handicraft industry", *World Development*, vol. 61, pp. 102–113, doi: 10.1016/j.worlddev.2014.04.001.

Krasae-In, A. (2017), "Craft by you: Acquiring consumer's idea to the product development for handicraft business in Thailand", *International Journal of Entrepreneurship and Innovation Management*, vol. 21, no 1–2, pp. 143–162, doi: 10.1504/IJEIM.2017.081493.

Krasae-In, A., Anuntavoranich, P. and Cooharojananone, N. (2016), "Crowd sourcing for handicraft: The proposed platform for bridging idea from the customer for the product development in handicraft business in Thailand", *International Journal of Business Innovation and Research*, vol. 11, no. 4, pp. 559–583, doi: 10.1504/IJBIR.2016.079509.

Bruggman, M. and Vermeersch, V. (ed.) (1997), *L'Europe de la dentelle : un aperçu historique depuis les origines de la dentelle jusqu'à l'entre-deux-guerres*, Stichting Kunstboek, Brugge, Belgium.

Little, W. E. (2005), "Getting organized: Political and economic dilemmas for Maya handicrafts vendors", *Latin American Perspectives*, vol. 32, no. 5, pp. 80–100, doi: 10.1177/0094582X05279506.

Little, W. E. (2004), "Outside of social movements: Dilemmas of indigenous handicrafts vendors in Guatemala", *American Ethnologist*, vol. 31, no. 1, pp. 43–59.

Matsenjwa, G. N. and Musiiwa, E. (2016), "The globalization of the rural Swazi weaver: Lavumisa women in the commercial handicraft industry, 1981-2013", *Journal of International Women's Studies*, vol. 17, no. 1, pp. 102–116.

Naidu, S., Chand, A. and Southgate, P. (2014), "Determinants of innovation in the handicraft industry of Fiji and Tonga: An empirical analysis from a tourism perspective", *Journal of Enterprising Communities*, vol. 8, no. 4, pp. 318–330, doi: 10.1108/JEC-11-2013-0033.

Robertson, B. (2004), "The South Kensington Museum in context: an alternative history", *Museum and Society,* vol. 2, no. 1, pp. 1–14.

Stockland, J. (1978), "The development of crafts through trade particularly in Africa", *Journal of the Royal Society of Arts*, vol. 126, no. 5262, pp. 361–373.

Terry, E. (2001), "An overview of the Botswana handicraft sector", *Botswana Notes and Records*, vol. 33, pp. 129–143.

Terry, E. (2000), "The history of craft development in Botswana", *Botswana Notes and Records*, vol. 32, pp. 193–200.

Received May 6, 2017

II ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

УДК 338.45
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-176-194

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПРИ СОЗДАНИИ И РАЗВИТИИ ТЕХНОПАРКОВ

Ж. А. МИНГАЛЕВА
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия
Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

Н. С. ШАЙДУРОВА
Воткинский филиал Ижевского государственного технического университета имени М. Т. Калашникова, г. Воткинск, Россия

Для цитирования:
Мингалева Ж. А., Шайдурова Н. С. Взаимодействие государственных и местных органов власти при создании и развитии технопарков // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Том 9, № 2. С. 176–194. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-176-194.

Введение: статья посвящена решению сложной задачи повышения эффективности участия органов государственной власти и местного самоуправления в создании и развитии технологических парков в России.

Цель: определить особенности создания и функционирования технологических парков в контексте устойчивого развития территорий и стимулирования инновационной деятельности, оценить роль государственных структур и местных органов власти в процессе формирования эффективного механизма функционирования технологических парков в России.

Методы: метод системного анализа; структурный метод; метод компаративного анализа; формально-логический метод.

Результаты: в процессе исследования доказано, что государственные структуры играют важную роль в создании и функционировании технологических парков в России и за рубежом. Они могут поддерживать научный парк разными способами, в том числе в качестве партнера-основателя, спонсора, поставщика услуг или клиента. Роли и обязанности, которые берут на себя органы государственной власти и местного самоуправления, зависят от их заинтересованности в экономическом развитии своих территорий, от круга обязанностей, которые закрепляются за ними в отношении технопарка, от функциональных особенностей и сферы управления технопарками. Все это необходимо учитывать при принятии решения о создании технологического парка на конкретной территории и о выборе способов его государственной поддержки.

Выводы: для того чтобы обеспечить всестороннее устойчивое развитие территорий, федеральные, региональные и местные власти должны согласовывать свои интересы и цели и всемерно содействовать эффективному функционированию созданных на их территории технологических парков. В свою очередь, чтобы быть эффективными и способствовать развитию территорий своего базирования, технологические парки должны поддерживать тесные связи

 © Мингалева Ж. А., Шайдурова Н. С., 2017

с органами государственной власти и местного самоуправления, а последние должны четко определить, каким образом распределить функции и обязанности по поддержке технологических парков и формированию оптимального соотношения всех источников финансирования деятельности технопарков, создать систему взаимосвязей между отдельными участниками технологических парков с целью обеспечения их эффективного функционирования.

Ключевые слова: технологические парки; органы государственной власти и местного самоуправления; устойчивое развитие; инновационное развитие; согласование интересов; эффективность деятельности

ВВЕДЕНИЕ

Технологические парки во всем мире выступают в качестве специфических инструментов решения как общенациональных, так и региональных и местных задач. Это все больше признается и на официальном уровне, и в научной среде, причем особое значение технологических парков для территориального развития уже не вызывает сомнений. Однако дискуссионным и достаточно острым с практической точки зрения был и остается вопрос об объемах и степени участия государственных структур различного иерархического уровня в судьбе технологических парков на разных стадиях их развития и функционирования. Нужно отметить, что за рубежом, в частности в Европейском Союзе, вопросы взаимодействия между резидентами, органами управления технологическими парками и различными структурами государственного сектора на всех уровнях (местном, региональном, национальном и европейском) активно решаются и обсуждаются в последнее время в контексте общей проблематики вопросов государственного участия в экономике.

Наиболее значимо эти вопросы актуализируются на таких этапах развития общества, как экономическая стагнация, кризис, посткризисное восстановление экономики, что в полной мере относится к современной ситуации в мировой экономике в целом и в России в частности (Staudt et al., 1994; Веремеенко и Сметанов, 2015).

Нужно отметить, что, несмотря на попытки сократить масштабы или вообще свернуть государственное финансирование научно-исследовательского сектора и различных институтов поддержки, предпринимаемые в последнее время за рубежом, высокая значимость государственной помощи в решении вопросов инновационного развития, создания нового бизнеса, технологической модернизации, устойчивого развития экономики, максимально полного использования научного и образовательного потенциалов стран и регионов для обеспечения экономического роста и инновационного развития сохраняется и даже возрастает (Багриновский и др., 2003; Ляшенко, 2016; Радионова и Грицких, 2016; Calvo et al., 2017).

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической основой исследования стали отечественные и зарубежные подходы к анализу эффективности деятельности технологических и научных парков в различных странах. В последние десятилетия наиболее активно

обсуждаются вопросы государственной поддержки бизнес инкубаторов в рамках технологических и научных парков (Abetti, 2004; Atherton and Hannon, 2006; Tang et al., 2014), сетевого взаимодействия технологических парков и бизнес инкубаторов (Schwartz and Hornych, 2010; Bollingtoft, 2012), изменения подходов к формированию спроса и предложения на бизнес-инкубационные услуги в разных поколениях инкубаторов (Bruneel et al., 2012; Montonen et al., 2014; Eriksson et al., 2016) и целый ряд других вопросов, связанных с организацией эффективного функционирования технологических парков и бизнес инкубаторов, в том числе в развивающихся странах (Correia and de Lourdes Barreto Gomes, 2014; Dhewanto et al., 2016), их финансирования за счет различных источников средств, включая государственные средства (Scandizzo, 2005).

В качестве основы анализа специфики организации деятельности зарубежных технологических парков и бизнес инкубаторов использованы специальные обзоры лучшей практики (Bergek and Norrman, 2008; Nosratabadi et al., 2013; Correia and de Lourdes Barreto Gomes, 2014; Eriksson et al., 2014; Шайдурова, 2015), а также официальные аналитические обзоры ЕС[1].

В качестве статистической и информационной основы исследования использованы результаты опроса, проведенного в 2012 году экспертами Международной ассоциации научных парков и инновационной сферы (International Association of Science Parks – IASP)[2] среди резидентов 129 научных и технологических парков в ЕС и другие информационные материалы IASP (всего в ассоциацию входят более 360 технологических и научных парков из всех европейских стран).

Изучение работы лучших технологических парков России проведено на основе официальной информации об их деятельности, а также специальных научных исследований по отдельным регионам и технологическим паркам (Ляшенко, 2014; Котельников и Нагаева, 2014; Гайдарулы и Малинин, 2016).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обработка результатов опроса, проведенного IASP, показала, что большинство респондентов (84 %) оценили прямое участие органов власти всех уровней (местных, региональных и/или национальных) в деятельности технопарков как важное, из них 58,1 % респондентов оценили его как «очень важное». Более значимую оценку влияния на успех деятельности научных и технологических парков получили только университеты (суммарно – 95 %), из них оценку университетов как очень важных дали 66,1 % опрошен-

[1] *Setting* up, Managing and Evaluating EU Science and Technology Parks – An advice and guidance report on good practice. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014. 211 p. DOI: 10.2776/73401; Benchmarking of Business Incubators (final report) [Электронный ресурс]. European Commission: Centre for Strategy & Evaluation Services, 2002. URL: http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/2769/attachments/1/ translations/en/renditions/pdf (дата обращения: 12.04.2017).

[2] *World* STP Statistics. IASP (International Association of Science Parks), 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.iasp.ws/statistics (дата обращения: 03.04.2017).

ных. Общая структура ответов на данный вопрос приведена в табл. 1 (составлено по отчету Генерального директората по региональной и городской политике Европейской комиссии[3]).

Таблица 1 / Table 1

Оценка значимости внешних организаций для успешной деятельности технологических парков / Assessment of the importance of external organizations for the successful performance of technology parks

Внешние субъекты	Очень важно, %	Весьма важно, %	Немного важно, %	Не важно, %	Важно / неважно, %
Университеты / вузы	66,1	29	3,2	1,6	**95,1** / 4,9
Банки / другие финансовые учреждения	17,7	33,9	33,9	14,5	**51,6** / 48,4
Фирмы венчурного капитала / посевного капитала	4,8	29	32,3	12,9	**33,8** / 66,2
Фирмы по оказанию юридических услуг	8,4	31,9	40,3	25,8	**40,3** / 59,7
Правительство / федеральные, региональные и местные органы власти	58,1	25,8	9,7	6,5	**83,9 /** 16,1
Прочие (в т.ч. внешние инвесторы)	14,5	45,2	27,4	12,9	**59,7** / 40,3

Как видно из таблицы 1, для резидентов европейских технологических парков в качестве партнеров наиболее важными (более 50 % ответов) являются (в порядке убывания совокупной суммы ответов): университеты, государственные организации, внешние инвесторы, банки и финансовые институты. Нужно отметить, что особая роль университетов, а также научной и образовательной среды в целом для успешного инновационного развития территорий и становления технопарков и бизнес инкубаторов отмечается и российскими исследователями (Аристов и Аристов, 2014; Лурье, 2013; Маюрова и др., 2014; Мингалева и Максименко, 2008; Рогова, 2013).

Другим немаловажным вопросом, который часто поднимается как среди ученых, так и политиков и практиков, является вопрос об участии органов государственной власти и местного самоуправления в деятельности технологических парков как их учредителей и собственников их имущества. Изучение формы собственности технопарков в ЕС показало, что большая их часть характеризуется преобладанием государственной или смешанной форм собственности с большой долей государственного участия.

Так, согласно статистическим данным IASP, частная форма собственности, к которой относятся только индивидуальные лица, представляющие собой единственного владельца, в общей структуре собственности технологических и научных парков в ЕС составила всего 14,3 %. Смешанная форма

[3] *Setting* up, Managing and Evaluating EU Science and Technology Parks... P. 16.

собственности, представленная объединением нескольких собственников, относящихся как к категории частных агентов, так и государственных структур, в структуре собственности европейских технологических и научных парков занимала чуть более 35,3 %. В то же время государственный сектор, доля которого составляла 50,4 % всей собственности технологических и научных парков, явно доминирует в ЕС над другими формами собственности при их создании (см. рисунок)[4]. Нужно отметить, что по данным исследования Генерального директората по региональной и городской политике Европейской комиссии, проведенного в 2013 году и составленного на основе статистических отчетов Международной ассоциации научных парков и инновационной сферы, распределение основных форм собственности технопарков и научных парков в ЕС было несколько иным:

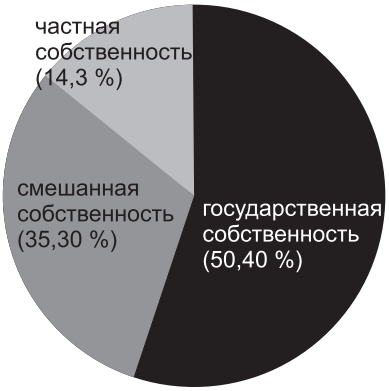


Рис. Структура форм собственности технологических и научных парков ЕС в 2016 году / Fig. Ownership structures for technology and science parks in the EU in 2016

- частная форма собственности – 14,5 %,
- смешанная форма собственности – 30,6 %;
- государственная форма собственности – 54,9 %[5].

Как видно из приведенных данных, за несколько лет удельных вес частных собственников практически не изменился (снизился на 0,2 %), доля чисто государственных собственников уменьшилась на 4,5 %, а удельный вес смешанной собственности увеличился на 4,7 % за счет объединения интересов частных и государственных собственников.

Как показал углубленный анализ состава и категорий организаций, входящих в группы государственной и смешанной форм собственности, они являются достаточно разнородными и многочисленными по составу. Так, смешанная форма собственности представлена объединением нескольких собственников, относящихся к категории как частных собственников, так и государственных структур, причем количество сособственников является достаточно большим – в европейских технологических и научных парках число совладельцев собственности в расчете на один технопарк в среднем составляет 3,3 владельца (в некоторых технопарках эта величина значительно больше – до 5–7 сособственников). Что касается государственной собственности, то она более однородна и представлена в среднем 1,8 совладельцев, которыми чаще всего выступают местные органы власти – в 58,8 % случаев. При этом к государственной собственности относится собственность местных органов власти, государственных университетов, региональных органов власти, а также собственность различных общественных организаций (почти 12 %) и т.д. (см. табл. 2)[6].

[4] Приведено по: World STP Statistics...
[5] Приведено по: Setting up, Managing and Evaluating EU Science and Technology Parks... P. 65.
[6] Ibidem.

Как видно из таблицы 2, в зарубежных странах собственниками государственного имущества технологических и научных парков практически в 59 % случаев выступают местные органы власти. Роль региональных властей чуть ниже, но также достаточно существенна (44 %), столько же приходится на государственные университеты. Федеральные власти как собственники представлены реже – их удельный вес чуть менее 15 %, что свидетельствует о меньше степени прямого участия федеральных властей в деятельности технологических и научных парков.

Таблица 2 / Table 2

Структура собственников государственной формы собственности технологических и научных парков ЕС / Structure of public ownership owners in the EU technology and science parks

Собственники	Удельный вес в общем объеме государственной собственности, %
Местные органы власти	58,8
Региональные органы власти	44,1
Национальные органы власти	14,7
Государственные университеты	44,1
Государственные банки	2,9
Торгово-промышленные палаты	5,9
Другие общественные структуры	11,8

Что касается смешанной собственности (частно-государственной), на долю которой, как уже отмечалось, приходится чуть более 30 % всей собственности технологических и научных парков Европейского Союза, то здесь перечень субъектов-владельцев собственности более обширный, а распределение собственности между ними более неоднородное (см. табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Структура собственников смешанной формы собственности технологических и научных парков ЕС / Structure of owners of mixed ownership of EU technological and scientific parks

Собственники	Удельный вес в общем объеме смешанной собственности, %
Местные органы власти	89,9
Региональные органы власти	10,5
Национальные органы власти	10.5
Государственные университеты	57,9
Частные университеты	5,3
Государственные банки	21.1
Общественные фонды	10.5
Частные фонды	31,6
Торгово-промышленные палаты	21,1
Частные компании	52,6
Другие организации	21,1

Из таблицы 3 видно, что доминирующими владельцами смешанной формы собственности в европейских технологических и научных парках являются местные органы власти (89,9 %), а среди частных собственников – частные производственные компании, контролирующие более 50 % общего размера смешанной формы собственности технопарков. Частные университеты и частные фонды составляют 36,9 % владельцев частного сектора в технопарках.

На основе этих и других аналитических данных эксперты делают выводы о том, что именно наличие значительной части государственной собственности и, соответственно, государственного контроля за деятельностью технопарков обеспечивают их эффективность за рубежом.

Что касается российских технопарков, то анализ структуры собственности и степени влияния категорий различных собственников на их создание и развитие, а также инструментов участия органов государственной власти и местного самоуправления в деятельности технологических российских парков показал следующее.

Наличие в России разнообразных возможностей привлечения государственных источников поддержки технологических парков при сохранении достаточно ограниченного интереса к ним со стороны частных инвесторов привело к возникновению различных типов технопарков, отличающихся между собой по формам собственности (учредителям), основаниям возникновения и особенностям функционирования. Все эти типы можно свести в несколько групп (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Группировка российских технопарков по формам собственности и особенностям функционирования / Classification of Russian technology parks by ownerships and performance features

Наименование группы	**Особенности**
1	*2*
Технопарки – коммерческие проекты	Бизнес-модель данных технопарков построена таким образом, что управляющая компания принимает финансовое участие в проектах резидентов, т.е. участвует в создании успешных технологических бизнесов для удовлетворения потребностей рынка в новых высокотехнологичных разработках. Эффективность данной бизнес модели подтверждается высоким уровнем занятости арендопригодных площадей технопарка резидентами (до 96 %).
Технопарки – академической среды с государственно-частным партнерством	Модель успешного функционирования заключается в непосредственной близости от крупных научных центров с высокой концентрацией академической среды. Они являются центром притяжения не только научно-исследовательских кадров, но и сторонних малых инновационных и start-up-компаний, заинтересованных во взаимовыгодном сотрудничестве с научно-образовательными и исследовательскими учреждениями с целью использования их кадрового и научного потенциала и развитой технологической базы, опыта реализации научных идей.

1	*2*
Технопарки государственной формы собственности с особыми условиями для резидентов	Бизнес-модель этих технопарков характеризуется наличием максимально благоприятных условий для резидентов. Группа представлена технопарками г. Москвы, где деятельность технопарков осуществляется в тесном взаимодействии с Департаментом науки, промышленной политики и предпринимательства г. Москвы при активной поддержке Правительства города.
Технопарки – члены Европейской сети бизнес-инновационных центров (EBN)	Бизнес модель аккредитована Европейским обществом, полностью соответствует требованиям европейских стандартов. Характеризуется сформированной инфраструктурой поддержки развития малого и среднего инновационного, в том числе нанотехнологичного бизнеса.
Технопарки, созданные в рамках реализации комплексной программы «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий»	Созданы по инициативе руководства регионов при поддержке Министерства связи и массовых коммуникаций РФ с целью развития новых высокотехнологичных компаний. Деятельность нацелена на комплексную поддержку проектов на всех стадиях инновационного процесса: от создания опытного образца до внедрения новых технологий в серийное производство.

Как видно из таблицы 4, в России существует достаточное большое многообразие технопарков. Это создает широкую основу для выбора механизма создания технологических парков и способов их функционирования с целью обеспечения успешного развития технопарков в стране в зависимости от целей, задач и направлений их деятельности.

Более детальный анализ структуры собственности российских технопарков показал, что она характеризуется преобладанием государственной формы собственности, что в явном виде прослеживается на примере наиболее эффективно функционирующих технологических парков страны. Так, среди 10 наиболее эффективных технопарков России[7] структура собственности и источников финансирования распределена следующим образом:

- 6 технопарков основаны на государственной форме собственности;
- 2 – на государственно-частной форме собственности;
- 2 – на частной форме собственности.

Перечень этих технопарков с указанием формы собственности и основных источников финансирования их деятельности приведен в табл. 5.

[7] К эффективным технопаркам относятся технопарки с показателями эффективности деятельности на 10 % и более выше среднего по России уровня эффективности. Помимо этого выделены группы со средним и низким уровнями эффективности деятельности: средний уровень характеризуется интервалом от 15 % ниже до 9 % выше среднего по РФ уровня эффективности (85 % – 109 %); низкий уровень эффективности характеризуется, соответственно, показателями на 15 % и более ниже среднего по стране уровня эффективности (от 84 % и ниже).

Таблица 5 / Table 5

Рейтинг технопарков с высоким уровнем эффективности функционирования (выше среднего по РФ на 10 % и более) / The rating of technology parks with a high performance level (higher by 10% or more above the average level for Russia

Место	Наименование технопарка	Форма собственности	Источники финансирования
1.	Нанотехнологический центр «Техноспарк», г. Москва	Частная	Внебюджетные средства
2.	Научный парк МГУ, г. Москва	Государственно-частная	Федеральный бюджет Внебюджетные средства
3.	Научно-технологический парк Новосибирского Академгородка (Академпарк), Новосибирская область	Государственная	Федеральный бюджет Региональный бюджет Муниципальный бюджет Внебюджетные средства
4.	Технополис «Москва», г. Москва	Государственная	Региональный бюджет Внебюджетные средства
5.	Технополис «Строгино», г. Москва	Государственная	Федеральный бюджет Региональный бюджет
6.	Инновационно-производственный технопарк «Идея», Республика Татарстан	Государственно-частная	Федеральный бюджет Региональный бюджет
7.	Автономное учреждение «Технопарк-Мордовия», Республика Мордовия	Государственная	Федеральный бюджет Региональный бюджет Внебюджетные средства
8.	Ульяновский нанотехнологический центр, Ульяновская область	Частная	Внебюджетные средства
9.	ГАУ ТО «Западно-Сибирский инновационный центр (Тюменский технопарк), Тюменская область	Государственная	Федеральный бюджет Региональный бюджет
10.	Технопарк в сфере высоких технологий «ИТ-парк», г. Казань, Республика Татарстан	Государственная	Федеральный бюджет Региональный бюджет

Анализ деятельности органов государственной власти по поддержке технопаркового движения в тех регионах России, которые показывают наибольшую эффективность функционировании технопарков, позволил выявить наиболее важные точки приложения усилий государственных структур в процессах создания и поддержки технопарков. Обобщение и классификация различных моделей регионального развития, а также накопленного в российских регионах опыта успешного развития технопарков важен с точки зрения оценки возможности его применения в других регионах страны (Мингалева, 2004).

Национальным лидером по количеству технопарков является г. Москва (30 объектов, или около 28 % всех технопарков России), на втором месте нахо-

дится Свердловская область (9 объектов), далее – Республика Татарстан (8 объектов), Московская область (6 объектов) и г. Новосибирск (5 объектов). При этом разные регионы демонстрируют разный объем, уровень, направления и инструменты региональной и местной поддержки созданных технопарков.

Высокая концентрация технопарков в г. Москве и высокий уровень эффективности их деятельности (4 технопарка Москвы входят в первую десятку самых эффективных технопарков России: Нанотехнологический центр «Техноспарк», Научный парк МГУ, Технополис «Москва» и Технополис «Строгино») в значительной степени объясняется высокой заинтересованностью Правительства Москвы в создании специализированных площадок для развития высокотехнологичных компаний, высокой концентрацией научно-образовательных учреждений, где имеются существенные заделы для развития высокотехнологичных видов экономической деятельности и проведения научных исследований, а также наличием значительного количества промышленных объектов, оптимально подходящих для создания технопарков. Заинтересованность Правительства Москвы также проявляется в предоставлении большого количества преференций для резидентов и управляющих компаний технопарков, чего не наблюдается в других регионах. Например, несмотря на высокую концентрацию технопарков в Республике Татарстан, региональные органы государственной власти не предоставляют льгот для резидентов технопарка, а в Тюменской и Ульяновской областях льгот нет ни для кого, в том числе для управляющих компаний технопарков.

В таблице 6 в качестве примера приведен перечень преференций, предоставляемых участникам технопарков органами государственной власти и местного самоуправления в нескольких субъектах РФ – лидерах технопаркового движения.

Приведенные в таблицах 5 и 6 особенности создания и функционирования технологических парков были обобщены на основе анализа десяти наиболее эффективно работающих технологических парков России. Помимо них в качестве основы для обобщения опыта и выявления национальных и региональных особенностей деятельности отечественных технологических парков следует взять и менее успешные на настоящий момент технопарки. К их числу можно отнести также 8 технопарков со средним уровнем эффективности функционирования (85 % – 109 % от среднего), а именно такие технологические и научные парки, как технопарк высоких технологий ХМАО-Югры, технопарки в сфере высоких технологий «Жигулевская долина» (Самарская область) и «ИТ-парк» (г. Набережные Челны), технопарки г. Москвы «Слава» и «Мосгормаш», «Космос-Нефть-Газ» (Воронежская область), промышленный технопарк «ИКСЭл» (Владимирская область), технопарк «Композитные материалы и волокна» (Республика Дагестан).

Также достаточно важна и интересна с точки зрения выявления потенциала повышения эффективности работы технопарков в России небольшая группа из 7 технопарков, приближающихся по своим показателям к среднему по России уровню эффективности функционирования и лишь не на много недостающих до него (84 % или чуть менее).

Таблица 6 / Table 6

Преференции российских региональных и местных органов власти участникам технопарков / Preferences of the Russian regional and local authorities to the participants of technology parks

Субъект РФ	Льготы для управляющих компаний технопарков	Льготы для резидентов технопарка
1	*2*	*3*
г. Москва	– Пониженная ставка налога на прибыль, подлежащая зачислению в бюджет города Москвы –13,5 %; – освобождение от уплаты налога на имущество; – пониженная ставка земельного налога – в размере 0,7 %; – пониженная ставка арендной платы за земельные участки – 0,01 % от кадастровой стоимости земельного участка; – субсидии на создание и (или) развитие имущественного комплекса – до 30 млн руб. в год; – субсидии на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам – не более 100 млн руб. в год.	– Пониженная ставки налога на прибыль, подлежащая зачислению в бюджет города Москвы –13,5 %; – освобождение от уплаты налога на имущество в отношении недвижимого якорного резидента; – пониженная ставка земельного налога – в размере 0,7 %; – субсидии на возмещение части затрат на уплату процентов по договорам финансовой аренды (лизинга) производственного оборудования – до 100 млн руб.; на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам на приобретение производственного оборудования – до 200 млн руб.; – субсидии в целях возмещения части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в кредитных организациях в целях развития – до 5 млн руб.; – компенсация части затрат на оснащение и функционирование центров молодежного инновационного творчества, проектирования, прототипирования и производства – в размере не более 5 млн руб.; – компенсация затрат на промышленное внедрение результатов научно-технологической деятельности – до 20 млн руб.; – компенсация затрат на развитие материально-технической базы – до 100 млн руб.
Республике Мордовия	– Субсидии на поддержку научно-технических и инновационных проектов; – социальные выплаты на возмещение части процентной ставки по кредитам (займам), полученным высококвалифицированными специалистами;	– Льготная ставка налога на прибыль, подлежащая зачислению в областной бюджет – 13,5 %; – освобождение от уплаты налога на имущество организаций;

1	*2*	*3*
	– освобождение от уплаты земельного налога.	– налоговая ставка при упрощенной системе налогообложения (доходы – расходы) – 5 %; – субсидии.
Новосибирская область	– Освобождение от уплаты налога на имущество.	– Льготная ставка налога на прибыль, подлежащая зачислению в областной бюджет – 13,5 %; – освобождение от уплаты налога на имущество организаций; – изменение сроков уплаты налогов, предоставление инвестиционного налогового кредита; – государственные гарантии областного бюджета; – субсидии.
Республика Татарстан	– Льготная ставки по налогу на имущество – 0,1 %; – освобождение от уплаты земельного налога.	–

Это такие технопарки, как: МБУ «Технопарк–Липецк» (Липецкая область), технопарк «Саров» и технопарк в сфере высоких технологий «Анкудиновка» (Нижегородская область), Научно-внедренческий биомедицинский технопарк «Новоуральский», технопарки «Синарский» и «Академический» (Свердловская область), технопарк ЗАО «ЧЗТО» (Челябинская область).

Обобщение опыта работы всех этих технологических парков полезно с точки зрения учета как положительных тенденций и эффективных решений, так и ошибок при создании и организации деятельности технологических и научных парков в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительный анализ социально-экономического и технологического развития регионов – мест функционирования технопарков-лидеров, изучение политики региональных и местных органов власти в отношении деятельности технологических парков, расположенных на подведомственных им территориях, а также наличия в технопарках элементов инфраструктуры показал, что в числе лидеров оказались те технопарки, которые созданы и функционируют в субъектах РФ, обладающих развитой структурой промышленного производства, высокой концентрацией кадрового и интеллектуального капитала, а также стабильно занимающих лидирующие позиции в различных рейтингах оценки уровня социально-экономического положения, инвестиционной привлекательности, инновационного развития и т.д. Основными ключевыми

факторами эффективности работы успешно функционирующих технопарков в России можно считать:

– территориальную близость к крупным научным центрам и академической среде (Научный парк МГУ, Научно-технологический парк Новосибирского Академгородка (Академпарк));

– высокую заинтересованность региональных органов государственной власти в диверсификации экономики и следование Стратегии научно-технологического развития России и соответствующим региональным стратегиям (Инновационно-производственный технопарк «Идея», ГАУ ТО «Западно-Сибирский инновационный центр (Тюменский технопарк));

– наличие внебюджетного финансирования, когда частные инвесторы четко нацелены на удовлетворение потребностей рынка, в том числе высокотехнологичных разработках (Нанотехнологический центр «Техноспарк», Ульяновский нанотехнологический центр).

– действенную фискальную и финансовую поддержку технопарка со стороны региональных органов государственной власти (Технополис «Москва», Технополис «Строгино», Автономное учреждение «Технопарк–Мордовия»).

Изучение механизма создания и форм собственности отечественных технопарков показал, что в России созданы и успешно функционируют технологические парки со всеми основными формами собственности. При этом одним из важнейших источников финансирования деятельности технологических парков как за рубежом, так и в России, является государственный заказ.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено на основе задания на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет» (тема № 26.6884.2017/8.9 «Устойчивое развитие урбанизированных территорий и улучшение среды обитания человека»).

Библиографический список

Аристов М. В., Аристов В. М. Технопарки в России – инновации для повышения качества образовательных услуг // Ученые записки Международного банковского института. 2014. № 9. С. 127–130.

Багриновский К. А., Бендиков М. А., Хрусталев Е. Ю. Механизмы технологического развития экономики России: Макро и мезоэкономические аспекты. М.: Наука, 2003.

Веремеенко С. А., Сметанов А. Ю. Стратегия поддержки малого наукоемкого бизнеса в условиях финансового кризиса // Высшее образование сегодня. 2015. № 4. С. 56–59.

Гайдарулы Е., Малинин В. Л. Сравнительный анализ бизнес-инкубаторов и технопарков в различных регионах РФ // Молодой ученый. 2016. № 1 (105). С. 329–335.

Котельников Н. В., Нагаева А. В. Анализ и перспективы развития технопарка как объекта инновационной инфраструктуры // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2014. Т. 324, № 6. С. 126–133.

Лурье Е. А. Университетские технопарки: время признания // Инновации. 2013. № 5 (175). С. 3–16.

Ляшенко Е. А. Оценка динамики развития технопарковых структур на территории Свердловской области // Известия Уральского государственного экономического университета. 2014. № 6 (56). С. 86–94.

Ляшенко Е. А. О проблемах финансирования технопарковых структур как институтов инновационного развития региона // Труды Уральского государственного экономического университета: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2016. С. 82–87.

Маюрова А. С., Кустикова М. А., Маюрова М. В. Технопарки России – надежный партнер для образования // На путях к новой школе. 2014. № 2. С. 93–95.

Мингалева Ж. А. Особенности региональных моделей развития в условиях структурной модернизации экономики // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 4. С. 65–71.

Мингалева Ж. А., Максименко И. И. Научный и образовательный потенциал инновационного развития национальной экономики // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Серия: Экономические науки. 2008. № 4 (61). С. 21–28.

Радионова Е. А., Грицких Н. В. О государственной поддержке развития технопарков как основного элемента инновационной инфраструктуры // Новая наука: теоретический и практический взгляд. 2016. № 4-1 (75). С. 156–159.

Рогова Е. М. Эффективность функционирования бизнес-инкубаторов как элемента спин-офф стратегии университетов // Инновации. 2013. № 10 (180). С. 58–63.

Шайдурова Н. С. Сравнительный анализ понятий технопаркого движения в разных странах // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12-2 (65-2). С. 980–983.

Abetti P. A. Government-supported incubators in the Helsinki region, Finland: infrastructure, results, and best practices // The Journal of Technology Transfer. 2004. Vol. 29, № 1. P. 19–40.

Atherton A., Hannon, P. D. Localised strategies for supporting incubation: strategies arising from a case of rural enterprise development // Journal of Small Business and Enterprise Development. 2006. Vol. 13, № 1. P. 48–61.

Bergek A., Norrman C. Incubator best practice: a framework // Technovation. 2008. Vol. 28, № 1. P. 20–28.

Bruneel J., Ratinho, T., Clarysse B., Groen A. The evolution of business incubators: comparing demand and supply of business incubation services across different incubator generations // Technovation. 2012. Vol. 32, № 2. P. 110–121.

Bollingtoft A. The bottom-up business incubator: leverage to networking and cooperation practices in a self-generated, entrepreneurial-enabled environment // Technovation. 2012. Vol. 32, № 5. P. 304–315.

Calvo N., Rodeiro-Pazos D., Fernández-López S. Science and technology parks as accelerators of knowledge-intensive business services. A case study // International Journal of Business and Globalisation. 2017. Vol. 18, № 1. P. 42–57. DOI: 10.1504/IJBG.2017.10001185.

Correia A. M. M., de Lourdes Barreto Gomes M. Potentialities and limits for the local economic and innovative development: a comparative analysis of technology parks located in the Northeast region of Brazil // International Journal of Innovation and Learning. 2014. Vol. 15, № 3. P. 274–298. DOI: 10.1504/IJIL.2014.060877.

Dhewanto W., Lantu D. C. Herliana S., Permatasari A. The obstacles for science technology parks in a developing country // International Journal of Technological Learning, Innovation and Development. 2016. Vol. 8, № 1. P. 4–19. DOI: 10.1504/IJTLID.2016.075180.

Eriksson P., Montonen T., Vilhunen J., Voutilainen, K. Incubation manager roles in the co-innovation context // International Journal of Entrepreneurship and Innovation Management. 2016. Vol. 20, № 5/6. P. 285–299. DOI: 10.1504/IJEIM.2016.10000638.

Eriksson P., Vilhunen J., Voutilainen K. Incubation as co-creation: Case study of proactive technology business development // International Journal of Entrepreneurship and Innovation Management. 2014. Vol. 18, № 5/6. P. 382–396.

Montonen T., Eriksson P., Asikainen I., Lehtimäki H. Innovation empathy: A framework for customer-oriented lean innovation // International Journal of Entrepreneurship and Innovation Management. 2014. Vol. 18, № 5/6. P. 368–381. DOI: 10.1504/IJEIM.2014.064719.

Nosratabadi H. E., Shabani R., Fazlollahtabar H. A hybrid FGAHP-ME methodology for evaluating science and technology parks with pairwise comparison analysis // International Journal of Industrial and Systems Engineering. 2013. Vol. 13, № 2. P. 133–153. DOI: 10.1504/IJISE.2013.051789.

Scandizzo P. L. Financing technology: an assessment of theory and practice // International Journal of Technology Management. 2005. Vol. 32, № 1/2. P. 1–33. DOI: 10.1504/IJTM.2005.006816.

Schwartz M., Hornych C. Cooperation patterns of incubator firms and the impact of incubator specialization: empirical evidence from Germany// Technovation. 2010. Vol. 30, № 9. P. 485–495.

Staudt E., Bock J., Muhlemeyer P. Technology centres and science parks: agents or competence centres for small businesses? // International Journal of Technology Management. 1994. Vol. 9, № 2. P. 196–212. DOI: 10.1504/IJTM.1994.025570.

Tang M. F., Lee J., Liu K., Lu Y. Assessing government-supported technology-based business incubators: Evidence from China // International Journal of Technology Management. 2014. Vol. *65, №* 1–4. P. 24–48. DOI: 10.1504/IJTM.2014.060956.

Информация об авторах

Мингалева Жанна Аркадьевна – д-р экон. наук, проф., проф. кафедры экономики и управления промышленным производством ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», 614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29, проф. кафедры пред-

принимательского права, гражданского и арбитражного процесса, проф. кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0001-7674-7846
Researcher ID: E-8001-2016
Электронный адрес: mingal1@psu.ru

Шайдурова Наталия Сергеевна – старший преподаватель кафедры «Экономика и организация производства» Воткинского филиала ФГБОУ ВО «Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова», 427433, Россия, г. Воткинск, ул. Шувалова, 1
ORCID: 0000-0003-4911-0772
ResearcherID: I-3363-2017
Электронный адрес: Shaydurovans@gmail.com

Статья получена 14 апреля 2017 года

UDC 338.45
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-176-194

INTERACTION OF STATE AND LOCAL AUTHORITIES IN THE CREATION AND DEVELOPMENT OF TECHNOLOGY PARKS

Zhanna A. Mingaleva
Perm National Research Polytechnic University,
29 Komsomol'skii ave., Perm, 614990, Russia
Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0001-7674-7846
ResearcherID: E-8001-2016
E-mail: mingal1@psu.ru

Natalia S. Shaidurova
Kalashnikov Izhevsk State Technical University (Votkinsky branch), 1 Shuvalov str., Votkinsk, 427433, Russia
ORCID: 0000-0003-4911-0772
ResearcherID: I-3363-2017
E-mail: Shaydurovans@gmail.com

For citation:
Mingaleva, Zh. A. and Shaidurova, N. S. (2017), "Interaction of state and local authorities in the creation and development of technology parks", *Ars Administrandi,* vol. 9, no. 2, pp. 176–194, doi: 10.17072/2218-9173-2017-2-176-194.

Introduction. The paper solves a complex problem of effective participation of state and local authorities in the processes of creation and development of technology parks in Russia.

Aims. The paper is aimed to identify the features of the creation and operation of technology parks in the context of sustainable development of territories and to stimulate innovation, to assess the role of state structures and local authorities in creating the most effective mechanism for the operation of technology parks in Russia.

The following **methods** were used: method of system analysis; structural method; method of comparative analysis; formal and logical method.

Results. In the course of the research it was proved that state structures play an important role in the creation and functioning of technology parks. They can support the technology park in many ways, including playing the role of a founding partner, a sponsor, a service provider or a client. Roles and responsibilities assumed by state and local authorities depend on their interest in the economic development of their territories, on the range of responsibilities that are assigned to the government authorities in relation to the technology park, on the functional features and the management of technology parks. All these points must be taken into account when deciding whether to create a technology park in a particular area.

Conclusion. In order to be effective and to promote the development of their basing territories, technology parks should maintain close ties with government structures at all levels of management, and the latter should clearly define how to create a system of interrelationships with each other and with participants of technology parks in order to ensure their effective functioning and formation of an optimum parity of all sources of financing the activity of technology parks. On the other hand, in order to ensure sustainable social development, federal, regional and local authorities must harmonize their interests and goals and fully promote the effective functioning of technology parks created on their territory.

Key words: technology parks; state and local authorities; sustainable development; innovative development; harmonization of interests; efficiency of activities

Acknowledgements. The work is carried out based on the task on fulfillment of government contractual work in the field of scientific activities as a part of base portion of the state task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to Perm National Research Polytechnic University (the topic № 26.6884.2017/8.9 "Sustainable development of urban areas and the improvement of the human environment").

References

Aristov, M. V. and Aristov, V. M. (2014), "Technoparks in Russia – innovations to improve the quality of educational services", *Scientific notes of the International Banking Institute*, no. 9, pp. 127–130.

Bagrinovsky, K. A., Bendikov, M. A. and Khrustalev, E. Yu. (2003), *Mekhanizmy tekhnologicheskogo razvitiya ekonomiki Rossii: Makro i mezoekonomicheskie aspekty* [Mechanisms of technological development of the Russian economy: Macro and mesoeconomic aspects], Nauka, Moscow, Russia.

Veremeenko, S. A. and Smetanov, A. Yu. (2015), "Strategy of support of small high technology business in the conditions of financial crisis", *Higher Education Today*, no. 4, pp. 56–59.

Gaidaruly, E. and Malinin, V. L. (2016), "Comparative analysis of business incubators and technology parks in different regions of the Russian Federation", *Young Scientist,* no. 1 (105), pp. 329–335.

Kotelnikov, N. V. and Nagaeva, A. V. (2014), "Analysis and prospects for the development of the technopark as an object of innovation infrastructure", *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Engineering georesources*, vol. 324, no. 6, pp. 126–133.

Lurie, E. A. (2013), "University technoparks: the time of recognition", *Innovation*, no. 5 (175), pp. 3–16.

Lyashenko, E. A. (2014), "Evaluation of the dynamics of the development of technopark structures in the Sverdlovsk region", *Izvestiya of Ural State Economic University,* no. 6 (56), pp. 86–94.

Lyashenko, E. A. (2016), "On the problems of financing technopark structures as institutes of innovative development of the region", *Trudy Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the Ural State Economic University], Ekaterinburg, Russia, pp. 82–87.

Mayurova, A. S., Kustikova, M. A. and Mayurova, M. V. (2014), "Technoparks of Russia are a reliable partner for education", *Na putyakh k novoi shkole*, no. 2. pp. 93–95.

Mingaleva, Zh. A. (2004), "Features of regional development models in the conditions of structural modernization of the economy", *Bulletin of the Orenburg State University*, no. 4, pp. 65–71.

Mingaleva, Zh. A. and Maksimenko, I. I. (2008), "Scientific and educational potential of innovation development of the national economy", *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomicheskie nauki*, no. 4 (61), pp. 21–28.

Radionova, E. A. and Gritskikh, N. V. (2016), "On the state support of development of technoparks as a basic element of innovative infrastructure", *New Science: Theoretical and practical view*, no. 4-1 (75), pp. 156–159.

Rogova, E. M. (2013), "Efficiency of the functioning of business incubators as an element of the spin-off strategy of universities", *Innovations*, no. 10 (180), pp. 58–63.

Shaidurova, N. S. (2015), "Comparative analysis of the concepts of the technopark movement in different countries", *Economics and Entrepreneurship*, no. 12-2 (65-2), pp. 980–983.

Abetti, P. A. (2004), "Government-supported incubators in the Helsinki region, Finland: infrastructure, results, and best practices", *The Journal of Technology Transfer*, vol. 29, no. 1, pp. 19–40.

Atherton, A. and Hannon, P. D. (2006), "Localised strategies for supporting incubation: strategies arising from a case of rural enterprise development", *Journal of Small Business and Enterprise Development*, vol. 13, no. 1, pp. 48–61.

Bergek, A. and Norrman, C. (2008), "Incubator best practice: a framework", *Technovation*, vol. 28, no. 1, pp. 20–28.

Bruneel, J., Ratinho, T., Clarysse, B. and Groen, A. (2012), "The evolution of business incubators: comparing demand and supply of business incubation services across different incubator generations", *Technovation*, vol. 32, no. 2, pp. 110–121.

Bollingtoft, A. (2012), "The bottom-up business incubator: leverage to networking and cooperation practices in a self-generated, entrepreneurial-enabled environment", *Technovation*, vol. 32, no. 5, pp. 304–315.

Calvo, N., Rodeiro-Pazos, D. and Fernández-López, S. (2017), "Science and technology parks as accelerators of knowledge-intensive business services. A case study", *International Journal of Business and Globalisation*, vol. 18, no. 1, pp. 42–57, doi: 10.1504/IJBG.2017.10001185.

Correia, A.M. M. and de Lourdes Barreto Gomes, M. (2014), "Potentialities and limits for the local economic and innovative development: a comparative analysis of technology parks located in the Northeast region of Brazil", *International Journal of Innovation and Learning*, vol. 15, no. 3, pp. 274–298, doi: 10.1504/IJIL.2014.060877.

Dhewanto, W., Lantu, D. C., Herliana, S. and Permatasari, A. (2016), "The obstacles for science technology parks in a developing country", *International Journal of Technological Learning, Innovation and Development*, vol. 8, no. 1, pp. 4–19, doi: 10.1504/IJTLID.2016.075180.

Eriksson, P., Montonen, T., Vilhunen, J. and Voutilainen, K. (2016), "Incubation manager roles in the co-innovation context", *International Journal of Entrepreneurship and Innovation Management,* vol. 20, no. 5/6, pp. 285–299, doi: 10.1504/IJEIM.2016.10000638.

Eriksson, P., Vilhunen, J. and Voutilainen, K. (2014), "Incubation as co-creation: case study of proactive technology business development", *International Journal of Entrepreneurship and Innovation Management*, vol. 18, no. 5/6, pp. 382–396.

Montonen, T., Eriksson, P., Asikainen, I. and Lehtimäki, H. (2014), "Innovation empathy: A framework for customer-oriented lean innovation", *International Journal of Entrepreneurship and Innovation Management*, vol. 18, no. 5/6, pp. 368–381, doi: 10.1504/IJEIM.2014.064719.

Nosratabadi, H. E., Shabani, R. and Fazlollahtabar, H. (2013), "A hybrid FGAHP-ME methodology for evaluating science and technology parks with pairwise comparison analysis", *International Journal of Industrial and Systems Engineering*, vol. 13, no. 2, pp. 133–153, doi: 10.1504/IJISE.2013.051789.

Scandizzo, P. L. (2005), "Financing technology: an assessment of theory and practice", *International Journal of Technology Management*, vol. 32, no. 1/2, pp. 1–33, doi: http://dx.doi.org/10.1504/IJTM.2005.006816.

Schwartz, M. and Hornych, C. (2010), "Cooperation patterns of incubator firms and the impact of incubator specialization: empirical evidence from Germany", *Technovation*, vol. 30, no. 9, pp. 485–495.

Staudt, E., Bock, J. and Muhlemeyer, P. (1994), "Technology centres and science parks: agents or competence centres for small businesses?", *International Journal of Technology Management*, vol. 9, no. 2, pp. 196–212, doi: 10.1504/IJTM.1994.025570.

Tang, M. F., Lee, J., Liu, K. and Lu, Y. (2014), "Assessing government-supported technology-based business incubators: Evidence from China", *International Journal of Technology Management,* vol. 65, no. 1–4, pp. 24–48, doi: 10.1504/IJTM.2014.060956.

Received April 14, 2017

УДК 338.24
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-195-216

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В МОНОГОРОДАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. О. ДМИТРИЕВА
Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Россия

Для цитирования:
Дмитриева Е. О. Модели развития малого предпринимательства в моногородах Российской Федерации // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Том 9, № 2. С. 195–216. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-195-216.

Введение: государственными программными документами, направленными на развитие монопрофильных муниципальных образований, важнейшим источником модернизации экономики признается малое предпринимательство. В связи с этим возникает необходимость в определении особенностей функционирования малого бизнеса и уточнении направлений государственной поддержки предпринимательской инициативы при реализации различных стратегий развития моногородов.

Цель: исследование взаимосвязи между институциональными и экономическими процессами с условиями осуществления малого предпринимательства, формируемыми мерами государственной поддержки моногородов и малого бизнеса, а также разработка предложений, направленных на развитие предпринимательской инициативы в монопрофильных муниципальных образованиях.

Методы: методы теоретического исследования, статистического и системного анализа, экспертных оценок и моделирования.

Результаты: публикация содержит промежуточные теоретические и практические результаты, полученные автором при изучении особенностей государственной политики и мер по модернизации экономик моногородов в условиях восстановления экономического роста. На основе систематизации исследованных стратегических решений, направленных на диверсификацию, демонополизацию и кластеризацию экономики монопрофильных муниципальных образований, определено, что стратегии комплексного развития таких муниципалитетов могут реализовываться через механизмы создания территорий опережающего социально-экономического развития, инновационных и промышленных кластеров, туристско-рекреационных зон. Стратегические решения органов государственной власти о направлении развития моногорода в значительной степени определяют задачи, характер взаимодействия территории с градообразующим предприятием и специализацию малого предпринимательства в муниципалитете.

Выводы: осуществление государственных мер по комплексной модернизации монопрофильных муниципальных образований и поддержке малого бизнеса в различных сферах и отраслях моногородов оказывают влияние на институциональные и экономические процессы в таких территориях. Выделены модели развития малого предпринимательства, которые могут быть востребованы при реализации стратегического курса развития моногородов.

Предлагаются основные направления развития малого бизнеса в моногородах: системная поддержка предпринимательской инициативы и преумножение человеческого капитала, повышение доступности кредитных ресурсов и развитие государственно-частного партнерства в целях социально-экономического развития регионов, создания (расширения) рынков.

Ключевые слова: малый бизнес; монопрофильные муниципальные образования (моногорода); диверсификация; демонополизация; кластеризация экономики; туристского-рекреационная зона; государственная поддержка

© Дмитриева Е. О., 2017

ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономические, демографические, иные условия и риски развития моногородов связываются с влиянием крупных градообразующих предприятий. Высокая эффективность массового производства, устойчивость, стабильность и другие преимущества крупного бизнеса при определенных условиях ограничиваются его низкой инновационной активностью и неспособностью быстро реагировать на изменения внешней среды. В условиях турбулентности окружающей среды это приводит градообразующие комплексы к кризисам, а территории их локализации к обострению социально-экономических проблем.

Фактором снижения зависимости российских моногородов от крупных предприятий должно стать малое предпринимательство. В настоящее время в монопрофильных муниципальных образованиях малый бизнес обеспечивает население товарами и услугами, участвует в пополнении муниципальных бюджетов, выполняет социальные функции, создавая новые рабочие места для высвобождающихся работников градообразующих предприятий. Однако при благоприятных условиях для развития частной инициативы малые предприятия способны сыграть более заметную роль и обеспечить комплексное развитие и модернизацию экономики моногородов, способствуя поддержанию конкурентной среды, ускорению инновационных процессов и повышению производительности труда.

Малый бизнес, являющийся неотъемлемым структурным и функциональным элементом рыночной экономики, в современной России стал экономическим явлением не более 25 лет назад. В последние годы его динамичное развитие рассматривается в качестве стратегического фактора, определяющего перспективы устойчивого роста и инновационного наполнения национальной экономики, преодоления неравномерного пространственного развития и ликвидации проблем территорий с монопрофильной специализацией.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В сфере предпринимательства актуальные исследования осуществляются в области инновационной деятельности малых фирм, в том числе в кластерных структурах (В. Я. Вилисов, М. С. Гусева, К. Ю. Решеток), создания условий для роста числа малых предприятий и адаптации зарубежного опыта поддержки предпринимательства (П. В. Иваний, А. В. Кириллов, О. В. Левченко и др.), роли малого бизнеса в развитии экономики регионов и отдельных отраслей (Н. В. Алексеева, В. Г. Басарева, С. Р. Халимова).

Проблемы российских моногородов изучаются в работах О. В. Кузнецовой, И. Д. Тургуль, Л. Л. Божко, С. Н. Крекотнева, А. Н. Пилясова, посвященных, преимущественно, вопросам государственной поддержки. Стратегические подходы и модели развития территорий с монопрофильной специализацией рассматриваются Н. Ю. Замятиной, И. Н. Ильиной, А. Н. Ряховской, коллективом авторов под руководством Е. Г. Анимицы.

Несмотря на большое количество работ, посвященных малому бизнесу, ощущается потребность как в глубоких теоретических исследованиях малого предпринимательства в России, так и в изучении его возможностей и ограни-

чений для решения приоритетных задач развития страны, отдельных регионов и городов. В частности, возникает необходимость в определении особенностей развития малого бизнеса и уточнении направлений поддержки частной предпринимательской инициативы при реализации различных стратегий модернизации моногородов.

В связи с этим целью настоящей работы определены исследование взаимосвязи между институциональными и экономическими процессами с условиями осуществления малого предпринимательства, формируемыми мерами государственной поддержки моногородов и малого бизнеса, а также разработка предложений, направленных на развитие предпринимательской инициативы в монопрофильных муниципальных образованиях.

Если особенности российского малого бизнеса ожидают глубокого изучения и теоретического осмысления, то зарубежный опыт, благодаря американским и европейским исследователям, уже составил основу современной теории малого предпринимательства. Арнольд Купер называл малые фирмы «носителями роста» (Cooper, 1966), а Дэвид Берч – «новым драйвером роста» (Birch, 1987, 1989). Д. Аудретша, З. Акс и П. Браунерхельм считали небольшие компании «агентами изменений» и доказывали, что они приходят на рынок проявлять инновационную активность и производить новый продукт, распространять новые знания (Acs and Audretsch, 1988, Acs et al., 2009, 2012; Audretsch, 1991; Braunerhjelm, 2008). У. Баумол утверждал, что инновационный прорыв совершают малые компании, а дополнительный вклад, связанный с увеличением возможностей и возрастанием скорости распространения инноваций, вносит крупный бизнес. Поэтому политика государства должна быть направлена на сбалансированное развитие и малого бизнеса, и крупных компаний (Baumol, 2004).

А. Купер, П. Рейнольдс (Reynolds et al., 1993) отмечали, что малые предприятия начинают отпочковываться от крупного предприятия- инкубатора и эффективно действовать, если есть доступ к специализированной рабочей силе, специализированным материалам и капиталу, а также географическая близость для перелива скрытого знания, близость к потребителю и технической поддержке, позволяющая снизить издержки, в том числе по поиску потребителей. В результате формируется территория сосредоточения предпринимательских структур, обеспечивающих ее экономическое развитие.

Д. Аудретш, Р. Турик, рассматривая связь предпринимательства и экономического роста, утверждали, что, если уровень предпринимательства слишком высок, расширение бизнеса снизит рост экономики; если уровень предпринимательства слишком низок, увеличение количества предприятий приведет к росту дивидендов и снижению безработицы (Audretsch and Thurik, 2001). Следовательно, задача государства оставлять низкими барьеры входа и выхода из бизнеса для установления равновесного количества предприятий. Иной вывод из своих исследований делают представители «институционального» подхода, считая, что развитие происходит благодаря созданию определенных организаций, которые, в свою очередь, продвигают предпринимательство, что и способствует экономическому росту (Дикинс и Фрил, 2014, с. 82).

В заключение теоретического экскурса необходимо привести мнения М. Портера (Porter, 1990) и Д. Берча. Первый считал, что предпринимательство

должно находиться в «центре национального достоинства». Второй утверждал, что предпринимательство различается от страны к стране, поэтому серьезной ошибкой станет попытка адаптации модели предпринимательства, сложившейся в рамках другого общества.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ведущая роль малых компаний в инновационном развитии и взаимодополняемость различных по размерам, но географически локализованных предпринимательских структур, обеспечивающих развитие территории, теоретически обоснована. Признана возможность государственного воздействия, в том числе на основе институционального подхода, на уровень предпринимательства в интересах экономического роста и с учетом особенностей национальной экономики и малого бизнеса.

Основными проблемами малого бизнеса в Российской Федерации[1] признаются неопределенность макроэкономических факторов и условий ведения бизнеса, неблагоприятная инвестиционная и предпринимательская среда в регионах, ограниченный доступ к кредитным ресурсам и государственным закупкам (Гусева и др., 2016; Решетов, 2012, 2015). Эксперты считают, что особенностями российского малого предпринимательства являются «рыночная слепота» и низкая предпринимательская активность населения как следствие неуважения к частной собственности, утраты прежних и несформированности современных отечественных традиций предпринимательства[2].

Особенности малого предпринимательства в современной России во многом связаны с непродолжительной историей развития частной инициативы. Создание малого бизнеса[3] началось в переходный период и осуществлялось в целях углубления «экономической реформы на основе активного участия широких слоев населения в предпринимательской деятельности»[4]. В последние 10 лет поддержке индивидуальной предпринимательской инициативы уделяется пристальное внимание со стороны органов государственной власти, бизнеса и общественности. Принята Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, требующая увеличить долю малого и среднего предпринимательства в валовом внутреннем продукте до 40 %, долю работающих в общей

[1] *Исследования* и аналитика [Электронный ресурс]. URL: https://www.mspbank.ru/analiticheskiy_tsentr/issledovaniya_i_analitika (дата обращения: 01.02.2017); *Об утверждении* Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 02.06.2016 г. № 1083-р. URL: http://government.ru/media/files/jFDd9wbAbApxgEiHNaXHveytq7hfPO96.pdf (дата обращения: 01.02.2017).

[2] *Где* заканчиваются разговоры, и начинается помощь малому и среднему бизнесу [Электронный ресурс]. URL: http://gaidarforum.ru/about/mediamaterials/video/13-yanvar/?show_all=Y#lg=1&slide=18 (дата обращения: 18.01.2017).

[3] Здесь и далее в отношении Российской Федерации под малым бизнесом понимаются предприятия, относимые к субъектам малого предпринимательства в соответствии с Федеральным законом от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

[4] *Об организационных* мерах по развитию малого и среднего бизнеса в Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 30.11.1992 г. № 1485. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1155/ (дата обращения: 24.01.2017).

численности занятого населения страны – до 35 % (в настоящее время показатели составляют соответственно 20 % и 25 %).

В 2016 году Советом при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам в число 11 основных направлений стратегического развития включено направление и утвержден паспорт приоритетного проекта «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»[5]. Документом предусматриваются меры поддержки индивидуальных и малых предпринимателей, направленные на увеличение числа работающих в малом бизнесе на 1,2 млн чел., предоставление помощи 336 тыс. хозяйствующим субъектам, увеличение в 2018 году годового объема закупок у индивидуальных и малых предприятий крупнейшими заказчиками, определяемыми Правительством РФ, до 17,5 %.

Анализ последних программных и нормативных документов федерального уровня позволяет автору сделать вывод об изменении подходов к государственному управлению предпринимательством в России. В современных условиях малый бизнес рассматривается не просто в качестве элемента экономики, обеспечивающего ее многоукладность и самозанятость населения, а стратегического фактора, способствующего инновационному прорыву экономики, импортозамещению и увеличению российского экспорта за счет высокотехнологичной продукции, улучшению состояния городской среды и экологии, равномерному развитию регионов и преодолению проблем моногородов.

Остановимся подробнее на последней задаче и рассмотрим возможности малого бизнеса для обеспечения комплексного развития монопрофильных муниципальных образований.

Практическое решение задач развития территорий с монопрофильной специализацией подкрепляется наличием двух подходов в науке:

– американским, предполагающим перераспределение трудовых ресурсов между территориями за счет механизма спроса и предложения;

– европейским, основанным на механизмах поддержки с применением различного инструментария (Анимица и др., 2010, с. 18).

Р. Хадсон, опираясь на исследования особенностей развития старопромышленных регионов Англии (Hudson, 2005a, 2005b, 2005c) предлагал четыре возможные стратегии развития и выживания моноспециализированных регионов:

– поиск путей создания новых рабочих мест на основе развития малых и средних предприятий, формирование и развитие «культуры самозанятости»;

– обновление экономической системы на базе привлеченных в регион филиалов крупных национальных и транснациональных компаний;

– отказ от промышленного пути развития, переход на экономику туризма, гостеприимства и развлечений;

– отказ от развития производительной составляющей и превращение территории в «спальный район», существующий на государственные пособия и субсидии.

[5] *Малый* бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы [Электронный ресурс]: паспорт приоритетного проекта; утв. президиумом Совета при Президенте Рос. Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 21.11.2016 г. № 10). URL: http://government.ru/media/files/e1egS3zz2HlKdsXJbh2WAMMIwZLzyWCZ.pdf (дата обращения: 10.02.2017).

Данный подход поддерживают И. В. Манаева, Ю. В. Болтенкова (Манаева и Болтенкова, 2016, с. 198). А. Н. Ряховская, А. Г. Полякова, исходя из причин негативного влияния градообразующего предприятия на благополучие моногорода, которыми могут являться сильная зависимость от одного субъекта хозяйствования или узкая отраслевая специализация градообразующего комплекса, предлагают следующие стратегические решения:

– демонополизация, т.е. расширение рынка за счет увеличения числа субъектов хозяйствования;

– диверсификация профильной структуры экономики совместно с муниципальными и государственными органами власти, инвесторами, бизнес-сообществами, общественными организациями;

– смешанный вариант – кластеризация (Ряховская и Полякова, 2016, с. 57).

Систематизируя представленные стратегические подходы и решения, направленные на диверсификацию, демонополизацию и кластеризацию, можно предположить, что в России применительно к проблемам отдельных моногородов или их групп, сформированных на основе набора критериев оценки социально-экономического положения и накопленного потенциала развития территории, целесообразна реализация нескольких решений, позволяющих реализовать комплексный подход. Стратегические решения органов государственной власти о направлениях развития монопрофильного муниципального образования в значительной степени определяют задачи, характер взаимодействия территории с градообразующим предприятием и специализацию малого предпринимательства в моногороде (рис. 1).

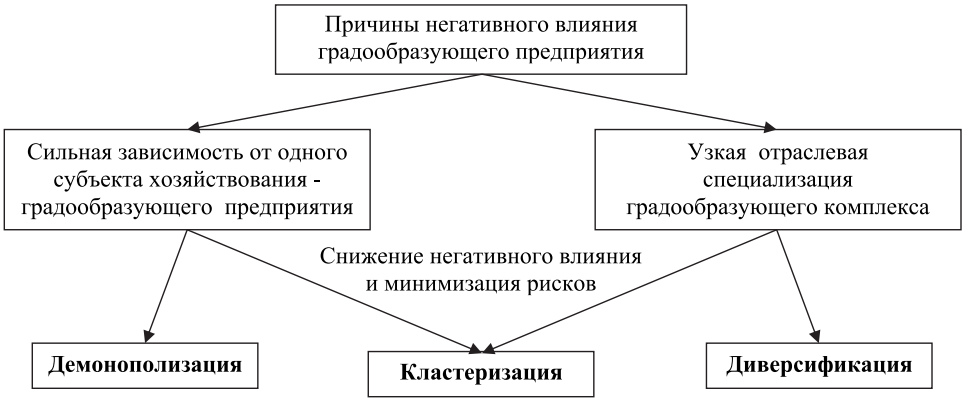


Рис. 1. Стратегические решения в развитии моногородов /
Fig. 1. Strategic decisions in single-industry towns development

Источник: составлено автором по информации, представленной на официальном сайте Правительства РФ в разделе «Моногорода».

Первые системные решения по реструктуризации экономики моногородов были приняты в Плане по реализации основных направлений антикри-

зисных действий и политики модернизации российской экономики Правительства Российской Федерации на 2010 год и направлены на преодоление последствий финансово-экономического кризиса, а также «вывод моногородов из зоны неуправляемых рисков» через:

– создание новых рабочих мест, в том числе за счет малого бизнеса;

– реструктуризацию экономики для предотвращения и снижения рисков негативных последствий резких сокращений товарных рынков;

– создание особых экономических зон новых высокотехнологичных производств.

Основным видом была признана финансовая поддержка, а ее ключевым источником – федеральный бюджет. В ряде монопрофильных муниципальных образований осуществлялась разработка Комплексных инвестиционных планов, предусматривающих разделы, посвященные привлечению частных инвестиций.

По итогам 2010 года бюджетом было профинансировано мероприятий на 22,7 млрд руб., в том числе 2 млрд руб. на поддержку малого и среднего бизнеса (7,4 % общего объема средств федерального бюджета, направленных на поддержку моногородов). Результатом стало создание в том же году более 300 тыс. временных рабочих мест. В 183 моногородах в этот период уровень безработицы не превышал среднероссийский уровень (Ильина, 2013, с. 71, 73).

Исследования, проведенные в данный период в отдельных моногородах, позволили их авторам сделать следующие выводы:

– роль малого бизнеса в формировании основных социально-экономических показателей моногородов (совокупном обороте продукции (работ, услуг), объеме налоговых поступлений в местный бюджет) невелика;

– главное положительное отличие отраслевой структуры малого бизнеса моногородов от сложившейся в целом по стране заключается в более высокой доле обрабатывающей промышленности за счет снижения удельного веса торговли и общественного питания;

– промежуточные итоги реализации программ поддержки малого предпринимательства в моногородах показали отсутствие активной позиции органов местного самоуправления в части развития малого бизнеса и не высокую востребованность государственной и муниципальной поддержки предпринимательства населением (Ильина, 2013, с. 91–94).

Таким образом, краткосрочные задачи антикризисной государственной поддержки моногородов, в том числе по созданию новых рабочих мест за счет малого бизнеса, были достигнуты. При этом не были сформированы долгосрочные условия для реструктуризации и дальнейшего стабильного развития экономики монопрофильных муниципальных образований на основе частного предпринимательства и с учетом накопленного потенциала развития территории. Вывод подтверждается показателями комплексного мониторинга социально-экономического состояния моногородов в Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Данные комплексного мониторинга социально-экономического положения моногородов РФ (2013 – 2015 гг.) / Comprehensive monitoring data of social economic status of single-industry towns of the Russian Federation (2013–2015)

Показатель	2013	2014	2015
Число моногородов-участников мониторинга, ед.	342	313	319
Численность населения, млн чел.	15,7	13,5	13,6
Численность занятого населения, млн чел.	7,4	5,8	5,8
Численность безработных граждан в моногородах, зарегистрированных в органах службы занятости, тыс. чел.	95,1	102,6	125,2
Количество городов, в которых уровень регистрируемой безработицы превысил среднероссийский показатель	158	173	206
Количество городов, в которых уровень регистрируемой безработицы превысил среднероссийский показатель в два и более раза	59	66	84
Доля занятых на градообразующих предприятиях, %	17,6	16,7	16,5
Доля занятых в сфере малого и среднего бизнеса, %	20,3	25,9	27,3
Количество новых рабочих мест, созданных за счет реализации муниципальных программ развития малого и среднего предпринимательства, тыс. ед.	20	2,2	Данные не опубликованы

Источник: составлено автором по информации, представленной на официальном сайте Правительства РФ в разделе «Моногорода».

На фоне сокращения количества муниципальных образований, отнесенных к моногородам, и численности их населения мы видим рост числа зарегистрированных безработных и населенных пунктов, в которых уровень безработицы превышает средний по стране показатель. Уровень безработицы в моногородах вырос в 2015 году почти на 20 % (при росте среднероссийского показателя на 10 %). При этом необходимо отметить положительную тенденцию роста доли занятых в сфере малого и среднего бизнеса, что очевидно связано с мероприятиями по поддержке муниципальных программ развития предпринимательства, в рамках которых в 2014 году субсидии из федерального бюджета были предоставлены 49 моногородам в 13 субъектах РФ на общую сумму 301,2 млн руб. Это позволило поддержать 2,6 тыс. субъектов малого и среднего предпринимательства, создать 2,2 тыс. рабочих места и сохранить 8,5 тыс. рабочих мест[6]. Однако рост количества рабочих мест, созданных за счет реализации муниципальных программ развития малого и среднего предпринимательства, в 2015 году замедлился. Поскольку статистическая отчетность по деятельности субъектов малого

[6] *О мониторинге* социально-экономического положения в моногородах (14.03.2015 г.) [Электронный ресурс]: офиц. сайт Правительства Рос. Федерации. URL: http://government.ru/orders/selection/405/17276/ (дата обращения: 19.02.2017).

предпринимательства на уровне моногородов не составляется[7], более детально проанализировать динамику показателей собственного производства и отраслевой структуры в настоящее время невозможно.

Принятие в 2014 году Комплекса мероприятий по повышению инвестиционной привлекательности монопрофильных муниципальных образований[8], создание специализированной организации – Фонда развития моногородов, отнесение Советом при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам направления «Моногорода» к числу основных, разработка в 2016 году Единого перечня мер поддержки монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации – все это ранее позволило автору (Дмитриева, 2016) сделать вывод о переориентации деятельности Правительства РФ с антикризисных мер на комплексный подход к модернизации, обеспечению стабильного, а в ряде случаев опережающего развития моногородов. Определение приоритетных направлений политики модернизации завершилось принятием приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» на 2016–2025 годы (рис. 2)[9].



Рис. 2. Цели и задачи приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» / Fig.2. Purposes and tasks of a priority program "Comprehensive Development of Single-Industry Towns"

Ключевая цель программы «Комплексное развитие моногородов» – снизить зависимость моногородов от работы градообразующих предприятий, создав к концу 2018 года 230 тыс. новых рабочих мест, не связанных с градообразующим комплексом. В результате реализации программы к 2019 году число монопрофильных муниципальных образований должно сократиться на 18 городов.

Перечень моногородов сформирован в соответствии с критериями отнесения муниципальных образований к монопрофильным с учетом трех категорий в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического

[7] В перечень показателей социально-экономического развития монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации, внесенных в раздел I Федерального плана статистических работ (утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 02.02.2017 г. № 170-р), показатели, характеризующие деятельность малого бизнеса, не включены.

[8] *Комплекс* мероприятий по повышению инвестиционной привлекательности территорий монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) [Электронный ресурс]: утв. Председателем Правительства Рос. Федерации 04.09.2014 г. URL: http://government.ru/media/files/vEyuWZLKJPk.pdf (дата обращения: 14.02.2016).

[9] *Комплексное* развитие моногородов [Электронный ресурс]: паспорт приоритетной программы; утв. президиумом Совета при Президенте Рос. Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 30.11.2016 г. № 11). URL: http://government.ru/media/files/hZyhI428KMh69292CtUNqfVPFZF1cTAo.pdf (дата обращения: 01.02. 2017).

положения[10]. Доля моногородов первой категории с наиболее сложным социально-экономическим положением за 2015 год выросла на 6,7 % (рис. 3).

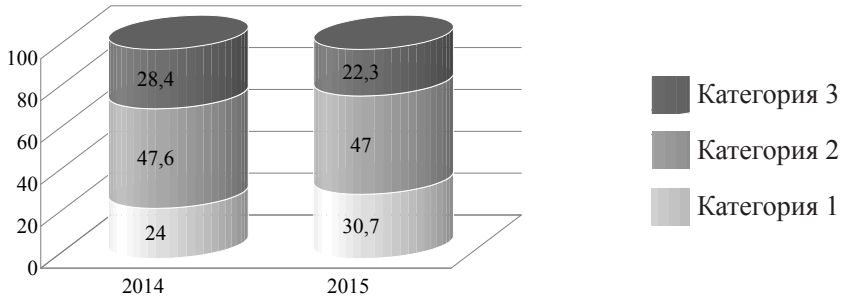


Рис. 3. Структура моногородов Российской Федерации в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения / Fig. 3. Structure of single-industry towns of the Russian Federation in connection with the risks of their social economic deterioration

Источник: составлено автором по нормативным правовым актам Правительства РФ[11].

В соответствии с приоритетной программой «Комплексное развитие моногородов» для всех 319 монопрофильных муниципальных образований предстоит разработать программы развития, включающие, в том числе, меры по модернизации экономики, улучшению городской среды, развитию человеческого капитала. Стратегии комплексного развития российских моногородов на основе диверсификации, демонополизации и кластеризации предполагается реализовывать через механизмы создания территорий опережающего социально-экономического развития (далее – ТОР), инновационных или промышленных кластеров, туристско-рекреационных зон и в условиях государственной поддержки развития моногородов, направленной на формирование благоприятных условий для предпринимательства и инвестирования.

Механизм создания ТОР[12] разработан в целях устойчивого и инновационного социально-экономического развития монопрофильных муниципальных

[10] *О критериях* отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 29.07.2014 г. № 709. URL: http://government.ru/media/files/41d4f68f6a0c7889b0a7.pdf (дата обращения: 15.02.2017); *Об утверждении* перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов): распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29.07.2014 г. № 1398-р. URL: http://government.ru/docs/14051/ (дата обращения: 15.02.2017).

[11] См.: *Об утверждении* перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации…; *О внесении* изменений в перечень моногородов [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 24.11.2015 г. № 2388-р. URL: http://government.ru/docs/20887/ (дата обращения: 24.01.2017).

[12] *Об особенностях* создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 22.06.2015 г. № 614. URL: http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm (дата обращения: 11.02.2017).

образований путем привлечения инвестиций и создания новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующих организаций, и формирования условий для отнесения моногородов к моногородам со стабильной социально-экономической ситуацией[13]. Планируется создание ТОР в 100 моногородах (на 1 февраля 2017 года создано 11 ТОР).

Статус территории опережающего социально-экономического развития предоставляется моногороду на 10 лет, имеется возможность его продления еще на 5 лет и предусматриваются значительные налоговые послабления и преференции. Льготы и преференции распространяются на резидентов ТОР, которыми признаются юридические лица (в том числе субъекты малого предпринимательства), заключившие соглашение об осуществлении деятельности на территории опережающего социально-экономического развития и зарегистрированные в установленном порядке в реестре резидентов. Основанием для получения статуса резидента является разработка инвестиционного проекта[14].

Путь инновационного развития возможен для городов, располагающих сетью научно-исследовательских институтов, лабораторий, высших учебных заведений и современных производств, т.е. имеющих достаточно высокий инновационный потенциал. Это позволяет активно создавать инновационные кластеры принципиально новых высокотехнологичных отраслей. В разработке и апробации инновационных технологий, создании новых продуктов или организации импортозамещающих производств ведущая роль принадлежит малым инновационным компаниям. Значительное влияние на их развитие оказывают бизнес-инкубаторы, технопарки, центры реинжиниринга и другие объекты инфраструктуры государственной поддержки (Гусева и Амелькина, 2016), которые предстоит создать в моногороде.

Адаптация к внешней среде необходима старопромышленным моногородам. Развитие в данном случае осуществляется через поиск крупных инвесторов для «основных» производств и создание вокруг них группы малых предприятий, занимающихся перепрофилированием высвобождающихся производственных мощностей и аутсортингом. При этом оба направления – инновационный путь и адаптация к внешней среде – поддерживаются активным становлением сферы услуг, призванной обеспечить модернизацию муниципального хозяйства, улучшение городской среды, повышение качества жизни, что невозможно без участия малого бизнеса.

Создание туристско-рекреационных зон для развития индустрии туризма, гостеприимства и развлечений предполагает сохранение производства только в рамках развития выбранной специализации (пищевая промышленность, производство сувенирной продукции и т.д.). Механизм создания и функционирования туристско-рекреационных зон обеспечивается сектором малого предпринимательства.

---

[13] *О территориях* опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ. URL: http://base.garant.ru/70831204/ (дата обращения: 01.02.2017).

[14] Требования к инвестиционным проектам устанавливаются постановлением Правительства Рос. Федерации от 22.06.2015 г. № 614.

ОБСУЖДЕНИЕ

Развитие малого бизнеса в моногородах сдерживает ряд факторов. Приведем их в порядке значимости:

– минимальная предпринимательская активность населения, обусловленная влиянием поколений, ориентированных на наемный труд на градообразующем предприятии;

– дефицит квалифицированных кадров, формируемый их старением, с одной стороны, миграцией молодежи в экономически развитые города и регионы, с другой стороны, а также связанный с ограниченными условиями для обучения и повышения квалификации необходимых малому бизнесу специалистов;

– как правило, низкая транспортная доступность и плохие дороги в населенных пунктах, ограничивающие доступность ресурсов и выход на потребителя;

– отсутствие прямого доступа (ограниченный доступ) к кредитным ресурсам банков, ресурсам и услугам институтов развития, услугам государственных органов;

– ограниченность местного рынка и низкая платежеспособность потребителей (покупателей) товаров и услуг.

Мероприятия приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» в области развития малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) во многом направлены на преодоление сдерживающего влияния перечисленных факторов, в частности предусмотрено:

– разработка к 2018 году и реализация муниципальных программ поддержки МСП не менее чем в 200 моногородах;

– принятие нормативно-правого акта, устанавливающего обязательность направления не менее 10 % общего размера средств программы поддержки МСП, реализуемой Минэкономразвития России, на реализацию мероприятий в сфере развития МСП в моногородах;

– информирование к концу 2018 года администраций и субъектов МСП всех 319 моногородов о продуктовой линейке участников Национальной гарантийной системы;

– обеспечение доступа МСП к сервисам, предоставляемым АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» через портал Бизнес-навигатора МСП;

– обеспечение доступа предпринимателей (в том числе дистанционно) из всех моногородов к услугам созданных Центров оказания услуг малому предпринимательству (сквозное мероприятие приоритетного направления «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»);

– оказание 905 субъектам МСП кредитной поддержки в моногородах с использованием гарантий и поручительств в рамках Национальной гарантийной системы, а также кредитов субъектам СМП, предоставленных АО «МСП Банк», за период 2017-2018 гг. (сквозное мероприятие приоритетного направления «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»)[15].

[15] *Комплексное* развитие моногородов….

В рамках последнего мероприятия, в частности, осуществляется поддержка субъектов МСП, находящихся на территории моногородов I категории и реализующих инвестиционные проекты в любых отраслях и видах деятельности стоимостью более 250 млн руб.

В 2016 году специальным кредитным продуктом АО «МСП Банк», реализуемым совместно с Минэкономразвития России и Банком России, стала программа стимулирования кредитования «Шесть с половиной». Условия программы фиксируют процентную ставку по кредитам в сумме не менее 10 млн руб. для субъектов малого бизнеса на уровне 10,6 % годовых. Кредитные организации – участники программы получают возможность рефинансирования в Банке России по ставке 6,5 % годовых. Срок льготного фондирования – 3 года, а следовательно, срок кредитования не может. Кредит предоставляется на пополнение оборотных средств или реализацию инвестиционного проекта[16] субъектам МСП, осуществляющим деятельность в приоритетных отраслях[17].

Таким образом, исследование взаимосвязи институциональных, экономических процессов и условий осуществления малого бизнеса в монопрофильных муниципальных образованиях позволяет определить модели малого предпринимательства (табл. 2), формируемые при реализации различных стратегических решений и в результате государственной поддержки развития моногородов.

В рамках выделенных моделей могут быть предложены следующие общие направления развития и поддержки частной инициативы и малого бизнеса на территории монопрофильного муниципального образования.

1. Поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы. На наш взгляд, деятельность по повышению престижа предпринимательства, демонстрации успешных жизненных стратегий предпринимателей должна иметь продолжительный, системный характер, а в моногородах преимущественно ориентирована на молодое поколение, не имеющее продолжительного опыта работы по найму и выбирающее возможности для самореализации в родном городе.

Возможности в малом бизнесе должны быть созданы местными администрациями и общественностью (реестр городских потребностей для открытия бизнеса, особые условия предоставления пустующих территорий или площадей в бизнес-инкубаторах, конкурсы молодых бизнесменов и т.д.) и поддержаны:

– последовательной системой молодежных грантов и стипендий, обязательным условием которых является создание и успешное развитие собственного дела в моногороде;

– централизованной системой дистанционных семинаров, бизнес-классов, позволяющих получить актуальные знания и информацию для сохранения и развития (перепрофилирование, расширение рынков сбыта)

[16] *Программа* стимулирования кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. URL: http://corpmsp.ru/upload/iblock/d37/Программа%2065%2023032017.pdf (дата обращения: 15.02.2017).

[17] Сельское хозяйство, предоставление услуг в этой области; обрабатывающее производство, в т.ч. производство пищевых продуктов, первичная и последующая переработка сельско-хозяйственных продуктов; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; строительство; транспорт и связь; внутренний туризм; высокотехнологичные проекты; здравоохранение; переработка отходов.

Таблица 2 / Table 2

Модели малого предпринимательства в моногородах Российской Федерации / Models of small entrepreneurship in single-industry towns of the Russian Federation

Возможные стратегические решения	Механизм развития моногорода[18]	Приоритетные виды деятельности и специализация субъектов малого предпринимательства	Решаемые задачи						
			Создание новых рабочих мест, не связанных с градообразующими предприятиями	Создание инновационных технологий и продуктов, организация импортозамещающих производств	Перепрофилирование цехов градообразующего комплекса	Развитие аутсорсинга	Создание комфортных условий проживания населения	Развитие сервисной индустрии	Развитие туризма, индустрии отдыха
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*
Кластеризация	Территории опережающего развития (ТОР): Набережные Челны, Республика Татарстан; Тольятти, Самарская область; Гуково, Ростовская область; Юрга, Кемеровская область и др.	деятельность, определенная инвестиционным проектом, – резиденты ТОР	●	●	●				
		производство товаров и услуг – нерезиденты ТОР	●		●	●	●	●	●
Кластеризация	Туристского-рекреационные зоны[19]: Соль-Илецк, Оренбургская область; моногорода Республики Карелии, Нижегородской области и др.	туризм и гостеприимство	●		●		●	●	●
		народные промыслы и реставрация	●		●			●	●
		экология: рекультивация территорий, переработка отходов	●		●		●		

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*
Демонополизация кластеризация	Наукограды[20] и инновационные кластеры: Меленки, Владимирская область; Зеленогорск, Красноярский край и др.	научные исследования и разработки		●	●	●			
		производство товаров и услуг	●		●	●	●	●	
Демонополизация, диверсификация, кластеризация	Старопромышленные города: Череповец Вологодская область; г. Первоуральск, Свердловская область и др.	производству товаров и услуг для юридических лиц	●	●	●	●			
		производству товаров и услуг для физических лиц	●		●		●	●	
		экология: производства по переработке бытовых и промышленных отходов	●		●	●	●		

[18] За рамки исследования в связи с особыми условиями функционирования вынесены закрытые административно-территориальные образования.

[19] За рамки исследования в связи с особыми условиями функционирования вынесены закрытые административно-территориальные образования.

[20] Моногорода, имеющие высокий научно-технический потенциал, с градообразующим научно-производственным комплексом.

молодежного бизнеса, например, семинары по участию в закупках для обеспечения государственных и муниципальных нужд, новые франшизы и т.д.

2. Сохранение и преумножение человеческого капитала. Представители органов власти в моногородах и регионах их размещения должны осознать, что самым дефицитным, жизненно необходимым для развития территории ресурсом являются человеческий. В связи с этим стратегической целью программ развития монопрофильных муниципальных образованиях должны стать создание максимально благополучной среды для проживания и работы старшего и среднего поколения, наиболее благоприятных условий для саморазвития, самореализации молодежи и ведения ею бизнеса.

3. Развитие взаимодействия исполнительных органов государственной власти и хозяйствующих субъектов в целях реализации отдельных проектов, направленных на решение задач социально-экономического развития регионов или создание (расширение) рынков. В рамках данного взаимодействия государство должно принять на себя ответственность за создание крупных инфраструктурных объектов. Например, повышение транспортной доступности за счет строительства государством дорог или причалов на водных объектах создаст необходимые условия для организации малым бизнесом дорожного сервиса и пассажирских перевозок в целях успешного развития туристско-рекреационных зон.

4. Повышение доступности кредитных ресурсов может быть достигнуто через следующее:

– кредитные продукты для субъектов малого бизнеса (прежде всего, малых инновационных предприятий), действующих на территориях с монопрофильной специализацией, должны разрабатываться с учетом баланса ресурсов и потребностей малого предприятия на всех стадиях жизненного цикла и предполагать льготный период для возврата суммы кредита на стадии возникновения и развития бизнеса;

– адаптация программы стимулирования кредитования «Шесть с половиной» для малого бизнеса моногородов на основе расширения перечня приоритетных отраслей и включения в него инвестиционных проектов в области экологии, рекультивации территорий, переработке промышленных и бытовых отходов, высокотехнологичных услуг населению (в том числе в области здравоохранения), создания объектов индустрии отдыха и развлечений, а также удлинения сроков кредитования.

5. В целях оценки эффективности и оптимизации программ поддержки малого предпринимательства внести в планы статистических работ показатели, характеризующие деятельность малого бизнеса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в условиях восстановления экономического роста национальной экономики малое предпринимательство рассматривается в качестве стратегического фактора, обеспечивающего социально-экономическое развитие страны.

Исходя из особенностей российского малого бизнеса, основными направлениями развития предпринимательства в моногородах являются: системная и последовательная поддержка индивидуальной предпринимательской

инициативы, сохранение и преумножение человеческого капитала, развитие взаимодействия государства и хозяйствующих субъектов в целях реализации отдельных проектов социально-экономического развития регионов, а также повышение доступности кредитных ресурсов.

В результате осуществления государственных мер по комплексной модернизации монопрофильных муниципальных образований и поддержке малого бизнеса в различных сферах и отраслях, в моногородах формируется определенная взаимосвязь между институциональными и экономическими процессами и условиями развития малого предпринимательства. В формируемых моделях задачи, характер взаимодействия территорий с градообразующим предприятием и специализацию малого предпринимательства в значительной степени определяют стратегии развития моноспециализированных муниципальных образований.

Дальнейшее детальное исследование особенностей функционирования формируемых моделей, изучение роли и места в них отдельных организационных форм бизнеса позволит уточнить специфику и адресность поддержки, повысить обоснованность и, следовательно, эффективность осуществляемых и планируемых государственных мер по развитию индивидуальной предпринимательской инициативы и малого бизнеса как стратегического фактора комплексной модернизации монопрофильных муниципальных образований.

Библиографический список

Гусева М. С., Амелькина Д. В. Государственная поддержка малого инновационного предпринимательства в кластере: потребности, ресурсы и возможности // Ars Administrandi. 2016. № 3. С. 66–84.

Гусева М. С., Амелькина Д. В., Дмитриева Е. О. Развитие партнерства государства и малого бизнеса в инновационной сфере региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6 (48). С. 288–307.

Дикинс Д., Фрил М. Предпринимательство и малые фирмы / пер. с англ. А. Б. Раппопорт; науч. ред. П. К. Власов. Харьков: Гуманитарный центр, 2014. 448 с.

Дмитриева Е. О. Государственная поддержка моногородов РФ в условиях восстановления экономического роста // Науковедение: интернет-журн. Т. 9, № 1. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/37EVN117.pdf (дата обращения: 21.02.2017).

Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / Е. Г. Анимица (рук. авт. кол.), В. С. Бочко, Э. В. Пешина, П. Е. Анимица; под науч. ред. А. И. Татаркина, М. В. Федорова. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2010. 81 с.

Манаева И. В., Болтенкова Ю. В. Методические рекомендации по выбору сценария развития моногорода // Проблемы развития территории. 2016. № 6 (86). С. 196–208.

Развитие моногородов России / колл. авт. под ред. И. Н. Ильиной. М.: Изд-во Фин. ун-та, 2013. 168 с.

Решетов К. Ю. Конкурентоспособность малых и средних инновационных предпринимательских структур в России и зарубежный опыт стимулирования инновационного предпринимательства // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2012. № 6. С. 206–209.

Решетов К. Ю. Основные направления развития малого инновационного предпринимательства в России // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2015. 42. С. 311–321.

Ряховская А. Н., Полякова А. Г. Модернизация российских моногородов: стратегические ориентиры институционального реформирования // Эффективное антикризисное управление. 2016. № 4 (97). С. 54–65.

Acs Z. J., Audretsch D. B. Innovation in Large and Small Firms: An empirical analysis // American Economic Review. 1988. Vol. 78, № 4. P. 678–690.

Acs Z. J., Audretsch D. B., Braunerhjelm P., Carlsson B. Growth and entrepreneurship // Small Business Economics. 2012. Vol. 39, № 2. P. 289–300. DOI: 10.1007/s11187-010-9307-2.

Acs Z. J., Braunerhjelm P., Audretsch D. B., Carlsson B. The knowledge spillover theory of entrepreneurship // Small Business Economics. 2009. Vol. 32, № 1. P. 15–30. DOI: 10.1007/s11187-008-9157-3.

Audretsch D. B. New firm survival and the technological regime // Review of Economic and Statistics. 1991. Vol. 73, № 3. P. 441–450.

Audretsch D., Thurik R. Linking Entrepreneurship to Growth [Электронный ресурс] // OECD Science, Technology and Industry Working Papers 2001/2. Paris: OECD, 2001. 34 p. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/science-and-technology/linking-entrepreneurship-to-growth_736170038056#.WO9_b2clGUk#page1 (дата обращения: 01.02.2017).

Baumol W. J. The Free-market innovation machine: Analyzing the growth miracle of capitalism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 336 p.

Birch D. L. Job Creation in America: How our smallest companies put the most people to work. N. Y.: Free Press, 1987. 244 p.

Birch D. L. Who Creates Jobs? // Public Interest. 1989. Vol. 65, № 1. P. 3–14.

Braunerhjelm P. Entrepreneurship, knowledge, and economic growth // Foundations and Trends in Entrepreneurship. 2008. Vol. 4, № 5. P. 451–533. DOI: 10.1561/0300000013.

Cooper A. C. Small Companies can pioneer new products // Harvard Business Review. 1966. Vol. 44, № 5. P. 162–179.

Hudson R. Economic geographies: Circuits, flows and spaces. London: Sage, 2005a. 248 p.

Hudson R. Region and place: Devolved regional government and regional economic success? // Progress in Human Geography. 2005b. Vol. 29, № 5. P. 618–625. DOI: 10.1191/0309132505ph572pr.

Hudson R. Rethinking change in old industrial regions: Reflecting on the experiences of North East England // Environment and Planning A. 2005c. Vol. 37, № 4. P. 581–596. DOI: 10.1068/a36274.

Porter M. The competitive advantage of nations // Harvard Business Review 1990. March–April. P. 71–91.

Reynolds P. D., Miller B., Maki W. R. Regional characteristics affecting business volatility in the United States, 1980–1994 // Small Business Dynamics. International, National and Regional Perspectives / ed. by Ch. Karlsson, B. Johannisson, D. Storey. London: Routledge, 1993. P. 78–114.

Информация об авторе

Дмитриева Елена Олеговна – канд. экон. наук, доц. кафедры региональной экономики и управления ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141

ORCID: 0000-0001-5184-1705
ResearcherID: D-6001-2017
Электронный адрес: dmitr-el@mail.ru

Статья получена 23 февраля 2017 года

UDC 338.24
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-195-216

DEVELOPMENT MODEL OF SMALL BUSINESSES IN SINGLE-INDUSTRY TOWNS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Elena O. Dmitrieva
Samara State University of Economics, 141 Sovetskaya Armiya str., Samara, 443090, Russia
ORCID: 0000-0001-5184-1705
ResearcherID: D-6001-2017
E-mail: dmitr-el@mail.ru

For citation:
Dmitrieva, E. O. (2017), "Development model of small businesses in single-industry towns of the Russian Federation", *Ars Administrandi,* vol. 9, no. 2, pp. 195–216, doi: 10.17072/2218-9173-2017-2-195-216.

Introduction. State program documents aimed to develop mono-profile municipalities recognize small businesses to be the most important source of economic modernization. In this context, there is a need to determine the functioning features of small businesses and to clarify the areas of state support for the entrepreneurial initiatives in implementing various strategies for the development of single-industry towns.

Aims. The aim is to investigate the relationship between institutional, economic processes and the conditions for the implementation of small business, formed by the measures of state support for single-industry towns and small businesses, and the development of proposals aimed to develop entrepreneurial initiatives in single-profile municipalities.

Methods are theoretical research, statistical and system analysis, expert evaluation and modeling.

Results. The paper contains intermediate theoretical and practical results obtained by the author in studying the features of state policy and measures to modernize single-industry towns in the conditions of economic recovery. Based on the systematization of the investigated strategic decisions aimed at diversification, demonopolization and clusterization of the economy of mono-profile municipal entities, it is determined that the strategies for their integrated development can be implemented through the mechanisms for creating territories for outpacing socio-economic development, innovative and industrial clusters, and tourist and recreational zones. Strategic decisions in the development of single-industry towns, to a large extent, determine the tasks, the nature of interaction with the city-forming enterprise and the specialization of small business.

Conclusion. It is alleged that the implementation of state measures for the comprehensive modernization of mono-profile municipal entities and support of small businesses in various spheres and industries result in a certain interconnection of institutional and economic processes and conditions in single-industry cities. The models for the development of small business are defined, which may be in demand when implementing the development strategy for single-industry towns. The main areas of small business development in single-industry towns are proposed as follows: systematic support of the entrepreneurial initiatives and the multiplication of human capital, increasing the availability of credit resources and the development of PPPs for the socio-economic development of regions, and the creation (expansion) of markets.

Key words: small business; monoprofile municipal formations (single-industry towns); diversification; demonopolization; economic clusterization; tourist-recreational zone; state support

References

Guseva, M. S. and Amelkina, D. V. (2016), "State support for small innovative entrepreneurship in the cluster: needs, resources and opportunities", *Ars Administrandi*, no. 3, pp. 66–84.

Guseva, M. S., Amelkina, D. V. and Dmitrieva, E. O. (2016), "The development of partnership between the state and small business in innovation in the region", *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz,* no. 6 (48), pp. 288–307.

Deakins, D. and Freel, M. (2014), *Predprinimatel'stvo i malye firmy* [Entrepreneurship in small firms], eranslated by Rappoport, A. V., Gumanitarnyi tsentr, Kharkov, Ukraine.

Dmitrieva, E. O. (2017), "State support for development of the Russian Federation in the context of recovery of economic growth", *Internet journal* "*Naukovedenie*", no. 6, available at: http://naukovedenie.ru/PDF/37EVN117.pdf (Accessed March 21, 2017).

Animitsa, E. G., Bochko, V. S., Peshina, Je. V. and Animitsa, P. E. (2010), Kontseptual'nye podkhody k razrabotke strategii razvitiya monoprofil'nogo goroda [Conceptual approaches to the development of single-industry town development strategy], USUE publishing house, Yekaterinburg, Russia.

Manaeva, I. V. and Boltenkova, Ju. V. (2016), "Guidelines for the selection of scenarios for the company towns", *Problemy razvitija territorii*, no. 6 (86), pp. 196–208.

Il'ina, I. N. (ed.) (2013), *Razvitie monogorodov Rossii* [The development of single-industry towns of Russia], Publishing house of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Reshetov, K. Yu. (2012), "Competitiveness of small and medium-sized innovative entrepreneurial structures in Russia and foreign experience in stimulating innovative entrepreneurship", *Business in Law*, no. 6, pp. 206–209.

Reshetov, K. Yu. (2015), "The main directions of development of small innovative entrepreneurship in Russia", *Uchenyye zapiski Rossiyskoy akademii predprinimatel'stva*, no. 42, pp. 311–321.

Ryakhovskaya, A. N. and Polyakova, A. G. (2016), "Modernization of Russian single-industry towns: strategic guidelines of institutional reform", *Effective Crisis Management Journal*, no. 4 (97), pp. 54–65.

Acs, Z. J. and Audretsch, D. B. (1988), "Innovation in Large and Small Firms: An Empirical Analysis", *American Economic Review*, vol. 78, no. 4, pp. 678–690.

Acs, Z. J., Audretsch, D. B., Braunerhjelm, P. and Carlsson, B. (2012), "Growth and entrepreneurship", *Small Business Economics,* vol. 39, no. 2, pp. 289–300, doi: 10.1007/s11187-010-9307-2.

Acs, Z. J., Braunerhjelm, P., Audretsch, D. B. and Carlsson, B. (2009), "The knowledge spillover theory of entrepreneurship", *Small Business Economics*, vol. 32, no. 1, pp. 15–30, doi: 10.1007/s11187-008-9157-3.

Audretsch, D. B. (1991), "New firm survival and the technological regime", *Review of Economic and Statistics,* vol. 73, no. 3, pp. 441–450.

Audretsch, D. and Thurik, R. (2001), *Linking entrepreneurship to growth*, in OECD Science, Technology and Industry Working Papers 2001/2, OECD, Paris, France.

Baumol, W. J. (2004), *The Free-market innovation machine: Analyzing the growth miracle of capitalism*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA.

Birch, D. L. (1987), Job Creation in America: How our smallest companies put the most people to work, Free Press, New York, USA.

Birch, D. L. (1989), "Who Creates Jobs?", *Public Interest*, vol. 65, no. 1, pp. 3–14.

Braunerhjelm, P. (2008), "Entrepreneurship, knowledge, and economic growth", *Foundations and Trends in Entrepreneurship*, vol. 4, no. 5, pp. 451–533, doi: 10.1561/0300000013.

Cooper, A. C. (1966), "Small companies can pioneer new products", *Harvard Business Review,* vol. 44, no. 5, pp. 162–179.

Hudson, R. (2005a), *Economic geographies: Circuits, flows and spaces,* Sage, London, UK.

Hudson, R. (2005b), "Region and place: Devolved regional government and regional economic success?", *Progress in Human Geography,* vol. 29, no. 5, pp. 618–625, doi: 10.1191/0309132505ph572pr.

Hudson, R. (2005c), "Rethinking change in old industrial regions: Reflecting on the experiences of North East England", *Environment and Planning A.,* vol. 37, no. 4, pp. 581–596, doi: 10.1068/a36274.

Porter, M. (1990), "The competitive advantage of nations", *Harvard Business Review,* March–April, pp. *71–91.*

Reynolds, P. D., Miller, B. and Maki, W. R. (1993), "Regional characteristics affecting business volatility in the United States, 1980–1994", in Karlsson, Ch., Johannisson, B. and Storey, D. (ed.), *Small Business Dynamics. International, National and Regional Perspectives,* Routledge, London, UK, pp. 78–114.

Received February 23, 2017

УДК 338.24
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-217-236

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА В РАЗВИТИИ ВНУТРЕННЕГО И ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА

М. С. ГУСЕВА
Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Россия

Д. В. АМЕЛЬКИНА
Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Россия

Для цитирования:
Гусева М. С., Амелькина Д. В. Взаимодействие государства и бизнеса в развитии внутреннего и въездного туризма // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Том 9, № 2. С. 217–236. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-217-236.

Введение: в настоящее время в России под влиянием макроэкономических, внешнеполитических факторов и положительного опыта развития государственно-частного партнерства в отдельных отраслях сложились определенные предпосылки для привлечения ресурсов частного сектора в экономику отечественного туризма.

Цель: изучение особенностей взаимодействия государства и бизнеса и определение перспективных направлений развития государственно-частного партнерства в области внутреннего и въездного туризма на региональном уровне.

Методы: системный подход, методы статистического анализа.

Результаты: определены возможные и ожидаемые результаты государственно-частного взаимодействия в области развития туризма для госсектора, региона (туристской дестинации), предпринимательства, населения и туристов. Установлены объективные предпосылки для формирования эффективных форм государственно-частного взаимодействия и партнерства, позволяющих привлечь частные инвестиции в экономику российского туризма.

Выявлены проблемы национальной туристской отрасли, обозначены основные направления и формы взаимодействия государства и бизнеса, обеспечивающего развитие внутреннего и въездного туризма в России. Определены факторы, ограничивающие развитие государственно-частное партнерство в туристской сфере и препятствующие развитию особых экономических зон туристско-рекреационного типа.

На основе опыта Самарской области выделены группы проектов, направленных на создание туристско-рекреационных комплексов и обеспечивающих развитие туризма в регионе. Выявлены перспективные направления для государственно-частного партнерства в сфере туризма: совместные проекты экологического и природоохранного содержания; привлечение частных партнеров для реставрации, восстановления, содержания и включения в туристские дестинации памятников культуры регионального значения; разработка и реализация крупных инвестиционных проектов в области развлечений.

Выводы: развитие государственно-частного партнерства в туристской сфере ограничивается: дефицитом бюджетных средств на реализацию запланированных проектов; преобладающей долей бюджетного финансирования в реализуемых проектах; значительными репутационными потерями для государства и утратой капиталов для бизнеса в случае отказа от проекта; отсутствием организационно-экономического механизма участия населения в проектах; ориентацией государства на партнерство с крупным бизнесом в масштабных проектах, при преимущественной доле сектора малого предпринимательства в туристской отрасли.

Дальнейшее развитие государственно-частного партнерства в сфере возможно на основе совершенствования законодательства, обеспечивающего закрепление

© Гусева М. С., Амелькина Д. В., 2017

в соответствующих нормативно-правовых актах форм государственно-частного партнерства в туризме, внедрения проектных методов управления, повышения эффективности деятельности институтов развития и квалификации специалистов, поддержки малого и среднего бизнеса и индивидуальных инвесторов.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; внутренний и въездной туризм; концессия; соглашение о государственно-частном партнерстве; инвестиционный проект; регион

ВВЕДЕНИЕ

В условиях высокой мировой конкуренции взаимодействие государства и бизнеса становится одним из важнейших факторов, влияющих на развитие национального туризма и дестинаций, повышение конкурентоспособности туристской отрасли и предлагаемого продукта. При этом государственно-частное партнерство (далее – ГЧП), обеспечивающее привлечение частных инвестиций в реализацию отраслевых проектов, определяет результативность и эффективность данного взаимодействия.

В настоящее время в России со стороны органов государственной власти, бизнеса и общественности пристальное внимание уделяется туризму. С развитием туристской индустрии в Российской Федерации связывают перспективы экономического роста, решения социальных проблем, повышения качества жизни населения, развития регионов, воспитания патриотизма и улучшения имиджа страны.

До 2014 года российская туристская отрасль развивалась в условиях повышенной конкуренции со стороны иностранных поставщиков туристских услуг. В настоящее время, благодаря внешнеполитическим и макроэкономическим факторам, туризм получил дополнительные возможности для роста и успешного конкурирования как на внутреннем, так и на внешнем туристском рынке. Необходимым условием успешной реализации данных возможностей является активное взаимодействие власти и бизнеса, в том числе на основе механизма ГЧП (Zapata and Hall, 2012; Chaperon, 2017).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблемы развития туризма, туристкой отрасли являются актуальными во многих странах мира и становятся предметом научных исследований (Schubert and Brida, 2009; Petrescu, 2012; Bogan and Cândea, 2013; Dedu, 2013; Dorobantu et al., 2013; Hjalager and Johansen, 2013; Hyytiä and Kola, 2013; Navrátil et al., 2013). Управлению индустрией туризма России в современных условиях посвящены работы А. Д. Чудновского, М. А. Жуковой (Чудновский и Жукова, 2015), Е. Л. Писаревского (Писаревский, 2014). Е. А. Джанджугазова, Л. И. Черникова, Г. Р. Фаизова (Джанджугазова и др., 2016) исследуют роль туризма в региональном развитии, В. С. Боголюбовым (Боголюбов, 2009) изучаются проблемы инвестиций в развитие туризма.

В работах Г. А. Борщевского (Борщевский, 2016), В. Г. Варнавского (Варнавский, 2012), В. А. Кабашкина (Кабашкин, 2010) отражаются аспекты организации ГЧП, проблемы совершенствования этого механизма, а также анализируется мировой

опыт партнерского взаимодействия власти и бизнеса. Большое количество исследований посвящено ГЧП в инновационной и социальной сферах, а также развитию ЖКХ и транспортной инфраструктуры на основе государственно-частных и муниципально-частных проектов. Однако вопросы привлечения ресурсов бизнеса через ГЧП в туристскую отрасль, региональные аспекты партнерства публичной и частной сфер в туризме остаются малоизученными, в том числе и в связи с отсутствием широкой практики.

Самарская область имеет успешный, достойный исследований и тиражирования опыт использования ГЧП для решения социальных задач в регионе. В то же время в условиях снижения объемов бюджетного финансирования Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» (далее – ФЦП) и необходимости создания туристско-рекреационных кластеров при подготовке к чемпионату мира по футболу весьма актуальной для Самарской области становится ГЧП в туризме.

Под ГЧП понимают механизм взаимодействия между публичным и частным партнерами, основанный на взаимовыгодном сотрудничестве при использовании ресурсов и распределении рисков, регулируемый законодательством, заключенным соглашением и направленный на реализацию отдельных функций, закрепленных за публичным партнером (Борщевский, 2016; Гусева и др., 2016; Дедусенко, 2016; Кабашкин, 2010; Лосев, 2016). Сущность проектов ГЧП заключается в передаче функций публичного сектора по строительству, реконструкции, модернизации, обслуживанию и эксплуатации объектов инфраструктуры частному сектору.

Основными сферами применения ГЧП в зарубежных странах являются транспортная инфраструктура, социальная сфера, программы устойчивого развития и охраны окружающей среды, спорт, туризм (Айрапетян, 2009; Варнавский, 2012; Кабашкин, 2010; Тумашова и Копытина, 2016). До 80 % всех партнерских договоров, заключенных между государством и частным бизнесом, приходится на долю концессий (Сафронова и Чеховская, 2016, с. 81).

При этом необходимо отметить, что в большинстве развитых и успешно развивающихся стран индустрия туризма, развлечений и гостеприимства является сферой активного взаимодействия государства и бизнеса и выходит за рамки отдельных инвестиционных проектов. Самые яркие примеры – парижский Диснейлэнд, обеспечивающий экономический рост всей восточной части парижского пригорода, или турецкие курортные комплексы в Белеке и Южной Анталии. Взаимодействие развивается в следующих основных областях: развитие инфраструктуры обеспечивающих отраслей, территориальный маркетинг и менеджмент направления (дестинации), планирование и поддержка проектов развития региона, создание благоприятных условия для развития бизнеса и поддержка местных предпринимателей сферы гостеприимства и туризма, отраслевые исследования и разработка продукта, подготовка отраслевых кадров, совместное управление охраняемыми зонами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В развитии отрасли туризма государство, прежде всего, отвечает за создание среды, благоприятной для эффективного развития туризма:

– сохранение культурного наследия и экологических систем;
– разработка отраслевого законодательства;
– создание и поддержание в должном качестве транспортной и дорожной инфраструктуры (дороги, общественный транспорт, парковки для туристских автобусов, туристские информационные центры, система указателей и т.п.) (Дорожков и Купчинская, 2016, с. 22).

Кроме того, необходимо отметить еще два обстоятельства. Первое, во всем мире сфера туризма и гостеприимства представлена преимущественно малым и средним частным бизнесом. Государство, участвуя в государственно-частных проектах в сфере туризма, прямо и косвенно поддерживает инвесторов, формирует благоприятную инвестиционную и бизнес-среду. При качественной и всецелой реализации государством данных функций создаются предпосылки для развития бизнеса, строительства и успешного функционирования отелей и ресторанов, объектов индустрии развлечений, создания и продвижения турпродуктов, роста числа занятых в отрасли.

Второе, туризм – один из важнейших факторов, формирующих имидж страны, вследствие чего появляются предпосылки для повышения доверия к ней, укрепления позиций государства на международном уровне, роста инвестиционной привлекательности национальной экономики. Туризм может стать частью концепции национального брендинга (Василенко, 2014), а продвижение страны в качестве направления для безопасного и комфортного отдыха на международном уровне – важнейшей функцией государства, направленной на развитие национальной туристской отрасли.

Результаты взаимодействия публичной и частной сфер в индустрии туризма и гостеприимства можно представить в виде схемы (рис.).

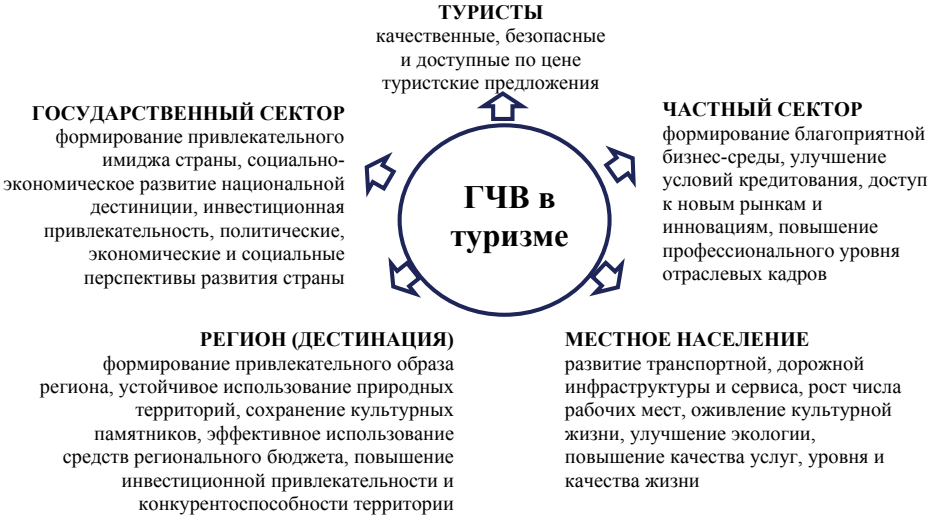


Рис. Возможные результаты государственно-частного взаимодействия в развитии индустрии туризма, развлечений и гостеприимства / Fig. Possible results of public-private partnerships in the development of tourism, entertainment and hospitality industries

Источник: составлено авторами.

Наиболее проработанной в российском законодательстве формой ГЧП являются концессионные соглашения[1] и соглашения о ГЧП[2]. По мере развития федеральной нормативной базы и практики применения ГЧП перечень используемых форм расширяется и приобретает определенную отраслевую специализацию (специальный инвестиционный проект для ряда отраслей промышленности, контракт жизненного цикла в сфере государственных закупок и т.д.).

Особенностью финансирования российских проектов ГЧП является ведущая роль государства и невысокая доля привлекаемых частных вложений: отношение объема частных инвестиций в инфраструктуру в проектах ГЧП к номинальному ВВП России составляет 0,89 %. Для сравнения: в Индии – 9,47 %, в Бразилии – 18,89 %[3].

В числе реализуемых проектов ГЧП в Российской Федерации: федерального уровня – 15 проектов, регионального уровня – 191 проект, муниципального уровня – более 1100 проектов. Постепенно складывается круг субъектов РФ, которые все более уверенно используют у себя разнообразные формы ГЧП, интегрируясь в систему программно-целевого управления и проектного финансирования. В их числе Москва, Санкт-Петербург, Самарская область (2015 год)[4].

По данным Центра развития ГЧП на 1 января 2016 года в стране зарегистрировано более 1300 проектов, по которым принято решение о реализации, стадию коммерческого закрытия прошли 873 проекта[5]. Из них 172 проекта ГЧП в социальной инфраструктуре, 626 – коммунальной инфраструктуре, 47 – в транспортной инфраструктуре, 28 – в энергетической инфраструктуре.

По данным председателя правления Ассоциации «Центр развития ГЧП» П. Л. Селезнева[6] на 1 января 2017 года в Российской Федерации реализуются 15 проектов в сфере туризма. Среди основных проблем эксперты центра отмечают следующие:

– невыполнение и частными, и публичными субъектами обязательств по софинансированию программ;

– дефицит финансовых ресурсов и сокращение финансирования ФЦП после введения санкций против России в 2014 году;

---

[1] См.: *О концессионных* соглашениях [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 21.07.2005 г. № 115-ФЗ. URL: http://base.garant.ru/12141176/#ixzz4kpbK4gb8 (дата обращения: 10.01.2017).

[2] См.: *О государственно-частном* партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ. URL: http://base.garant.ru/71129190/#ixzz4kphYXjSB (дата обращения: 10.01.2017).

[3] *Исследование* «Развитие государственно-частного партнерства в России в 2015–2016 годах. Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП» [Электронный ресурс] / Ассоциация «Центр развития ГЧП», Министерство экономического развития Российской Федерации. М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2016. С. 9. URL: http://pppcenter.ru/assets/docs/raytingREG2016_B5_Block_04-04-2016.pdf (дата обращения: 15.01.2017).

[4] Там же. С. 22.

[5] Там же. С. 6–7.

[6] *Гайдаровский* форум – 2017. Менеджмент туристических кластеров, 2 часть (14.01.2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://gaidarforum.ru/about/mediamaterials/video/14-yanvary/#lg=1&slide=7 (дата обращения: 16.01.2017).

– отсутствие предпроектного финансирования;

– недостаток инвесторов, что приводит к медленным темпам строительства туристской инфраструктуры, а также недостаток девелоперов и операторов, специализирующихся на строительстве и эксплуатации объектов индустрии туризма, гостеприимства и развлечений.

Результаты развития российского туризма в 2014–2015 годах, в том числе с учетом влияния макроэкономических и внешнеполитических факторов, можно охарактеризовать следующими показателями (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Динамика основных показателей развития туризма в России, 2014–2015 годы / Changes of the key tourism development indicators in Russia, 2014–2015

Показатель	2014	2015	Изменение, %
Объем платных туристских услуг, включая услуги гостиниц и аналогичных средств размещения, млн руб.	323250	347242	+7,4 %
Число коллективных средств размещения, ед.	15 590	20 136	+29,2 %
Число выездных туристских поездок, тыс.	42 921	34 390	-19,9 %
Число въездных туристских поездок, тыс.	25 438	26 852	+5,6 %
Число внутренних туристских поездок, млн	42	50	+18,0 %

Источник: официальный сайт Ростуризма.

По оперативным данным ассоциации туроператоров России (АТОР)[7] в 2016 году рост въездного потока составил 6 %, внутреннего туризма – 15 %. Сокращение организованного выездного турпотока достигло 20 %.

Таким образом, физические объемы туристских потоков растут быстрее, чем доходы отрасли. Недостаток качественных предложений и услуг приводит к тому, что доля отрасли в российском ВПП уже несколько лет составляет около 1,5 % (1,6 % – 2016 год, 1,5 % – 2015 год, 1,3 % – 2012 год, 1,4 % – 2010 год). В странах с развитой туристской системой вклад туризма составляет не менее 10 % ВВП[8].

Главными проблемами в развитии отрасли въездного и внутреннего туризма являются:

– сложная внешнеполитическая обстановка, попытки зарубежных СМИ ухудшить имидж России, сложная и длительная процедура оформления российских виз для большинства стран;

– слабый маркетинг внутри страны, недостаточное продвижение российского туризма на мировом рынке;

– неразвитая инфраструктура и низкий уровень сервиса, несоответствие стоимости услуг их качеству, рост стоимости размещения в основных городах пребывания туристов;

[7] *Туристическая* отрасль России: итоги 2016 года и перспективы на 2017 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.atorus.ru/news/press-centre/new/37897.html (дата обращения: 14.01.2017).

[8] *Мировой* атлас данных. Общий вклад туризма в ВВП [Электронный ресурс]. URL: http://knoema.ru/atlas (дата обращения: 09.01.2017).

– неразвитость внутренней системы перевозок, низкая транспортная доступность регионов, высокая доля транспортной составляющей в стоимости поездки;

– недостаток квалифицированных кадров[9].

Оценивая уровень конкурентоспособности отечественного туристского продукта в регионах (Чудновский и Жукова, 2015), можно отметить, что текущее состояние транспортной инфраструктуры, гостиничной базы и памятников культуры, находящихся в ведении региональных властей, является основной проблемой, препятствующей широкому созданию востребованных, высококачественных и конкурентных по цене российских туристских предложений. Для их создания необходима не только развитая дорожная сеть и транспортная инфраструктура внутри регионов, но и транспортная доступность российских территорий, обеспечивающая высокий уровень комфортности и приемлемую стоимость путешествия. Качество дорожной и транспортной инфраструктуры в регионе дает толчок развитию индустрии гостеприимства. В настоящее время в связи с высокой неопределенностью отраслевых перспектив развития, длительностью окупаемости и недостатком отраслевых операторов инвесторы, ориентированные на вложение средств в коммерческую недвижимость, рассматривают гостиничную сферу в последнюю очередь. Успешный опыт привлечения частных инвестиций в реставрацию и сохранение памятников культуры в Российской Федерации и ее регионах фактически отсутствует.

Необходим принципиальный рывок в решении проблем отрасли, который может быть обеспечен совместными усилиями публичной и частной сферы. В настоящее время в России существует целый ряд объективных предпосылок для формирования эффективных форм государственно-частного взаимодействия и партнерства, позволяющих привлечь частные инвестиции в экономику туризма:

– переориентация выездных туристских потоков на внутренние в условиях экономического и внешнеполитического кризиса и снижение уровня безопасности путешествий в отдельные регионы;

– формирование в стране новых особых экономических туристско-рекреационных зон и комплексов, реконструкция существующей рекреационной инфраструктуры на уровне требований мировых стандартов;

– создание системы научного и кадрового сопровождения развития индустрии туризма в России;

– развитие малого и среднего бизнеса, обеспечивающего функционирование индустрии туризма и гостеприимства;

– осознание необходимости развития туризма и отдыха органами законодательной и исполнительной власти всех уровней, а также понимание того, что создать и реализовать потенциал отрасли без взаимодействия и взаимопомощи публичной и частной сферы нельзя.

С 2011 года Российская Федерация взяла курс на развитие внутреннего и въездного туризма на основе широкого взаимодействия государства и бизнеса, призванного обеспечить:

[9] *Туристическая* отрасль России…

– импортозамещение популярных зарубежных направлений отечественными, создание востребованного национального турпродукта, конкурентного по цене и предлагаемому сервису на внутреннем и мировом рынке;

– расширение географии российского туризма, преодоление диспропорций в социально-экономическом развитии российских регионов через развитие туристской отрасли на основе создания новых особых экономических туристско-рекреационных зон, туристских кластеров и комплексов;

– опережающую модернизацию и реконструкцию имеющейся, создание новой самой современной рекреационной и туристкой инфраструктуры, обеспечивающей предоставление туристских и сервисных услуг, соответствующих растущим требованиям мировых стандартов устойчивого туризма;

– создание обеспечивающей инфраструктуры, способствующей повышению транспортной доступности и качества пребывания в российских регионах;

– создание многоуровневой системы профессионального обучения, научного и кадрового сопровождения развития индустрии туризма и гостеприимства России;

– создание условий для развития основы индустрии туризма и гостеприимства – малого и среднего бизнеса и системы его прямой поддержки.

В 2014 году была принята Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года. В качестве основного механизма ее реализации рассматривается государственно-частное партнерство как наиболее перспективный способ объединения усилий органов государственной власти и частного бизнеса с целью создания объектов туристской инфраструктуры и, что не менее важно, развития транспортной и дорожной инфраструктуры, обустройства дорог. В основе Стратегии лежит создание федеральных особых экономических зон туристско-рекреационного типа (далее – ОЭЗ ТРТ) – масштабных федеральных проектов, направленных на развитие регионов путем привлечения инвестиций, управленческих, научных и производственных технологий. Всего создается 15 ОЭЗ ТРТ[10].

К причинам, препятствующим развитию ОЭЗ ТРТ, следует отнести следующие:

1. Недостаточный объем финансирования. В связи с неблагоприятными внешними условиями почти в 2 раза сокращен объем финансирования строительства инфраструктуры ОЭЗ ТРТ.

2. Недостаток квалифицированных специалистов, в том числе владеющих экологическими требованиями и нормами.

3. Высокая степень бюрократии. Медлительность федеральных властей в решении вопросов функционирования ОЭЗ ТРТ. Наиболее успешно они развиваются в регионах, власти которых проявляли максимальную инициативу, постоянно подталкивая центр к более активным действиям.

4. В то же время именно на местах при реализации проектов отмечены крупнейшие финансовые нарушения и высокая коррупционная составляю-

[10] *Особые* экономические зоны. Туристско-рекреационные зоны [Электронный ресурс]: офиц. сайт Минэкономразвития России. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/sez/main/zone03/indexdocs (дата обращения: 08.01.2017).

щая (проявляется заинтересованность в освоении бюджетных средств, но не в обеспечении прибыльного функционирования создаваемых объектов).

5. Плохая информированность инвесторов, особенно иностранных, о возможностях отечественных ОЭЗ ТРТ.

ФЦП наиболее эффективным и действенным способом решения сформулированных задач в сфере туризма признает механизм государственно-частного партнерства. Структурно-функциональными элементами ФЦП являются туристско-рекреационные и автотуристские кластеры, обеспечивающие интенсивный прирост внутреннего и въездного туристских потоков, а также оказывающие мультипликативный эффект на развитие сферы сопутствующих услуг и смежных отраслей национальной экономики. Создаваемые в рамках ФЦП кластеры представляют собой укрупненный инвестиционный проект, включающий ряд функционально, организационно и финансово взаимосвязанных проектов по отдельным объектам капитального строительства в туристской сфере.

ОБСУЖДЕНИЕ

Реализация ряда укрупненных инвестиционных проектов в туризме предполагается и осуществляется на территории Самарской области. Это один из экономически и индустриально развитых субъектов РФ, в то же время имеющий проблемы в социальной сфере, сохранении и развитии рекреационного потенциала территории. Для решения социальных задач в регионе в последние годы активно используются возможности ГЧП.

По результатам 2015 года Самарская область в качестве публичного партнера ГЧП занимает 3-е место в рейтинге регионов РФ по развитию ГЧП. В настоящее время уровень развития ГЧП в области составляет 59,6 %[11] при среднероссийском значении показателя 35,9 %. Создана региональная нормативная база ГЧП[12], сформирована структура, отвечающая за развитие взаимодействия власти и бизнеса – Управление проектов государственно-частного партнерства, разработаны типовые схемы реализации проектов и иные методические документы ГЧП.

По данным Министерства экономического развития, инвестиций и торговли Самарской области в регионе ведется работа по 39 инвестиционным проектам ГЧП регионального уровня и более 20 муниципально-частным проектам.

На 1 января 2017 года на стадии реализации находятся 15 проектов: 10 – в сфере здравоохранения (еще два проекта находятся на этапе завершения строительства и начала эксплуатации); 3 – спорта; 1 – транспорта; 1 – туризма. На стадии рассмотрения – 12 проектов, из них: 2 – в сфере здравоохранения, 3 – транспорта, 3 – туризма, 4 – прочее. При этом проекты ГЧП полностью

[11] *Исследование* «Развитие государственно-частного партнерства в России в 2015–2016 годах... С. 22.

[12] См.: *Информационная* карта нормативной правовой базы Самарской области в сфере государственно-частного партнерства [Электронный ресурс]. URL: http://www.investinsamara.ru/invest/public-private_partnerships/info_card/ (дата обращения: 19.12.2016).

профинансированы за счет внебюджетных источников, что отличает Самарский регион от других субъектов РФ[13]. Наибольший успех достигнут Самарской областью в реализации ГЧП в сфере здравоохранения[14].

Самарская область была признана «одним из самых перспективных туристских регионов страны, имеющих высокий туристский потенциал и проявляющих наибольшую активность в подготовке инвестиционных проектов»[15]. В соответствии с государственной программой Самарской области «Развитие туристско-рекреационного кластера в Самарской области» на 2015–2025 годы наибольшие усилия государственных органов, общественных организаций и бизнеса области направлены на создание конкурентного преимущества в туристской сфере на основе событийного направления. В 2014 и 2015 годах Самарская область по рейтингам национального конкурса «Russian Event Awards» стала регионом – лидером событийного туризма.

В соответствии с указанной государственной программой развитие рекреационного потенциала национального парка «Самарская Лука» и прилегающих территорий предполагается посредством реализации следующих крупных инвестиционных проектов в сфере туризма: туристско-рекреационный комплекс «Жигулевская жемчужина», туристско-рекреационный комплекс «Жигулевский ковчег – Белогорье», туристическая деревня «Новая Рязань».

В рамках подготовки к чемпионату мира по футболу в 2018 году для проведения мероприятий международного уровня создается туристско-рекреационный кластер «Событийная агломерация», включающий 8 коллективных средств размещения, расположенных в радиусе 100 км от строящегося в городском округе Самара стадиона, а также туристско-рекреационный и спортивно-оздоровительный комплекс «Старая Бинарадка» (Красноярский район, с. Старая Бинарадка) и многофункциональный спортивно-выставочный комплекс «SamaraRing» (Волжский район, с. Курумоч). Инструментом выполнения государственной программы признано государственно-частное партнерство.

Мероприятия по подготовке региона к чемпионату мира по футболу осуществляются в соответствии с. Данные о финансировании действующих в регионе программ в сфере туризма (табл. 2) свидетельствуют о сокращении финансирования, прежде всего на поддержку создания и модернизации гостиничной и туристской инфраструктуры.

---

[13] *Статистика* государственного частного партнерства [Электронный ресурс]: офиц. сайт Министерство экономического развития, инвестиций и торговли Самарской области. URL: http://economy.samregion.ru/activity/GCHP/analit_gchp/ (дата обращения: 11.01.2017).

[14] Более существенная доля реализуемых государственно-частных проектов в сфере здравоохранения в России и в Самарской области связана с тем, что в 2014 году в Минздраве России был создан проектный офис ГЧП (Координационный совет по государственно-частному партнерству).

[15] См.: *О федеральной* целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 02.08.2011 г. № 644. URL: http://ivo.garant.ru/#/document/55171986/paragraph/1:1 (дата обращения: 21.12.2016).

Таблица 2 / Table 2

Финансирование из регионального бюджета государственных программ развития Самарской области в сфере туризма в 2015 году, тыс. руб. / Regional budgeting of Samara region development state programs in tourism in 2015, thousand rubles

Показатель	Планируемое финансирование	Фактическое финансирование
Государственная программа Самарской области «Развитие туристско-рекреационного кластера в Самарской области» на 2015–2025 годы		
Обеспечение деятельности департамента туризма Самарской области	6 196,47	6 179,75
Предоставление субсидии ГБУ Самарской области «Туристский информационный центр»	3 285,24	3 285,24
Государственная программа Самарской области «Подготовка к проведению в 2018 году чемпионата мира по футболу»		
Предоставление субсидий юридическим лицам на возмещение процентной ставки по кредитам на создание и модернизацию гостиничной и туристской инфраструктуры и альтернативных средств размещения для клиентских групп и болельщиков	42 940,00	Средства секвестрированы
Создание и поддержка сети информационных центров для туристов и болельщиков	8 900,00	6 733,23

Источник: составлено авторами по отчетам Департамента туризма Самарской области.

В то же время осуществлено строительство и запуск в эксплуатацию нового аэровокзала Международного аэропорта Курумоч, отвечающего требованиям ФИФА. Проект был реализован во взаимодействии Минтранса России, Правительства Самарской области, ГК «Ренова» (ЗАО «УК Аэропорты Регионов») и является примером эффективного государственно-частного партнерства на федеральном уровне.

В области дорожного строительства Самарская область – один самых активных участников приоритетного проекта «Безопасные и качественные дороги», утвержденного президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 21 ноября 2016 года № 10). Плотность автомобильных дорог с асфальтобетонным покрытием в Самарской области составляет 128 км/тыс. км (в среднем по России – 26 км). В рамках приоритетного проекта к концу 2017 года в нормативное состояние будут приведены 48,4 %, к концу 2018 года – 54 % дорог области. За 2017 год из различных источников на реконструкцию и ремонт дорожной сети региона будет привлечено 22–23 млрд руб.[16]

Динамика основных показателей развития туризма в Самарской области (2013–2015 годы) демонстрирует в 2015 году темпы роста туристского потока

[16] См.: *Особые* экономические зоны. Туристско-рекреационные зоны...

ниже федерального уровня и отрицательные темпы роста туристской инфраструктуры (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Динамика основных показателей развития туризма в Самарской области, 2013–2015 годы / Changes of the key tourism development indicators in Samara region, 2013–2015

Показатель	2013	2014	2015		Изменение 2014/2015 гг., %
			план	факт	
Объем внутреннего и въездного туристского потока[17], тыс. чел.	695,8	730,6	723,9	820,9	+12,4
Объем платных туристских услуг, млн. руб.	4537,3	4763,8	4164,9	4486,7	-5,8
Гостиницы и иные коллективные средства размещения, ед.	265	489	269	306	-37,4
Объем налоговых и иных обязательных платежей от сферы туризма в бюджеты всех уровней, млн руб.	402,3	1997,7[18]	2037,6	2266,3	+13,5

Источник: составлено авторами по отчетам Департамента туризма Самарской области.

За 2013–2015 годы объем въездного и внутреннего туризма в Самарской области вырос на 18 % и фактически превысил установленный государственной программой Самарской области «Развитие туристско-рекреационного кластера в Самарской области» на 2015–2025 годы плановый показатель 2023 года. В 2015 году число коллективных средств размещения превысило программный показатель, но только 264 из них имеют действующее свидетельство и прошли классификацию по состоянию на 1 декабря 2016 года, то есть соответствуют фактическому состоянию 2013 года.

На основе анализа действующих федеральных и региональных программ проекты ГЧП, направленные на развитие и поддержку туризма в Самарской области, можно разделить на следующие группы:

– проекты по созданию туристско-рекреационных кластеров в рамках реализации мероприятий ФЦП и государственной программы Самарской области «Развитие туристско-рекреационного кластера в Самарской области» на 2015–2025 годы;

– проекты, осуществляемые в рамках выполнения целевой программы по подготовке к проведению в 2018 году чемпионата мира по футболу;

– проекты, обеспечивающие развитие транспортной инфраструктуры (реконструкция аэропорта – публичный партнер федерального и регионального

[17] Численность размещенных лиц в коллективных средствах размещения на территории Самарской области.

[18] Увеличение показателя обусловлено расширением перечня общероссийского классификатора видов экономической деятельности, включенных в собирательную группировку видов экономической деятельности «Туризм».

уровня), дорожной сети (реконструкция федеральных трасс, городских магистралей, строительство мостовых переходов через Волгу, публичный партнер федерального и регионального уровня) и социальных объектов региона (публичный партнер федерального, регионального и муниципального уровня).

При этом публичный партнер на федеральном уровне инициирует и участвует в реализации крупных инфраструктурных объектов федерального или международного значения, органы региональной и муниципальной власти обеспечивают создание коммунальных, социальных и дорожных инфраструктурных объектов. Частными партнерами являются преимущественно российские инвесторы – представители турбизнеса, индустрии гостеприимства и развлечений. Они обеспечивают создание и функционирование отраслевых объектов размещения, развлечения, питания, при этом в ряде случаев предусмотрено софинансирование (бюджетное и частное) строительства крупных объектов размещения, в том числе в рамках подготовки к чемпионату мира по футболу 2018 года. При создании туристско-рекреационного комплекса «Жигулевский ковчег – Белогорье» для создания номерного фонда привлекаются инвестиции физических лиц.

Кроме того, региональные органы власти, в соответствии с государственной программой Самарской области, принимают на себя обязательства по диверсификации и усилению преимуществ регионального туристского продукта, созданию благоприятных условий для формирования туристско-рекреационного кластера и развития перспективных направлений туризма, продвижению регионального турпродукта на международном и российском уровне, совершенствованию регионального законодательства в сфере туризма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт Самарской области в организации ГЧП позволяет сделать выводы о том, что успешность и степень его развития определяются:

– применением современных проектных технологий в государственном управлении, способствующих повышению его эффективности, в том числе в организации взаимодействия между федеральными отраслевыми министерствами и регионом;

– уровнем сформированности не только федеральной, но и региональной нормативно-правовой и методической базы партнерства, созданием структуры в Правительстве Самарской области, отвечающей за ГЧП;

– наличием эффективных институтов развития ГЧП, в том числе в регионе;

– профессионализмом госслужащих и их готовностью к равноправному сотрудничеству с бизнесом;

– информационной открытостью и благоприятным инвестиционным климатом в регионе для потенциальных инвесторов.

Проблемы развития ГЧП, направленного на развитие туристско-рекреационных кластеров Самарской области, на наш взгляд, обусловлены:

– недостатком региональных бюджетных средств для финансирования государственно-частных и муниципально-частных проектов в туризме, сек-

вестированием федеральных бюджетов в части финансирования программ развития внутреннего и въездного туризма;

– существующим в регионах запросом на малые туристические проекты (на федеральном уровне планируют рассматривать малые проекты стоимостью 3 млрд руб. при фактической средней стоимости реализуемых в регионе проектов не более 1 млрд руб.);

– недостатком инвесторов и практическим отсутствием на региональном уровне отраслевых девелоперов и операторов, способных обеспечить прибыльную деятельность туристских объектов;

– отсутствием в Ростуризме, подведомственном Минкульту России, проектного офиса ГЧП, координирующего взаимодействие федеральных и региональных ведомств по реализации государственно-частных и муниципально-частных проектов в регионах и выполнению ФЦП и государственных программ по туризму в части создания туристско-рекреационных комплексов.

Перспективными направлениями для развития ГЧП в сфере туризма Самарской области считаем:

– совместные проекты экологического и природоохранного содержания, обеспечивающие развитие туризма, сохранение, расширение и устойчивое использование региональной системы особо охраняемых природных территорий;

– привлечение частных партнеров для реставрации, восстановления, содержания и включения в туристские дестинации разрушающихся памятников культуры регионального значения, расположенных как в Самаре, так и на территории области;

– разработка и реализация крупных инвестиционных проектов в области развлечений, например, эксклюзивного парка космической тематики познавательного и патриотического назначения, отражающего инновационные и научные достижения региона – родины российского ракетостроения.

Итак, несмотря на активные действия федеральных и региональных органов власти по развитию ГЧП и наметившиеся успехи во взаимодействии государства и бизнеса для решения важнейших социально-экономических задач, можно выделить факторы, ограничивающие ГЧП в сфере туризма, гостеприимства и развлечений:

– отсутствует возможность прямого переноса зарубежного опыта ГЧП в российские условия, не до конца сформировалась отечественная практика и отсутствует положительный опыт завершенных государственно-частных проектов для анализа и дальнейшего тиражирования;

– политические и экономические санкции приводят к недостатку бюджетных средств на реализацию запланированных проектов, сдерживают инвестиционную активность отечественных и зарубежных частных партнеров;

– преобладающая доля бюджетного финансирования в реализуемых проектах создает условия для неэффективного использования средств и роста коррупционной составляющей;

– отмеченные случаи коррупции и невыполнения публичным партнером обязательств по объемам и срокам финансирования совместных проектов приводят к репутационным потерям для государства и утрате капиталов для бизнеса;

– отсутствует продолжительная практика и положительный опыт ГЧП с малым и средним предпринимательством, составляющим основу индустрии гостеприимства и туризма;

– не разработан организационно-экономический механизм участия населения в проектах развития инфраструктурных объектов сферы туризма, функционирующих на основе ГЧП.

Отмеченные проблемы ограничивают темпы развития туристско-рекреационной отрасли в целом, что, в свою очередь, снижает вклад отрасли в ВВП и ВРП, объем финансовых поступлений в бюджеты всех уровней Российской Федерации.

Дальнейшее развитие ГЧП в туризме возможно на основе:

– совершенствования законодательства, обеспечивающего закрепление в соответствующих нормативно-правовых актах, и отражения в новых отраслевых программных документах условий, механизмов, принципов функционирования и форм ГЧП в сфере туризма;

– создания проектных офисов в Ростуризме и региональных отраслевых ведомствах, которые позволят значительно увеличить число реализуемых инвестиционных проектов в сфере туризме, в т. ч. на основе механизма ГЧП, повысят скоординированность процессов взаимодействия участников партнерства и позволят вести мониторинг проектов;

– повышения эффективности деятельности институтов развития через создание реестра отраслевых девелоперов и операторов на федеральном и региональном уровне;

– поддержки малого и среднего предпринимательства, в том числе на основе повышения доступа к государственным закупкам, инвесторов – физических лиц, в том числе за счет повышения уровня их информированности;

– развития системы профессиональной подготовки и повышения квалификации специалистов в организации проектов ГЧП в сфере туризма.

Предлагаемые мероприятия расширят возможности развития на региональном уровне ГЧП и могут быть использованы органами исполнительной власти в целях повышения эффективности государственного участия в развитии внутреннего и въездного туризма в России.

Библиографический список

Айрапетян М. С. Зарубежный опыт использования государственно-частного партнерства // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 2. С. 35–42.

Боголюбов В. С. Экономическая оценка инвестиций в развитие туризма. М.: Академия, 2009. 272 с.

Борщевский Г. А. Государственно-частное партнерство. М.: Юрайт, 2016. 344 с.

Варнавский В. Г. Управление государственно-частными партнерствами за рубежом // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 2. С. 134–147.

Государственное и муниципальное управление в сфере туризма / коллектив авторов; под общ. ред. Е. Л. Писаревского. М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. 192 с.

Гусева М. С., Амелькина Д. В., Дмитриева Е. О. Развитие партнерства государства и малого бизнеса в инновационной сфере региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6 (48). С. 288–307.

Дедусенко Е. А. Государственно-частное партнерство в туризме // Научный альманах. 2016. № 2-1 (16). С. 143–146.

Джанджугазова Е. А., Черникова Л. И., Фаизова Г. Р. Туризм и региональное развитие в условиях новых российских реалий. М.: Русайнс, 2016. 146 с.

Дорожков Н. Д., Купчинская Ю. А. Развитие государственно-частного партнерства в сфере туризма // Бизнес-образование в экономике знаний. 2016. № 2 (4). С. 21–24.

Имидж России: концепция национального и территориального брендинга / под ред. И. А. Василенко. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Экономика, 2014. 247 с.

Кабашкин В. А. Государственно-частное партнерство: международный опыт и российские перспективы. М.: МИЦ, 2010. 576. с.

Лосев В. В. Понятие и сущность государственно-частного партнерства // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2016. № 1 (17). С. 33–38.

Сафронова С. Э., Чеховская С. А. Возникновение концессионных соглашений, применение, основные проблемы и сложности // Бизнес-образование в экономике знаний. 2016. № 2 (4). С. 80–84.

Тумашова А. В., Копытина А. А. Государственно-частное партнерство: опыт европейских стран [Электронный ресурс] // Бюллетень науки и практики. 2016. № 5 (6). С. 350–353. URL: http://www.bulletennauki.com/bnp2016-05 (дата обращения: 04.02.2017).

Чудновский А. Д., Жукова М. А. Управление индустрией туризма России в современных условиях. М.: КноРус, 2015. 416 с.

Bogan E., Cândea M. Actual trends in marketing policy in tourism // Quality – Access to Success. 2013. Vol. 14, № 135. P. 83–85.

Chaperon S. Tourism industry responses to public-private partnership arrangements for destination management organisations in small island economies: A case study of Jersey, Channel Islands // International Journal of Tourism Policy. 2017. Vol. 7, № 1. P. 23–41. DOI: 10.1504/IJTP.2017.082767.

Dedu E. M. The role and importance of tourism to the economy // Quality – Access to Success. 2013. Vol. 14, № S2, May. P. 368–373.

Dorobantu M. R., Pirnea I. C., Parpandel D. Tourism and development strategies at national level // Quality – Access to Success. 2013. Vol. 14, № S1, March. P. 344–349.

Hjalager A.-M., Johansen P. H. Food tourism in protected areas – sustainability for producers, the environment and tourism? // Journal of Sustainable Tourism. 2013. Vol. 21, № 3. P. 417–433. DOI: 10.1080/09669582.2012.708041.

Hyytiä N., Kola J. Tourism policy as a tool for rural development // Applied Economic Perspectives and Policy. 2013. Vol. 35, № 4. P. 708–730. DOI: 10.1093/aepp/ppt025.

Navrátil J., Pícha K., Knotek J., Kučera T., Navrátilová J., Rajchard J. Comparison of attractiveness of tourist sites for ecotourism and mass tourism: The case of waters in mountainous protected areas // Tourismos. 2013. Vol. 8, № 1. P. 35–51.

Petrescu D. C. Sustainability, tourism and consumer behavior // Quality – Access to Success. 2012. Vol 13, № 3S. P. 243–247.

Schubert S. F., Brida J. G. Macroeconomic effects of changes in tourism demand: A simple dynamic model // Tourism Economics. 2009. Vol. 15, no. 3. P. 591–613.

Zapata M. J., Hall C. M. Public-private collaboration in the tourism sector: Balancing legitimacy and effectiveness in local tourism partnerships. The Spanish case // Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events. 2012. Vol. 4, № 1. P. 61–83. DOI: 10.1080/19407963.2011.634069.

Информация об авторах

Гусева Мария Сергеевна – канд. экон. наук, доц. кафедры региональной экономики и управления ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141
ORCID: 0000-0002-1910-8869
ResearcherID: D-6901-2017
Электронный адрес: gusevams@yandex.ru

Амелькина Дарья Владимировна – магистрант кафедры региональной экономики и управления ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141
ORCID: 0000-0002-6875-0209
ResearcherID: D-6261-2017
Электронный адрес: amelkina.darya@yandex.ru

Статья получена 15 февраля 2017 года

UDC 338.24
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-217-236

INTERACTION OF THE STATE AND BUSINESS IN THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC AND INBOUND TOURISM

Maria S. Guseva
Samara State University of Economics, 141 Sovetskaya Armiya str., Samara, 443090, Russia
ORCID: 0000-0002-1910-8869
ResearcherID: D-6901-2017
E-mail: gusevams@yandex.ru

Daria V. Amelkina
Samara State University of Economics, 141 Sovetskaya Armiya str., Samara, 443090, Russia
ORCID: 0000-0002-6875-0209
ResearcherID: D-6261-2017
E-mail: amelkina.darya@yandex.ru

For citation:
Guseva, M. S. and Amelkina, D. V. (2017), "Interaction of the state and business in the development of domestic and inbound tourism", *Ars Administrandi,* vol. 9, no. 2, pp. 217–236, doi: 10.17072/2218-9173-2017-2-217-236.

Introduction. In the context of high global competition, cooperation between the state and business has become one of the most important factors influencing the development of national tourism destinations, competitiveness of tourism industry and product. Furthermore, public-private partnership (PPP) to attract private investment in the implementation of industrial projects determines the performance and efficiency of the interaction.

Currently in Russia the macroeconomic, geopolitical factors and the positive experience of PPP development in certain sectors created certain preconditions to attract private sector resources in the economy domestic tourism.

Aims. The aim of the research is to explore the interaction between the state and business, and to identify the promising spheres of development of public-private partnership in the field of domestic and inbound tourism at the regional level.

Methods used are as follows: the system approach, and statistical analysis methods.

Results. Possible and expected outcomes of the interaction between public and private sectors in tourism industry, entertainment and hospitality for the state, tourism destinations and business people and tourists are defined.

The main directions of partnership between the state and business, ensuring the development of domestic and inbound tourism in Russia are set. The problems limiting the development of PPP in the tourism sector and the factors impeding the development of special economic zones of tourism-recreational type are identified.

The experience of Samara region in the PPP helped to identify a number of objective prerequisites to develop an effective public-private collaboration and partnership that will attract private investment in the economy of tourism. The promising areas for the development of PPP in the sphere of tourism of the Samara region, such as joint projects of ecological and environmental content, are identified.

Conclusion. The development of public-private partnership in the tourism sector is limited to budget constraints on the implementation of the planned projects; mostly budget financing of ongoing projects; significant reputational losses for the state and loss of capital for business in case of refuse to support a project; lack of an organizational and economic mechanism for involving citizens in projects, the RF government's focus on big business in large-scale projects while small business sector prevails in the tourism industry.

Further development of PPP and MPP in tourism is possible on the basis of:

– improvement of the legislation which consolidates the relevant normative-legal acts and is reflected in new sectoral policy documents through the prerequisites, mechanisms and principles of functioning and forms of PPP in the tourism sector;

– formation of the project offices of Federal Agency for tourism and regional industry departments, which will significantly increase the number of implemented

investment projects in tourism, including the ones based on PPP mechanisms, will enhance coordination of the partnership's participant cooperation and will allow to monitor the projects;

– improvement of development institutions' performance through the development of an industry developer and operator registry at the Federal and regional levels;

– support of small and medium enterprises, with the improved access to government procurement of private investors-individuals;

– development of training and advanced training of specialists in the organization of PPP projects in tourism.

The directions of PPP development can be used by executive authorities to enhance the effectiveness of public participation in the development of domestic and inbound tourism in Russia.

Key words: public-private partnerships; domestic and inbound tourism; concession; PPP agreement; investment project; region

References

Airapetyan, M. S. (2009), "Foreign experience in the use of public-private partnership", *State Power and Local Self-government*, no. 2, pp. 35–42.

Bogolyubov, V. S. (2009), *Ekonomicheskaya otsenka investitsii v razvitie turizma* [Economic evaluation of investments in tourism development], Akademiya, Moscow, Russia.

Borshchevskii, G. A. (2016), *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo* [Public-private partnership], Urait, Moscow, Russia.

Varnavskii, V. G. (2012), "Management of public-private partnerships abroad", *Public Administration Issues*, no. 2, pp. 134–147.

Pisarevskii, E. L. (2014), *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie v sfere turizma* [State and municipal management in the sphere of tourism], The Federal Agency for Tourism of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Guseva, M. S., Amelkina, D. V. and Dmitrieva, E. O. (2016), "The development of partnership between the state and small business in innovation in the region", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast,* no. 6 (48), pp. 288–307.

Dedusenko, E. A. (2016), "Public-private partnership in tourism", *Science Almanac*, no. 2-1 (16), pp. 143–146.

Dzhandzhugazova, E. A., Chernikova, L. I. and Faizova, G. R. (2016), *Turizm i regional'noe razvitie v usloviyakh novykh rossiiskikh realii* [Tourism and regional development in the face of new Russian reality], Rusains, Moscow, Russia.

Dorozhkov, N. D. and Kupchinskaya, Yu. A. (2016), "The development of public-private partnership in the field of tourism", *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii*, no. 2 (4), pp. 21–24.

Vasilenko, I. A. (ed.) (2014), *Imidzh Rossii: kontseptsiya natsional'nogo i territorial'nogo brendinga* [The image of Russia: the concept of national and territorial branding], Ekonomika, Moscow, Russia.

Kabashkin, V. A. (2010), *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: mezhdunarodnyi opyt i rossiiskie perspektivy* [Public-private partnerships: international experience and Russian prospects], MIC, Moscow, Russia.

Losev, V. V. (2016), "The concept and essence of public-private partnership", *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii*, no. 1 (17), pp. 33–38.

Safronova, S. E. and Chekhovskaya, S. A. (2016), "The emergence of the concession agreements, the application of the basic problems and difficulties", *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii*, no. 2 (4), pp. 80–84.

Tumashova, A. V. and Kopytina, A. A. (2016), "Public-private partnership: the European experience", *Bulletin of Science and Practice*, no. 5 (6), pp. 350–353 [Online], available at: http://www.bulletennauki.com/bnp2016-05 (Accessed February 4, 2017).

Chudnovskii, A. D. and Zhukova, M. A. (2015), *Upravlenie industriej turizma Rossii v sovremennyh uslovijah* [Russian tourism industry management in modern conditions], KnoRus, Moscow, Russia.

Bogan, E. and Cândea, M. (2013), "Actual trends in marketing policy in tourism", *Quality – Access to Success*, vol. 14, no. 135, pp. 83–85.

Chaperon, S. (2017), "Tourism industry responses to public-private partnership arrangements for destination management organisations in small island economies: A case study of Jersey, Channel Islands", *International Journal of Tourism Policy*, vol. 7, no. 1, pp. 23–41, doi: 10.1504/IJTP.2017.082767.

Dedu, E. M. (2013), "The role and importance of tourism to the economy", *Quality – Access to Success*, vol. 14, no. 2S, May, pp. 368–373.

Dorobantu, M. R., Pirnea, I. C. and Parpandel, D. (2013), "Tourism and development strategies at national level", *Quality – Access to Success*, vol. 14, no. S1, March, pp. 344–349.

Hjalager, A.-M. and Johansen, P. H. (2013), "Food tourism in protected areas – sustainability for producers, the environment and tourism?", *Journal of Sustainable Tourism*, vol. 21, no. 3, pp. 417–433, doi: 10.1080/09669582.2012.708041.

Hyytiä, N. and Kola, J. (2013), "Tourism policy as a tool for rural development", *Applied Economic Perspectives and Policy*, vol. 35, no. 4, pp. 708–730, doi: 10.1093/aepp/ppt025.

Navrátil, J., Pícha, K., Knotek, J., Kučera, T., Navrátilová, J. and Rajchard, J. (2013), "Comparison of attractiveness of tourist sites for ecotourism and mass tourism: The case of waters in mountainous protected areas", *Tourismos*, vol. 8, no. 1, pp. 35–51.

Petrescu, D. C. (2012), "Sustainability, tourism and consumer behavior", *Quality – Access to Success*, vol. 13, no. S3, pp. 243–248.

Schubert, S. F. and Brida, J. G. (2009), "Macroeconomic effects of changes in tourism demand: A simple dynamic model", *Tourism Economics*, vol. 15, no. 3, pp. 591–613.

Zapata, M. J. and Hall, C. M. (2012), "Public-private collaboration in the tourism sector: Balancing legitimacy and effectiveness in local tourism partnerships. The Spanish case", *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*, vol. 4, no. 1, pp. 61–83, doi: 10.1080/19407963.2011.634069.

Received February 15, 2017

III МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 316.35
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-237-252

«ИЗОМОРФИЗМ» ПОЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ СТРАТЕГИЙ ДЕЙСТВИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ЭЛИТ В ПЕРМСКОМ КРАЕ)

М. А. МАНОКИН
Пермский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия

Для цитирования:
Манокин М. А. «Изоморфизм» полей (на примере стратегий действия локальных элит в Пермском крае) // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Том 9, № 2. С. 237–252. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-237-252.

Введение: рассматривается проблема социальной динамики и реакции индивидов на нее на примере поведения локальных элит в небольших городах Пермского края. Теоретическая концепция статьи строится на двух теориях: теории поля П. Бурдье и теории «текучей» современности З. Баумана. Теория поля служит для идентификации действий, которые производятся представителями локальных элит, теория Баумана помогает в объяснении логики и возможных мотивов их действий.

Цель: исследование практик локальных элит в небольших российских городах.

Методы: общенаучные: структурно-функциональный анализ, социологические: качественные методы кейс-стади, глубинное интервью.

Результаты: рассмотрены три кейса: действия локальных элит в Кунгуре, Краснокамске и Чайковском, проанализированы различные формы их активности. Дана интерпретация кейсов.

Выводы: наблюдаются процессы, аналогичные явлению институционального изоморфизма, отмечена глубокая привязанность локальных элит к территориям городов, которая усиливает их позиции. Дана интерпретация возможных причин изоморфизма полей: 1) связано с формированием значимых мест для отдельных представителей локальных элит; 2) является следствием влияния эмоций на их действия.

Ключевые слова: социальная динамика; локальная элита; институциональный изоморфизм; поле экономики; поле политики; бюрократическое поле

ВВЕДЕНИЕ

Центральной проблемой данной статьи является проблема общественной динамики и реакции индивида на нее. Она рассматривается многими современными исследователями: Дж. Урри пишет о человеке в новой эре мобильностей

© Манокин М. А., 2017

(Урри, 2012, с. 69–70), З. Бауман рассуждает о формировании новой, «текучей», природы человека и человеческого общества (Бауман, 2008, с. 12–13). В различных формулировках эти и другие авторы описывают общую тенденцию: смену социального порядка, перемену диспозиций, формирование новых субъектов в социальном пространстве и изменение существующих практик поведения.

Классический пример – последствия изменений в институте семьи. Из публичного института она постепенно превратилась в приватную институцию, основное место частной жизни индивида, а сегодня вновь переживает сложные изменения, связанные с дроблением семейного пространства на приватные зоны членов семьи (Бурдье, 1993, с. 235–236). Очевидно, что, если даже семья – институт, смена формы которого для ряда социологов была, в сущности, отражением социально-экономических революций (Зидер, 1997, с. 290–292), – меняется, то изменения происходят и с другими социальными конструктами. З. Бауман пишет об изменениях в политике, современное состояние которой он описывает как неопределенную территорию, хаос, в котором постоянно возникают новые формы взаимодействия (Бауман, 2008, с. 94). Самым известным примером являются исследования политических процессов 2011–2012 годов в России, показавшие, что митинги конца 2011 года были новой формой политической мобилизации жителей крупных городов (Бикбов, 2012, с. 143), их реакцией на новые политические и экономические условия. Другой пример. В условиях современного рынка предложение значительно превышает спрос, что способствует большей растерянности потребителя (Гусева, 2011, с. 47–48). Словом, перемены проникают во все сферы человеческой жизни, и современный индивид вынужден на них как-то реагировать.

Изменения не минуют и локальные элиты. Эти группы представляют исследовательский интерес, прежде всего, благодаря тому, что любые крупные решения – реформы, государственные программы, инициативы жителей – всегда осуществляются при их участии, и, если говорить об изменениях в обществе, именно элиты непосредственно взаимодействуют с ними, блокируя их или, напротив, поддерживая (Витковская, 2008, с. 62–64). Понимание логики этой социальной группы позволяет определить, какую роль играют элиты в происходящих в обществе переменах и как они на них реагируют (Lee and Lin, 2006, p. 333–334).

Цель статьи – исследовать практики локальных элит в небольших провинциальных российских городах. Объектом данного исследования является социальное пространство небольших городов российского региона, понимаемое как комплекс позиций, занимаемых субъектами, а предметом – поведение элит в данной среде. Статья основана на анализе и интерпретации результатов 20 глубинных анонимных неавторизованных интервью, взятых в марте–мае 2016 года у представителей локальных элит трех городов Пермского края: Краснокамска, Кунгура, Чайковского. Опрошенные – представители локальных элит: политики, чиновники, предприниматели, общественные деятели городского и районного уровня. Это качественное исследование, интерпретация thick descriptions, полученных в нарративах респондентов (Geertz, 1973), которое стремится выявить особенности логики представителей класса элиты, поэтому показатель количества опрошенных не является критически важным.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая база работы строится на двух центральных концепциях: социология поля и концепция «текучести». Прежде всего, это теория П. Бурдье, которая применяется как своеобразная морфология (инструмент описания) социального пространства, в котором живут локальные элиты. Для интерпретации явлений будет использована другая теоретическая концепция – теория «текучей современности» З. Баумана, которая дает более современную интерпретацию фактов, выделенных в рамках теории П. Бурдье. Не раз исследователи отмечали, что теория Баумана строится на схожих предпосылках, что и теория Бурдье (Blackshaw, 2013, p. 127). Сам Бауман предлагал новые интерпретации понятия класса Бурдье (Бауман, 2008, с. 42–43); в его работах есть место и наблюдениям по поводу биографии французского социолога и его вклада в современный взгляд на социальные явления (Bauman, 2002, p. 192–193). Можно сказать, что произведения З. Баумана направлены в основном на то, чтобы «оживить» социальные структуры, которые «работают» в поле Бурдье: показать, каким образом конкретный человек, его идеи и мысли формируют класс, поле, социальное пространство.

Локальные элиты в России в целом и Пермском крае в частности давно являются предметом исследовательского интереса. Стоит отметить, однако, один неявный недостаток этих работ – отсутствие определенного теоретического framework'a, в котором бы рассматривались элиты: обычно они насыщены богатым эмпирическим материалом, но интерпретация имеет отношение к политологии, но не социологии. Например, исследование Н. Ю. Лапиной и А. Е. Чириковой «Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор», опубликованное еще в 2000 году, предлагает обширный анализ локальных элит в различных городах России (Лапина и Чирикова, 2000). Роль элит была дана «действующим лицам – представителям власти и экономическим акторам» (Лапина и Чирикова, 2000, с. 46), однако «представители власти», в понимании авторов, являются и чиновниками, и политиками. Это можно отследить, обратившись к третьей главе работы: сначала речь идет об административном контроле и государстве, далее вводится действующее лицо – губернатор Пермской области Г. Игумнов, который рассуждает о том, как важно для областной администрации сохранять контроль над работой крупного бизнеса. Затем исследователи отмечают, что экономическая ситуация в области, как результат действий Игумнова, может потенциально повлиять на его успех на выборах (Лапина и Чирикова, 2000, с. 48–49). В этом сюжете, с одной стороны, политика и государственная власть, в сущности, рассматриваются как неразрывные части одного целого – Игумнов здесь и бюрократ, и политик. Позже Т. Б. Витковская будет разделять локальную элиту на бюрократов (глав муниципалитетов) и политиков, предложив даже более сложную интерпретацию (Витковская, 2011, с. 104). В исследовании Н. Лапиной и А. Чириковой также содержится классификация локальных элит. Авторы выделяют политиков, предпринимателей и бюрократов (Лапина и Чирикова, 2000, с. 114–115).

Но, несмотря на разработанный эмпирический материал, данные исследования объясняют наблюдаемые явления с точки зрения здравого смысла, редко при-

меняя объясняющие теоретические концепции. В таком качестве в этой статье предлагается использовать две теоретических концепции, прежде всего теорию поля П. Бурдье. В терминологии Бурдье описанные выше группировки называются соответственно классом политиков, буржуазией и бюрократами. Действия элит существуют в специфическом поле – политическом, экономическом и бюрократическом соответственно (Бурдье, 2007). Помимо полей, своеобразных доменов влияния и действия, каждому классу присущи уникальные для них типы капитала. Кроме элит в каждом из указанных выше полей существуют и другие классы, но в контексте данного исследования они не представляют интереса. Теория Бурдье предлагает рассматривать поле как конфигурацию социального пространства, которое постоянно преображается под влиянием различных социальных сил. Пониманию этих сил способствует концепция «текучей современности» З. Баумана, которая рассматривает представителя элиты не только как представителя класса, но прежде всего как наделенное специфическим уникальным сознанием существо, способное не просто конструировать себя как бюрократа, буржуа или политика, но как индивида, который делает это по каким-то индивидуально определяемым причинам. Согласно теории З. Баумана, современный индивид живет в «текучей» современности, каждый день он вынужден сталкиваться с нестабильным политическим, социальным и экономическим климатом (Bauman, 2001, p. 39–40). Регулярные реформы, увольнения, ротации кадров, конфликты, протесты становятся фоном, к которому индивид пытается приспособиться.

Также перед началом интерпретации данных необходимо отметить, что в рассмотренных небольших городах Пермского края представители элит объединены в сообщества, характеризуемые здесь, помимо общности интересов, определенной идеей лояльности, из которой выстраивается взаимное доверие участников. Мои эксперты часто называли эти социальные структуры кланами – во многом, вероятно, заимствуя термин из дискурса современной политологии; ниже социальные структуры будут называться группировками или клиентелами. Обычно термин «клан» связывают с корпорацией, основанной на родовом признаке (Редклифф-Браун, 2001, с. 30), но на этом основании из рассмотренных группировок только существующие в Кунгуре можно назвать кланами, так как родственные связи между участниками прослеживаются только у элиты в данном городе. Узкость смысла данного понятия в социологии не позволяет нам его применять.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кейс-1: Элита Кунгура

Описание элит стоит начать с Кунгура – в нарративах, собранных у представителей элит этого города, ярче всего выразились исследуемые в статье тенденции. Элиты Кунгура ассоциируют себя с купцами, которые сыграли ключевую роль в создании и развитии города. «Кунгур – купеческий город», – говорит один из респондентов, рассуждая о влиянии бизнеса в городе, упоминая табличку на здании городской и районной администрации, где «выписан купеческий устав 1904 года»[1].

[1] Респондент 7, предприниматель, г. Кунгур.

В Кунгуре действуют несколько клиентел, внутри которых переплетаются интересы бизнеса, политики и администрации. Клиентелы сформированы, прежде всего, вокруг предприятий нескольких семейств: Елтышевых, Саньковых, Кокшаровых. Один из экспертов так описывает сложную систему связей в группировке:

«Бывший колхозный рынок […] приватизировали в свое время, и […] в долях, по-моему, сейчас три семейных клана: бывший мэр Кокшаров, который сейчас вице-премьер правительства края, вот эта семья Саньковых и Елтышевых. Саньков – родной брат Ларисы Ильиничны [Елтышевой. – *М. М.*], тоже в долях на этих мини-рынках, все этажи, на первых этажах на центральных улицах переоборудовали, ну и прочее…»[2].

Еще один из экспертов отмечал родственные связи между Кокшаровыми, Саньковым и Елтышевыми, другие эксперты не подтверждали наличие родственных связей. Тем не менее другим экспертам было известно о деловом партнерстве этих людей[3]:

«Да. Три человека [представители семей Кокшарова, Санькова, Елтышевой. – *М. М.*] – это центральный рынок, это их общий бизнес. Это то, что знаем мы, люди, которые живут в городе»[4].

Эти три семьи в Кунгуре ассоциировались в первую очередь с их совместной предпринимательской деятельностью. Помимо рынка, они контролируют ряд других предприятий. Респондент говорит, что семейства Елтышевых и Кокшаровых владеют и другими предприятиями:

«Есть определенные бизнесы у семей, опять же, если говорить о предприятиях промышленного характера, то есть компании, которые производят ремонты. Как раз ЗАО «Блок» Кокшаровых ремонтирует почти все школы и детские сады. […] Стирает все детские сады сын Елтышевых»[5].

Постепенно интересы предпринимательских клиентел перестали ограничиваться только бизнесом:

«Везде есть […] экономические кланы, преступные, воровские – они всегда существуют. И Кунгур всегда оказывался в стороне; единственное, что здесь к некоторым традиционным кланам прибавились еще и политические кланы. Раньше их почти не было, а сейчас появились»[6].

Клиентелы вошли в Кунгурскую городскую Думу, которая скоро стала одной из сфер их влияния. В дальнейшем влияние клиентел усилилось, поскольку Р. А. Кокшаров стал мэром Кунгура. Летом 2015 года он был назначен на должность заместителя председателя Правительства – министра территориального развития Пермского края, но, как отметил один из респондентов, сохранил интересы в родном городе: «У него много проблемных и недоделанных вопросов в Кунгре. И у него до сих пор не закрыто уголовное дело. Поэтому как он старался сохранить преемственность власти в городе, так и та власть, которая пришла, стремится к его поддержке»[7]. Пришедшую после Кокшарова власть олицетворяет собой Лариса Елтышева.

[2] Респондент 5, политик, г. Кунгур.
[3] Респондент 2, политик, г. Кунгур.
[4] Респондент 6, политик, г. Кунгур.
[5] Респондент 5, политик, г. Кунгур.
[6] Респондент 4, предприниматель, г. Кунгур.
[7] Респондент 1, политик, г. Кунгур.

Однако появление новой главы города вызвало, по словам экспертов, напряжение в клиентеле:

«Сегодня, может быть, они в ссоре. Говорят, такие отношения у Елтышевых с Кокшаровыми. Бывает: милые бранятся-тешатся. […] У нас же выборы главы с первого раза не состоялись. […] Сначала депутаты решали, кто станет главой. Было несколько кандидатур. В первый раз Ларисы Ильиничны не было в списке кандидатур – сорвали выборы. На второй раз заявилась Лариса Ильинична. […] Видимо, поняли, что первый зам. Кокшарова, Толстой Василий Иванович, не проходит на эту должность, и тут, видимо, нашла коса на камень: Кокшаровы с Елтышевыми не совсем договорились, и прошла Лариса Ильинична, хотя Кокшаровы были немного против этого. Так скажем, бойня за кресло до сих пор идет. […] Обычные интриги»[8].

На напряженные отношения внутри клиентелы указывает и другой случай, свидетельствующий о расширении интересов группы до городской бюрократии: группа приняла участие в выборах главы Контрольно-счетной палаты города Кунгура (выборы осуществляются городской Думой, часть депутатов которой также представляют интересы группы):

«На данный момент [в марте 2016 года. – *М. М.*] там […] исполняющий обязанности, но сейчас, насколько я знаю, претендуют три кандидатуры. Это бывший зам., исполняющий обязанности [Татьяна Седухина, она же 31 марта была назначена главой КСП. – *М. М.*]. […] В это же время изъявила желание жена экс-главы [Кокшарова. – *М. М.*] на это же место. Третий – это человек из бывших работников полиции, тоже решил попробовать туда»[9]. Любопытно, что представители элиты опасаются: «сейчас у всех паника, насколько я знаю со вчерашнего дня, заявился парень один из милиции»[10]. Респондент характеризует отношение городской власти к третьей кандидатуре как паническое – даже если предположить, что он это преувеличил, можно принять факт, что третий кандидат на выборах руководителя встревожил управляющую городом группу. Но никто из экспертов не мог вспомнить его имени.

Итак, эти интервью показали, что за последние несколько лет в Кунгуре сформировалась клиентела, обладающая финансовыми, политическими ресурсами и даже претендующая на влияние в системе бюрократии. Внутри этой группы происходит определенная внутренняя динамика, выраженная в историях о «ссоре» между Кокшаровыми и Елтышевыми, имеют место попытки контролировать городское бюрократическое поле, проявленные на примере конкуренции в борьбе за пост главы контрольно-счетной палаты города.

Кейсы 2 и 3: Краснокамск и Чайковский

Аналогичные Кунгуру ситуации отслеживаются исходя из интервью, собранных в Краснокамске и Чайковском. Предприниматели в Краснокамске обретают политическое и бюрократическое влияние, в Чайковском политики, влияя на бюрократию, усиливают свои позиции в городе.

[8] Респондент 5, политик, г. Кунгур.
[9] Респондент 5, политик, г. Кунгур.
[10] Респондент 5, политик, г. Кунгур.

Пример Краснокамска показателен тем, что здесь, по словам респондентов из местной элиты, на сегодняшний день у власти фактически находится владелец нескольких предприятий – Ольга Колоколова, депутат Земского Собрания Краснокамского муниципального района, директор компании и председатель Пермского регионального отделения РОДП «Яблоко». Также она возглавляет группу руководителей управляющих компаний в сфере ЖКХ. Контроль над управляющей компанией, как говорит один из респондентов дает не только экономические ресурсы, но и позволяет влиять на избирателей на выборах:

«Элементарно! Через привлечение старших по дому, по подъезду. Организация чаепитий в подъездах. Элементарно! Бабушкам. Каждый старший по подъезду пойдет на чаепитии скажет, за кого голосовать, и бабушки проголосуют. За печеньку и за стакан чая»[11].

Стоит отметить, что крупный бизнес Краснокамска, в отличие от Кунгура, в основном находится в собственности людей, не живущих и не работающих на территории города, поэтому они мало заинтересованы во взаимодействии с местной администрацией. То же касается их менеджмента[12], – рассказывает представитель краснокамской элиты, знакомый с работой Земского Собрания района и Думы Краснокамского городского поселения. В таких условиях местные крупные предприятия мало заинтересованы в политической конкуренции.

При этом элитных групп в Краснокамске больше, чем в Кунгуре, и отношения между ними сложнее. Наиболее заметные, на момент интервью, сформировались вокруг бывшего мэра города Юрия Чечеткина, Ольги Колоколовой, а также бывшего председателя Земского Собрания Краснокамского района Юрия Малых. Между этими группами несколько лет шла борьба за город: Чечеткин пытался продвинуть в городскую думу своих сторонников, Колоколова – своих. К весне 2016 года, когда проходило общение с респондентами, конфликт в городе уже миновал интенсивную фазу. Фактически победила Ольга Колоколова: главой города избрали ее сторонницу, а Чечеткин и Малых были избраны в Законодательное Собрание Пермского края, т. е. покинули Краснокамск. Представители местной элиты чувствовали себя уставшими от борьбы, которая шла в этом городе не один год:

«Мы все рассчитываем на то, что она прекратится, эта конфронтация. Я лично голосовал за вот эти устранения, нам нужно выходить из ситуации, в которой находится территория. Мы все рассчитываем, что это произойдет с новой главой [Краснокамска]»[13], – так респондент, входящий в состав Думы Краснокамского городского поселения, пояснил свой выбор нового мэра города.

При отсутствии иных сил, заинтересованных в конфликте, Ольга Колоколова, по словам респондентов, с легкостью получила контроль над городом:

«Решение будет поддержано или нет, в зависимости от того, как они договорятся с Ольгой Аркадьевной [Колоколовой. – *М. М.*]. Она ими крутит всеми, потому что у нее в думе большинство. И ее глава сел в кресло»[14], – говорит

[11] Респондент 6, политик, г. Краснокамск.

[12] Респондент 2, предприниматель, г. Краснокамск.

[13] Респондент 1, политик, г. Краснокамск.

[14] Респондент 4, чиновник, г. Краснокамск.

эксперт, комментируя назначение Юлии Потаповой главой города в марте-апреле 2016 года. По мнению респондента, Потапова – человек из команды Колоколовой.

Ситуация во многом напоминает кунгурскую: предпринимательница входит в политические структуры, где усиливает свою позицию настолько, что может влиять на выборы главы городского поселения.

Кейс Чайковского похож на ситуацию, сложившуюся в Краснокамске и Кунгуре, хотя является в данный момент менее выразительным. Можно говорить о начальной стадии процесса: Чайковский превратится в аналог двух других городов, так как на момент исследования уже прослеживались схожие тренды. Опрошенные представители элиты Чайковского рассказывали о том, что в городе раньше шло противостояние, напоминающее то, которое сформировалось в Краснокамске, но менее интенсивное. Одним из наиболее амбициозных предпринимателей был Андрей Фоминых:

«Есть у нас одно градостроительное предприятие – РСУ-6. Был такой Фоминых Андрей. Он садится председателем городской думы, ему для чего нужно – точечная застройка в городе. Одно у нас, практически, предприятие. Ему какие депутаты нужны? Для решения депутатских вопросов нужны 11 человек из 20. Он ввел в думу, понятно, с помощью финансов, своих подчиненных и начал точечную застройку везде», – описывал эксперт ситуацию, общими чертами напоминающую прецедент восхождения в Кунгуре Елтышевых и Кокшаровых.

Но далее эксперт рассказал финал этой истории. Фоминых проиграл на выборах в Думу Чайковского городского поселения, поскольку Администрация Чайковского муниципального района не хотела, чтобы он оставался главой города: «Фоминых уже все. В эти выборы Фоминых потерял большинство в Думе, и он не стал председателем Думы, потому что нет большинства. Просто люди устали, когда увидели, что делают, и не избрали их. Я знаю, что он уволился уже или уволили его, я точно не знаю, но он сейчас не руководит»[15].

В борьбе с клиентелой Фоминых победила другая группа, созданная Администрацией Чайковского муниципального района, которая обладала политическим и бюрократическим влиянием[16]. Но в какой-то момент в самой администрации возник конфликт. Новый глава городского поселения Александр Третьяков, который, по словам экспертов, был изначально сторонником районной администрации, постепенно отстранился от нее и вскоре стал действовать независимо[17].

В качестве независимого руководителя он быстро начал «накапливать» поддержку административных структур в городе. К 2016 году администрация Чайковского городского поселения начала подчинять себе советы микрорайонов; это небольшие административные учреждения, которые занимаются решением простых вопросов – уборки мусора, уличного освещения в микрорайонах. Советы отвечали перед чиновником городской администрации Романом Налимовым: «Он же директор, он собирает их всех на совещании,

[15] Респондент 3, политик, г. Чайковский.
[16] Респондент 3, политик, г. Чайковский.
[17] Респондент 1, политик, г. Чайковский.

ставит задачи, контролирует и так далее, чисто такое муниципальное учреждение обычное, есть директор, есть председатели, которые ему подчиняются, у них свои планы по всем там направлениям»[18]. Он и стал приближенным нового главы администрации Чайковского городского поселения.

Благодаря ему А. В. Третьяков получил инструмент административного влияния на население города: главы советов микрорайонов – влиятельные фигуры на своих территориях, известные общественники. Они могут не только легко организовать людей, но и убедить их, например, перед выборами в том, что тот или иной кандидат будет более полезен жителям их микрорайона. Но одновременно эти люди – часть административной системы, фактически – чиновники, получающие за работу примерно 10 000 рублей в месяц (по словам эксперта), что вновь показывает легкую конвертацию практики и капитала из одного поля в другое. Эксперт сказал, что сейчас глава городского поселения добился полной лояльности примерно 6 советов микрорайонов из 10, оставшиеся 4 до сих пор находятся под влиянием главы Чайковского муниципального района[19]. Так политик готовится усилить свои позиции в политическом социуме Чайковского.

Таким образом, мы видим два сценария развития: в Краснокамске, где сформировалась, в целом, такая же ситуация, как и в Кунгуре, и в Чайковском, где эта ситуация находится в процессе формирования. Интересно то, как представители локальных элит стремятся получить власть одновременно в администрации, политике и местном бизнесе и организовать их примерно по лекалу той «родительской» биоты, из которой они пришли.

ОБСУЖДЕНИЕ

Описанные выше факты нуждаются в интерпретации. С точки зрения теории Бурдье, это очевидная попытка предпринимателей занять позицию в новом поле и получить доступ к новым видам капитала. Происходит конверсия капитала из одного вида в другой: экономический капитал становится политическим, затем – бюрократическим. Процесс помогает представителям городской бизнес-элиты, например, продвигать на уровне городских дум более выгодные для компании законопроекты, а также укреплять контроль над своими предприятиями и политическими структурами. Рассматриваемое здесь явление напоминает феномен «двойной игры», который Бурдье описывал применительно к политикам: это одновременная попытка помочь себе и исполнять роли слуг общества (Bourdieu, 2012, p. 183), удерживать одновременно капитал, актуальный внутри политического (партийного) поля, и капитал, важный на выборах (Bourdieu and Wacquant, 2013).

Но «двойная игра» все же объясняет действия в рамках только политического поля. Анализируя поведение представителей элиты в разных полях социального пространства, З. Бауман в своей интерпретации элит опирается на исследования Р. Сеннета. Его интересовали менеджеры и владельцы

[18] Респондент 6, чиновник, г. Чайковский.

[19] Респондент 6, чиновник, г. Чайковский.

крупного бизнеса, политики международного уровня и т.п. (Бауман, 2004, с. 71–72). Отталкиваясь от работ Сеннета, Бауман пришел к выводу о том, что элиты такого уровня стремятся быть максимально мобильными, действовать одновременно во многих качествах (Bauman, 2001, p. 25–26). Для Баумана и других сторонников «индивидуализированного общества», они – прототип образа жизни, к которому движется современный человек, не зависящий ни от каких институтов, предоставленный только себе самому, способный в любой момент завершить существующий проект и создать с нуля новый (простые примеры – Ричард Брэнсон и Олег Тиньков), умеющий легко адаптироваться к новшествам. Рассуждая об особенностях современных элит, Бауман отметил, что они стремятся освободиться от существующих ограничений, в том числе географических границ. Современные элиты, по словам Баумана, становятся склонны к vanishing act, избеганию, исчезновению после быстрого осуществления своего действия. Неспособность же убежать и сменить сферу своей деятельности становится слабостью (Bauman, 2001, p. 203). В прошлом власть элит зависела от того, как много человек они могут заставить работать на фабрике, сегодня власть элиты определяется широтой вариантов их деятельности (Bauman, 2001, p. 21–22).

И рассмотренные выше локальные элиты зачастую действуют именно так, как описывал Соннет: стремятся повысить собственную мобильность. При этом они имеют свою специфику, ту уникальность, которая, возможно, сформировалась под влиянием своеобразных российских или пермских факторов.

Во-первых, их действиям присущ своего рода «изоморфизм» в различных полях (по аналогии с концепцией институционального изоморфизма): перейдя в новое поле, они стараются «перенести» туда людей, которые были успешными в другом (Radaelli, 2000). Успешного бизнесмена делают политиком, а потом бюрократом. Более того, локальные элиты не покидают первоначальное поле, они сохраняют в нем позиции и власть. Это хорошо видно на примере Кунгура и Краснокамска: Елтышевы и Кокшаровы стараются сами войти в Кунгурскую городскую Думу, владеют предприятиями, Ольга Колоколова остается директором предприятия и депутатом Земского Собрания Краснокамского муниципального района, т. е. «руководителем» и там, и там.

Во-вторых, локальные элиты характеризуются привязанностью к пространству города, в котором они начинают свою работу, чем несколько отличаются от изученных в книге З. Баумана элит (Bauman, 2001, p. 25). Но описанный выше изоморфизм явно лишь укрепляет позиции локальных элит, что выглядит как некий запас «твердости» (Бауман, 2008, с. 10), который может представлять собой потенциальный путь отхода. Один из представителей кунгурской элиты говорит о том, что у Р. А. Кокшарова «остались дела» в Кунгуре: будучи вице-губернатором, он остается в пространстве Кунгура, потому что здесь его бизнес и политические интересы. Показательна и позиция Ольги Колоколовой, которая, даже возглавляя Пермское региональное отделение РОДП «Яблоко», активно действует только на территории Краснокамска. Ареал «своего» города, очевидно, представляет собой их «твердый» участок социального пространства, в который они могут совершить vanishing act, «убежав», например, от экономических опасностей в политику.

«Изоморфизм» полей является продолжением процессов, описанных, в частности, в работе Н. Ю. Лапиной и А. Н. Чириковой, чьи респонденты говорили о том, что экономические и политические элиты «полностью сращены» (Лапина и Чирикова, 2000, с. 114). Такой взгляд позволяет увидеть механизм «сращивания» элит на локальном уровне: скорее всего, оно является итогом проникновения элит из одного поля в другое, и, как следствие, необходимостью реорганизовать свои действия и окружающую среду. Кроме того, это дополняет идею «сращивания» элит: в сущности, в полях экономики, политики и бюрократии в будущем могут формироваться схожие диспозиции, а появление одних и тех же субъектов в разных полях означает потенциальную возможность переноса части практик из одного поля в другое (жестко говоря, картельный сговор может быть перенесен из бизнеса в политику). Это обеспечивается изначальной лабильностью элит, их способностью легко менять образ жизни и решения. Выявление мотивов данных действий и тенденций, однако, требует более богатого эмпирического материала, и на данный момент можно изложить две гипотезы.

Первая гипотеза позволяет интерпретировать «изоморфизм» полей как результат производства «значимых мест». Теория З. Баумана предлагает концепцию значимых мест – ключевых точек социального пространства, в котором носитель определенной идентичности может «найти себя» (Бауман, 2008, с. 109). Представители элиты обладают властью, они способны управлять дизайном пространства. Входя в новое для себя поле и завоевывая его участки, они получают возможность изменять их, и, скорее всего, реорганизуют его по образцам того пространства, из которого пришли, привнося туда своих союзников, практики, капитал и адаптируя их под другую среду.

Вторая гипотеза может объяснить «изоморфизм» как результат влияния эмоций. Дж. Барбалет предлагает социологическую интерпретацию эмоций в рамках теории, в которой эмоция является частью сознания индивида, помогающая рациональности в выполнении различных действий (Barbalet, 1996, 1998, p. 60). Рассмотренные выше действия элит в рамках теории Барбалета можно интерпретировать как следствие страха, который, в свою очередь, является следствием того, что социальный порядок меняется (Barbalet, 1998, p. 150–151) и призывает к действию. Страх побуждает индивида меняться, делать все для того, чтобы адаптироваться к меняющимся условиям, в том числе двигаться в иное поле, он призывает к борьбе с посторонними элементами (показателен пример с появлением кандидата в председатели Контрольно-счетной палаты города Кунгура, которого респонденты называли «милиционером» и, судя по словам эксперта, боялись – его появление привело к страху, страх призвал элиты действовать). Изоморфизм играет здесь роль адаптивной стратегии: создание схожих и знакомых социальных структур в новой модели дает индивиду ощущение комфорта и уверенности, еще одну эмоцию (Barbalet, 1998, p. 101). Уверенность является основой для будущей экспансии в новое, открытое представителями элиты, поле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерпретация рассмотренных выше кейсов позволяет сделать два основных вывода. Первый вывод – локальные элиты действуют в разных территориях по одному приблизительному сценарию: заняв устойчивую позицию в одном поле (допустим, экономическом) и обеспечив себя притоком капитала, они стремятся продвинуть свои интересы в другое поле – политическое или административное; заняв позицию в нем и начав извлекать там капитал, переходят в третье поле. Второй вывод – такие действия приводят к тому, что различные поля, на которые распространяют свою власть локальные элиты, получают потенциальную возможность функционировать схожим образом, что может гипотетически облегчить перенос, например, экономических практик в поле политики.

Проведенная здесь интерпретация эмпирических данных, полученных из материалов интервью, позволяет обозначить несколько перспективных направлений исследования. Прежде всего, это проверка применимости самой концепции «изоморфизма» к действиям элит. Полученных данных в результате исследования трех городов Пермского края явно недостаточно для того, чтобы проследить основные социальные механизмы, инициирующие отмеченный здесь «изоморфизм». Далее, необходимо проверить полученные теоретические выводы в других территориях и регионах и исследовать систему мотивов, которые приводят представителей локальных элит к «изоморфной» организации окружающего их социального пространства, а также установить факты «переноса» описанных практик из одного поля в другое, если такие явления наблюдались ранее.

Библиографический список

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М. Л. Коробочкина. М.: Весь мир, 2004. 188 с.

Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // Laboratorium. 2012. № 2. С. 130–163.

Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007. С. 220–254.

Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 54–52.

Витковская Т. Б. Локальная политическая элита в условиях общественных трансформаций // Управленческое консультирование. 2011. № 1 (42). С. 100–111.

Витковская Т. Б. Локальная политическая элита современной России: характерные особенности и трансформация // Политическая наука. 2008. № 3. С. 61–74.

Гусева А. Входя в красную зону: рождение рынка кредитных карт в постсоммунистической России // Экономическая социология. 2011. Т. 12, № 5. С. 30–52.

Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX в.) / пер. с нем. Л. А. Овчинцевой. М.: ВЛАДОС, 1997. 302 с.

Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. М.: ИНИОН РАН, 2000. 200 с.

Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / пер. с англ. О. Ю. Артемовой. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 304 с.

Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Праксис, 2012. 576 с.

Bauman Z. The individualized society. Oxford: Polity Press, 2001. 272 p.

Bauman Z. Pierre Bourdieu and the Dialectics of Vita Contemplativa and Vita Activa // Revue internationale de philosophie, 2002. Vol. 2. P. 179–193.

Barbalet J. M. Social emotions: Confidence, trust and loyalty // International Journal of Sociology and Social Policy. 1996. Vol. 16, № 9/10. P. 75–96. DOI: https://doi.org/10.1108/eb013270.

Barbalet J. M. Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 222 p.

Blackshaw T. Two Sociologists: Pierre Bourdieu and Zygmunt Bauman // Blackshaw T. Routledge Handbook of Leisure Studies. London and N. Y.: Routledge, 2013. P. 164–178.

Bourdieu P. Symbolic power and the political field // Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Oxford: Polity, 2012. P. 162–251.

Bourdieu P., Wacquant L. Symbolic capital and social classes // Journal of Classical Sociology, 2013. Vol. 13, № 2. P. 292–302.

Geertz C. Thick Description: Toward an interpretive theory of culture // Geertz C. The interpretation of cultures: Selected essays. N. Y.: Basic Books, 1973. P. 3–30.

Lee F. L. F., Lin A. M. Y. Newspaper editorial discourse and the politics of self-censorship in Hong Kong // Discourse & Society. 2006. Vol. 17, № 3. P. 331–358.

Radaelli C. M. Policy transfer in the European Union: Institutional isomorphism as a source of legitimacy // Governance. 2000. Vol. 13, № 1. P. 25–43.

Информация об авторе

Манокин Михаил Андреевич – канд. культурологии, старший преподаватель департамента менеджмента Пермского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 614070, Россия, г. Пермь, ул. Студенческая, 38

ORCID: 0000-0002-3648-3185

ResearcherID: A-5361-2017

Электронный адрес: MAManokin@hse.ru

Статья получена 18 февраля 2017 года

UDC 316.35
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-237-252

"FIELD ISOMORPHISM" (THE CASE OF ACTION STRATEGIES OF LOCAL ELITES IN PERM KRAI)

Mikhail A. Manokin
National Research University the Higher School of Economics in Perm, 38 Studencheskaya str., Perm, 614070, Russia
ORCID: 0000-0002-3648-3185
ResearcherID: A-5361-2017
E-mail: MAManokin@hse.ru

For citation:
Manokin, M. A. (2017), "Field isomorphism" (the case of action strategies of local elites in Perm krai)", *Ars Administrandi,* vol. 9, no. 2, pp. 237–252, doi: 10.17072/2218-9173-2017-2-237-252.

Introduction. The paper studies the problem of social dynamics and reactions of the individuals, specifically in the case of local elites in the small towns of Perm Krai, Russia.

Aims. The aim of the paper is to interpret the practices of the local elites. The paper studies a social space with the constrains where these practices take place as well as the performed practices themselves.

Methods. The paper uses structural-functional analysis, and qualitative sociological methods, such as depth interview, case study.

Results. The study analyzes three cases of actions of local elites in Kungur, Chaikovski, Krasnokamsk. Given cases were interpreted through the theories of P. Bourdieu and Z. Bauman.

Conclusion. Social processes show the resemblance of institutional isomorphism, but it is applied to the fields of social space. Strong connection between local elites and social spaces of small towns is seen as a source of additional influence. Two hypothetical explanations are given to the revealed "isomorphism of fields": 1) it may be the byproduct of creation of "significant places" in the new fields taken under control of the local elites; 2) it can be the result of influence of emotions.

Key words: social dynamics; local elite; institutional isomorphism; field of economics; filed of politics; bureaucratic field

References

Bauman, Z. (2004), *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization: The human consequences], translated by Korobochkin, M. L., Ves' Mir, Moscow, Russia.

Bauman, Z. (2008), *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid modernity], translated by Asochakov, Yu. V., Piter, Saint-Petersburg, Russia.

Bikbov, A. (2012), "The Methodology of studying "spontaneous" street activism (Russian protests and street camps, December 2011–July 2012)", *Laboratorium*, no. 2, pp. 130–163.

Bourdieu, P. (2007), "Spirit of the state: Genesis and structure of the bureaucratic field", in Bourdieu, P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Social space and symbolic power], translated by Shmatko, N. A., Aleteiya, Saint-Petersburg, Russia, pp. 220–254.

Bourdieu, P. (1993), "The social space and genesis of groups", in Bourdieu, P., *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics], translated by Shmatko, N. A., Socio-Logos, Moscow, Russia, pp. 14–48.

Vitkovskaya, T. B. (2011), "Local political elite during social transformation", *Upravlencheskoye konsultirovaniye*, no. 1 (42), pp. 100–111.

Vitkovskaya, T. B. (2008), "Local political elite of the contemporary Russia: Specific characteristics and transformation", *Political Science*, no. 3, pp. 61–74.

Guseva, A. (2011), "Into the Red: The Birth of the Credit Card Market in Post-communist Russia", *Economic Sociology*, vol. 12, no. 5, pp. 30–52.

Sieder, R. (1997), *Sotsial'naya istoriya sem'i v Zapadnoi i Tsentral'noi Evrope (konets XVIII – XX v.)* [Sozialgeschichte der Familie], translated by Ovchintseva, L. A., VLADOS, Moscow, Russia.

Lapina, N. Yu. and Chirikova, A. E. (2000), *Strategii regional'nykh elit: ekonomika, modeli vlasti, politicheskii vybor* [Strategies of regional elites: economics, models of power, political choice], Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, Moscow, Russia.

Radcliffe-Brown, A. R. (2001), *Struktura i funktsiya v primitivnom obshchestve. Ocherki i lektsii* [Structure and function in primitive society, essays and addresses], translated by Artemova, O., Yu.., Vostochnaya Literatura RAS, Moscow, Russia.

Urry, J. (2012), *Mobilnosti* [Mobilities], translated by Lazarev, A. V., Praksis, Moscow, Russia.

Bauman, Z. (2001), *The individualized society,* Polity Press, Oxford, UK.

Bauman, Z. (2002), "Pierre Bourdieu and the dialectics of vita contemplativa and vita active", *Revue internationale de philosophie*, vol. 2, pp. 179–193.

Barbalet, J. M. (1996), "Social emotions: Confidence, trust and loyalty", *International Journal of Sociology and Social Policy*, vol. 16, no. 9/10, pp. 75–96, doi: https://doi.org/10.1108/eb013270.

Barbalet, J. M. (1998), E*motion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Blackshaw, T. (2013), "Two sociologists: Pierre Bourdieu and Zygmunt Bauman", in Blackshaw, T., *Routledge Handbook of Leisure Studies*, Routledge, N. Y., USA and London, UK, pp. 164–178.

Bourdieu, P. (2012), "Symbolic power and the political field", in Bourdieu, P., *Language and symbolic power*, Polity, Oxford, UK, pp. 162–251.

Bourdieu, P. and Wacquant, L. (2013), "Symbolic capital and social classes", *Journal of Classical Sociology*, vol. 13, no. 2, pp. 292–302.

Geertz, C. (173), "Thick description: toward an interpretive theory of culture", in Geertz, C., *The interpretation of cultures: Selected essays*, Basic Books, N. Y., USA, pp. 3–30.

Lee, F. L. F. and Lin, A. M. Y. (2006), "Newspaper editorial discourse and the politics of self-censorship in Hong Kong", *Discourse & Society*, vol. 17, no. 3, pp. 331–358.

Radaelli, C. M. (2000), "Policy transfer in the European Union: Institutional isomorphism as a source of legitimacy", *Governance*, vol. 13, no. 1, pp. 25–43.

Received February 18, 2017

UDC 338.48
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-253-268

DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORY UNDER THE INFLUENCE OF COMMUNITY-BASED TOURISM

Marko D. PETROVIĆ
Geographical Institute "Jovan Cvijić" of the Serbian Academy of Sciences and Arts (SASA), Belgrade, Serbia

Milan RADOVANOVIĆ
Geographical Institute "Jovan Cvijić" of the Serbian Academy of Sciences and Arts (SASA), Belgrade, Serbia
South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Natalia VUKOVIĆ
Ural State Forest Engineering University (USFEU), Yekaterinburg, Russia

Aleksandra VUJKO
Novi Sad Business School, Novi Sad, Serbia

Darko VUKOVIĆ
Geographical Institute "Jovan Cvijić" of the Serbian Academy of Sciences and Arts (SASA), Belgrade, Serbia
Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

For citation:
Petrović, M. D., Radovanović, M., Vuković, N., Vujko, A. and Vuković, D. (2017), "Development of rural territory under the influence of community-based tourism", *Ars Administrandi,* vol. 9, no. 2, pp. 253–268, doi: 10.17072/2218-9173-2017-2-253-268.

Introduction. The paper looks at the relevant issues related to the rural areas' development under the community-based tourism activities. The study presents an overview of every field of knowledge on community-based tourism, including the organization, management, marketing, and economic aspects. The paper specifies who provides the services, what they offer, who they offer their services to, and how they plan their tourist development in rural settings. The most relevant issue for the locals is the presentation of potential positive, as well as negative impact of tourism development, from economic to socio-cultural and environmental prospective.

Aims. The main aim of this research is to examine how tourist activities affect locals in typical rural surroundings. How do individual and/or community benefits correlate with the support for tourism development? How does the concern for tourism development correspond with the general opinion about tourism? And how do the impacts of tourism development match the community support for tourism? Therefore, the general aspects of tourism impact, as well as its effect on the rural residents, will be explained.

The **methods** of theoretical research (systems analysis, coming from the abstract to the real, idealization, etc.), as well as the methods of empirical research (method of expert assessment, comparison, analogy, and generalization) are applied in the study.

Results. Both positive and negative impacts of tourism development have been shown, according to the cognitive findings. Some economic impacts of community-based tourism development provide new employment opportunities, an increase of income and GNP, diversify the local economy, as well as result in possible inflation of land value, price rise on food and other products and frequent seasonal employment. On the other hand, results

© Petrović M. D., Radovanović M., Vuković N., Vujko A. and Vuković D., 2017

show that social-cultural impacts can be seen in developing favorite image of the countryside, providing opportunities for additional education and recreational facilities for the residents, preservation of the local cultural heritage, while, on the other hand, it can create resentment and antagonism related to dramatic differences in wealth, give rise to overcrowding, congestion and traffic jams, cause conflicts in traditional societies and values, or even create demonstration effect, whereby natives imitate tourists and relinquish cultural tradition. Together with these, the findings proved that the community-based tourism may contribute to the better environmental protection, such as conservation of wildlife, encouragement of education on ecological issues, as well as fostering water and air pollution and solid waste, trampling delicate soil or disrupting flora and fauna species.

Conclusion. The development of rural territories is possible under well planned and organized community-based tourism. Together with these, the study came to the conclusion that the locals care of their rural surroundings, and they also may benefit from tourist activities in their area, and these benefits are potential for their environment as well. The obtained findings confirm previous results, which also proved that care about the local tourist development is in positive correlation with the benefits of tourism for the local community. With all these matters, our paper emphasizes the findings that the more positive the general opinion and attitude of individuals and the community on tourist development in their local surroundings are, the stronger the care about the community is.

Key words: rural setting; locals; tourism impact; community-based development

INTRODUCTION

The effect of international processes on economy growth is reflected in intensity and the direction of the tourist flows, as well as in the development of special types of tourism. In the contemporary studies on the development of the international tourist trends, rural tourism has been developed as its very significant and increasing segment. An important part of rural tourism involves concept, which can be defined as community-based tourism. This concept of tourism represents a model of local community development, which places the community, economy and environment at the center of that development. It attempts to harness the effort of communities through their empowerment for the benefit of the local community. Nickerson et al. (2001) claimed that rural area is the basic resource for the development of community-based tourism and that this tourist activity relies on the city residents' need for peace and outdoor space for recreation. Despite the growing interest in community-based tourism, especially for the underdeveloped, less-developed and developing sites, this economic activity is largely defined in supply-side terms, and demand side remains a relatively under-studied area (Mtapuri et al., 2015). Nevertheless, community-based tourism cannot sustain itself without visitors, and understanding the characteristics of them is only vital for the future of community-based initiatives. The characteristics of a potential community-based tourism consumer, such as socio-demographics, psychographics, and behavior could help managers and marketers to target the right markets for successful community-based tourism development (Yilmaz and Tasci, 2013).

Agrarian production should satisfy the tourists' need for high-quality and biologically valuable food. A coordinated development of farming and community-based tourism is the basis of economic rationalization in doing business in these activities. A complementary development of farming and community-based tourism

ensures the optimal usage of working power and tourist capacities, it ensures the placement of agrarian production and the reduction of expenses, but also revitalization and stability of the development of rural regions. Besides the achievable profits, for successful business in community-based tourism, it is necessary to have knowledge in numerous economic fields. Sznajder et al. (2009) stated that ***every field of knowledge can also be an aspect of community-based tourism***, which necessarily includes organization, management, marketing and economic aspects.

THEORETICAL BASIS

The *organization of community-based tourism* means business and legal basis for business, and then security regulations and the establishment of legal framework for doing this activity. Structural organization can comprise *vertical, horizontal* and *territorial integration,* or a combination of the mentioned. The organization of community-based tourism also includes the internal structure of accommodation units in rural surroundings, i.e. the connections within that structure. Primarily, it refers to the relationship between the production and placement of raw materials which are offered to visitors (food, drinks and beverages). In this way, the balance within a unit can be achieved and a tourist offer can be defined and integrated on a micro level (on the level of a family estate and/or a facility).

The *management of community-based tourism* involves the management of logistics, products and services, as well as quality, security and adequate human resources (motivated and professional people). Special focus is on the segment of *quality,* where some of the EU countries (e.g. Austria, Belgium, Denmark) have standardized measures of quality in community-based tourism in rural areas, so that a great part of the number of accommodation units have visible labels which certify the quality of their products and services.

The *marketing of community-based tourism* represents an indispensable option in the tourist affirmation of facilities in rural tourism. Achievable through the *principle of 4P marketing mix* (product, price, promotion and purchase channels), marketing activities represent today's obligatory practice in rural tourism in many countries. The aim of marketing is to establish a well-developed and recognizable product or service (Kotler et al., 2007), and from the point of view of community-based tourism, it can be a large, even unlimited scope of offer (e.g. food, drinks and beverages, specific forms of tourist services, etc.). Also, it is necessary to mention that marketing in community-based tourism, contrary to the other travel industry fields, includes the research and analyses of residents' needs, as well as customers' expectations. It is examined in such a way that the segmentation of their preferences is done in accordance with numerous criteria (gender and age structure, average monthly income, residence, specific demands and needs, life style, etc.). Ollenburg and Buckley (2011) concluded that along with the mentioned criteria, the location of the family estate has a crucial role in the choice of marketing means.

The *economy of community-based tourism* comprises the examination of economy on regional and national level, the economy of a company, consumers and all the decision-makers (in all the structures), the economy of production and marketing, as well as the economy of planning on a state level. The economic analysis of community-

based tourism describes all the segments which are doing business in this sector, and which include all legal bodies in this field (associations, societies, private companies, etc.). The main purpose of this analysis is to discover secondary resources of financing the account holders who are involved in the development of community-based tourism (Phelan and Sharpley, 2012), i.e. the profit from the non-agricultural activities as well, such as from community-based tourism. In relation with that, Todorović and Štetić (2009) noted that in the countries with planned and developed rural tourism, the income from tourism in a farm stay accommodation cannot be higher than the income achieved by agricultural production, so that agriculture should remain the basic economic activity of a household. This is one crucial economic segment for rural communities. It is also important to mention that the segmentation of the consumers of tourist services and market research is also very important in this sphere, and that it also includes the problems of financing tourist companies, investment policy and most importantly, the well-being of local population in rural regions.

Space is an important element of the development of community-based tourism. A research by Jolly and Reynolds (2005) has shown that visitors value individual elements of space. Their study has shown that visitors from the big USA urban areas think that orchards are the most important spatial motives, more attractive than forests, pastures or fields with crops. Contrary to them, visitors from smaller USA cities consider forests the most interesting motives of rural spaces. As Sznajder et al. (2009) noted, rural tourist space can be observed in a narrower and a broader sense. In the narrow sense, it comprises a micro space of *a farm stay (the main building and subsidiary, complementary buildings)* and *surroundings* where animal husbandry and agronomy are done. In the broader sense, this space comprises closer and broader surroundings of a building, that is, *the whole area of a village district* where the building is situated. According to the same authors, visitors especially value the diversity of rural tourist space. This depends on numerous natural and anthropogenic components, which comprise the following: the terrain configuration, flora and fauna, soil composition, rural anthropogenic structures, the size of a family estate, specialization of agricultural production, and so on.

RESULTS

In ***forming products and services in tourist offer in rural areas***, it is necessary to define answers to the main questions which appear here: "who?", "what?", "to whom?", "how?", "when?" and "where?". Namely, it is important to determine who provides the services, what they offer, who they offer their services to, and how they plan their tourist development (Todorović and Štetić, 2009), and besides that, when and where the exchange of tourist products and services takes place. Thus, the main questions and answers which appear in community-based tourism planning are:

1. Who are service providers in community-based tourism? – All legal entities and individuals who own or are employed in the legal and classified tourism facilities in a rural area;

2. What do service providers offer? – All products and services which are in accordance with the expectations of visitors who practice tourist activities

(accommodation, food, drinks and beverages in a rural environment and overall events in nearer and further surroundings of the facility);

3. Whom do they offer tourist products and services? – All the visitors whose primary aim is to stay in a rural environment and all the events which follow the stay in such an environment (e.g. learning old crafts, contact with animals, preparation of local culinary specialties, etc.);

4. How do they plan tourist development? – With sustainable usage, participation and adjustment to local (or regional) values and principles, especially in respect of cultural and historic heritage of the environment, the prevention of material, non-material (local customs, beliefs, holidays, rituals, cults, etc.) and natural values;

5. When and where does community-based tourism actually take place? – This economic activity takes place during a multi-hour or multi-day stay of visitors (excursionists and/or tourists) in an accommodation unit in rural setting (along with events, services, and products which follow such an activity).

On the basis of the ***relationship between tourism and a rural region***, a model has been made which clearly shows the impact that community-based tourism has an economic aspect of a rural region (Fig. 1).

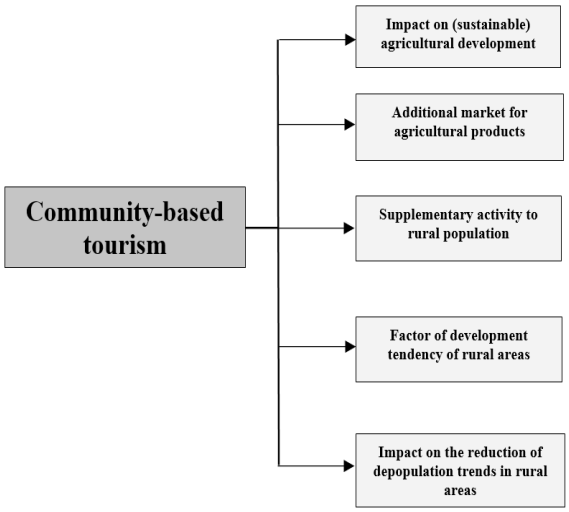


Fig. 1. Tourism-rural region correlation model /
Рис. 1. Модель корреляции между туризмом и сельской территорией

Source: Adapted according to Todorović and Štetić (2009).

It is possible to distinguish three basic types of the impact of tourism on the transformation of a rural space (Čomić, 2003).

The first type can be seen in the zones of high tourist concentration, since certain activities cannot be practiced anywhere but on a limited space, convenient for such an activity. It is most often a consequence of natural conditions and conveniences, as well as the corresponding equipment. In certain seaside and mountain settlements,

these factors lead to the extremely high concentration of tourist equipment and visitors. Such a condition can lead to the complementary relation between tourism and agriculture, as well as to their collision. In extreme cases, tourism can lead to the almost complete abandonment of agriculture by the local population and their involvement in tourist activities (even though this is most often treated as a negative effect of tourism, a thesis can be set that the total conversion may be a better solution than the total depopulation of certain rural regions, which would happen without tourist function). In the zones of high tourist concentration, agricultural activity can be seriously disturbed by a tourist function, either because most of the villagers completely abandon agriculture and focus on tourism, or only a small portion of time is dedicated to agriculture, and the rest of time to non-agricultural activities.

In the second type the tourist function has a moderate and complementary impact, because it influences the maintenance of agricultural activity. For rural population agriculture remains the dominant activity, while tourism appears as an additional source of profit and a seasonal activity (renting of rooms, higher sale of local agricultural products to visitors, etc.).

In the third type of impact, a tourist function is partly manifested, i.e. it has a secondary, subsidiary character and it does not cause a significant transformation of a region, or of events, organization and the spatial arrangement. In this case, tourism does not have a serious impact on agriculture as the basic activity in a rural space. In this respect, community-based tourism mainly supports the last-mentioned type of impact, where the locals can primarily do agriculture and additionally be involved in tourism activities.

When it comes to the ***(in)direct impacts of tourism on a local community***, this economic branch brings numerous consequences on the environment, economic and social changes. The understanding of all the components of tourism is essential for future planning, management and making business decisions and strategies. The earliest researches in this field were focused on the perception of different ways of impact of tourist development on the surroundings (Sheldon and Var, 1984; Liu and Var, 1986; Liu et al., 1987; Perdue et al., 1987). The main impacts and variables were identified, methodological approaches were developed and research instruments were defined. Globally observed, local population has in most cases recognized the positive economic effects of tourist development, but they are mostly worried about potential negative consequences on the environment and sociological issues, such as potential growth of criminal and prostitution rate, various ways of pollution, general security degradation, the growth of estate prices, traffic overcrowding, etc.

Earlier works also examined the differences in the perception of impacts among different types of residents differentiated according to numerous socio-demographic characteristics (Pizam, 1978; Liu and Var, 1986; Milman and Pizam, 1988); residence or the distance from a tourist destination (Sheldon and Var, 1984); and economic dependence on tourism according to the kind of jobs residents do (Pizam, 1978; Milman and Pizam, 1988). The mentioned researchers concluded that there were small differences in the perception of the impact of tourism, considering socio-demographic characteristics of local population. It was emphasized that the total benefit of the perception of tourist impact grew with the local residents' economic dependence on different segments of tourist economy.

During the 2000s, in attempt to prevent tensions which were the consequences of more and more negative impact of unequal and unplanned development, it was noted that communities in which tourism dominated or there was interest in it, they should plan their evolution more systematically, bearing in mind the attitudes and perceptions of local population about their growth from the very beginning. As tourist planners learned, population's negative perceptions about tourism development, from the limited and non-existent opportunities for participation in that process, could lead to dissatisfaction among visitors, and finally, to the fall in the number of visits (Reid et al., 2004). Tosun (2000) stated that target measures should be introduced carefully in order to enable local population to use the advantages of the offered opportunities within tourism development, but only if tourism goal is to achieve sustainable development. Without accepting and applying these necessary measures, tourism development could gradually lose the support of local community, which, in return, could jeopardize the sustainability of development in the future (Reid et al., 2004). Among the works which studied the impact of tourism, the development of the tourist impact assessment scale was also an important issue in establishing a theoretic basis of this phenomenon (Chen, 2000).

According to the data of the Interorganizational Committee of U.S. Department of Commerce – National Oceanic and Atmospheric Administration[1], it is necessary to reach an agreement among several factors, such as cultural, demographic, economic, social, political, and psychological. According to the mentioned statement, the above-named committee has established a model called *Social Impact Assessment (SIA),* which should simultaneously focus on the mentioned factors, use appropriate instruments and information, ensure quantification where it is possible and appropriate, and finally, present overall sociological impacts in the way to be comprehensible to all stakeholders.

DISCUSSION

In accordance with the works the aim of which was to develop the current model, numerous theorists discussed the topic of the impact of present tourist activities on the local population's attitudes. Ap and Crompton (1998), in order to improve the current ones, developed their own scale of 35 variables, which performs the monitoring of the sustainable development of community-based tourism activities. Based on these findings, the Table 1 represents the overall impact of tourism on the local community, containing both positive and negative impacts.

Economic impacts – tourism evidently affects the opening of new jobs, ensures the international goods and services exchange, stimulates new investments, and contributes to the improvement of local people's life standard and to the improvement of technology. Certainly, the most important benefit from tourism development is the economic benefit that a local community expects from tourist activities. According to such a statement, almost every examination of local population's perception of the impact of tourism involves some economic functions.

[1] *Guidelines* and Principles for Social Impact Assessment, The Interorganizational Committee on Guidelines and Principles for Social Impact Assessment, U.S. Department of Commerce, National Oceanic and Atmospheric Administration, National Marine Fisheries Service (1994) [Online], available at: http://www.st.nmfs.noaa.gov/tm/spo/spo16.pdf (Accessed April 2, 2017).

Table 1 / Таблица 1

Potential positive and negative impacts of tourism on rural surroundings / Потенциальные положительные и отрицательные последствия туризма в сельской местности

Positive economic impacts 1. Provides employment opportunities 2. Generates supply of foreign exchange 3. Increases income 4. Increases gross national products (GNP) 5. Improves an infrastructure, facilities and services 6. Raises government revenue 7. Diversifies the economy	**Negative economic impacts** 1. Causes inflation of land value 2. Raises price on food and other products 3. Frequent seasonal employment 4. Creates leakage through demand for imports 5. Diverts funds from other economic development projects
Positive social impacts 1. Creates favorite image of the country 2. Provides recreational facilities for residents as well as tourists 3. Facilities the modernization 4. Provides opportunities for additional education	**Negative social impacts** 1. Creates resentment and antagonism related to dramatic differences in wealth 2. Gives rise to overcrowding, congestion and traffic jams 3. Invites moral degradation resulting in increasing crime, prostitution, drug trafficking, etc. 4. Causes conflicts in traditional societies and values
Positive cultural impacts 1. Encourages pride in local arts, crafts and cultural expression 2. Preserves cultural heritage	**Negative cultural impacts** 1. Creates demonstration effect whereby natives imitate tourists and relinquish cultural tradition. 2. Encourage the tranquilization of crafts
Positive environmental impacts 1. Justifies environmental protection and improvement 2. Protects wildlife 3. Encourages education of value of nature-based tourism	**Negative environmental impacts** 1. Fosters water and air pollution and solid waste 2. Tramples delicate soil and beaches 3. Destroys coral and coastal dunes 4. Disrupts flora and fauna species

Source: Authors' findings according to the below mentioned studies.

Former research shows that residents think tourism helps local economy (Ritchie, 1988), affects the general increase of the life standard of a local community (Var and Kim, 1989), but also stimulates the entrance of foreign currency in a host country (Ahmed and Krohn, 1992). Furthermore, the studies have shown that tourism directly stimulates the opening of new jobs (Milman and Pizam, 1987; Var and Kim, 1989; Ahmed and Krohn, 1992; Lee et al., 1997), increases the income of numerous segments of local economy (Settina and Richmond, 1978; Lee et al., 1997), and improves the total purchasing ability (Lee et al., 1997). Services and goods of many economic activities (e.g. craftsmanship, agriculture, trade, industry, etc.) are involved in a tourist offer, which simultaneously is of use to the local population,

and it represents a general improvement of infrastructure and superstructure of the community.

However, certain theorists, such as Var and Kim (1989), noted that tourism also often leads to the employment of people out of that local community, both for the management jobs and for the executive ones. It certainly has consequences at the expense of local population. Besides, the authors agree that tourism development induces the domination of foreign products of global, multinational companies, the increase in the estate and soil value, the rise of goods and services prices, and finally, the rise of prices of basic provisions (food, clothes and footwear). Nevertheless, a great number of studies (Sheldon and Var, 1984; Liu and Var, 1986; Weaver and Lawton, 2001; Andereck et al., 2005; Kunasekaran et al., 2011) are directed to the prevailing positive effects of tourism on employment, life standard and income, which individuals and the local community get from the present tourist activities and phenomena that follow such activities.

Social (sociological and cultural) impacts – tourism influences the increase in the number of people in a tourist destination, which causes big crowds and traffic congestions. Moreover, one of the main ones "to blame" for numerous social problems, such as the rise in the rate of poverty, crime and overconsumption of alcohol, prostitution, hazardous games, etc., which results in devastation of local, traditional culture, customs and the beliefs of the community (Var and Kim, 1989; Ahmed and Krohn, 1992). On the other hand, Liu and Var (1986) highlighted the fact that tourism significantly contributes to the building of numerous places and organizing cultural events, such as theatres, concerts, cinemas, theme museums, but also the possibilities of additional sports activities and recreation (e.g. cultivation and designing green areas, bicycle and pedestrian lanes, renting sports and recreational inventory etc.).

The following examples show positive and negative sides of social impacts of tourism. The authors Tyrrell and Spaulding (1984) have concluded that local population of Rhode Island, USA, think that tourism is responsible for traffic overcrowding, lack of parking space and crowds in department stores and on markets. Numerous other researches show that crowds in traffic are the main problem caused by tourist activities (Keogh, 1990; Prentice, 1993). However, contrary to this statement, the inhabitants of Florida, USA, claimed that problems in traffic will not be solved by the absence of tourist activities (Davis et al., 1988). Besides that, the work of public services is of crucial importance for the efficient functioning of all the activities in the destination. Keogh (1990) stated that there is a significant relation between residents' satisfaction with local public services and tourism development, i.e. residents believe that tourism development encourages the functioning of public services. Moreover, in some parts of the world there is a significant process of acculturation, and so, local culture and customs in non-developed countries are modified under the influence of the developed, most often Western European countries, the USA and Canada (Liu and Var, 1986; Weaver and Lawton, 2001; 2006). A situation has appeared that in certain destination traditional dances and songs are simulated in order to attract tourists' attention. However, it is also interesting to mention the significance of mutual influence that a local community has on tourist development and the development of a community under the influence of tourism,

where the importance of progressive changes and development is emphasized on both sides (Aref et al., 2010).

The impact on the environment – the researches have shown that, almost equally, there are positive and negative examples all around the globe. According to Var and Kim (1989), tourism contributes to the creation of perspective and awareness about the need of the environment protection in its authentic form, but it also encourages the infrastructure investments to tourist affirmation of natural and cultural heritage of a local community (e.g. visitors' centers, watchtowers, so-called "health paths", information boards, "schools in nature", etc.). Also, tourism belongs to the so-called "clean economic branches", without characteristic, direct ways of pollution, which accompany other forms of economic development in a local community (e.g. intensive agriculture, mining or metal industry). Perdue et al. (1987) claimed that locals agree with the statement that tourism contributes to the improvement of their local environment and the surrounding area appearance. The researches by Ritchie (1988) showed that 91% of the examinees agree that tourist activities have a positive effect on the life quality and on the maintenance of local sights, while as many as 93 % of the examinees believe that tourism improves the quality of natural heritage management.

However, many authors also mention numerous negative cases of the impact of tourism on the environment pollution, such as devastation of natural resources, noise, and damaging cultural heritage (Var and Kim, 1989; Ahmed and Krohn, 1992; Andereck and Vogt, 2000). The results of researches on Virgin Island, USA, showed that there has been water pollution and the increase of rubbish on the beaches (Settina and Richmond, 1978), while the examinees from Cape Code, Massachusetts, USA, think that tourism influenced the rise of noise and rubbish, and that it contributed to the general pollution of water and air (Pizam, 1978). On the island of Jersey, Channel Islands, UK, during the main summer season, the number of cars is up to 10 times larger than the usual, which causes the rise of noise and air pollution (Romeril, 1985). The same happens to water resources, which represent one of the primary tourist motives for a visit, and they are often liable to pollution. Besides the mentioned, the products of tourist economy make great amounts of solid refuse, so that hospitality facilities, traffic companies and visitors themselves leave behind loads of rubbish which is very often not easily degradable. The problem is far more obvious in developing countries where the absence of sustainable refuse management and adequate recycling measures is extremely apparent (Andereck and Vogt, 2000). Lankford and Howard (1994) emphasized the fact that the majority of the examinees in their research believe that the visitors are to blame for the increase of refuse and for the general untidiness of public places.

Even though in the recent years, tourism shows a "protective" attitude towards the environment, and especially towards flora and fauna, the understanding of this issue is still quite limited. Liu et al. (1987) claimed that the residents of Hawaii, USA, think the financial profit from tourism is more important than the environment protection, while, on the contrary, the residents of the northern part of Wales, UK, support the theory that tourism has significantly damaged the environment and that it should be limited to the level of bearing capacity (Sheldon and Var, 1984). However, it can be stated that long-term tourism planning can control the impact of tourism on the environment, through the strategy of sustainable tourist development.

CONCLUSION

Community-based tourism, as a concept of tourism of special, selective interests has still not acquired the proportions of mass tourism anywhere in the world, and that is why it cannot be widely spoken about the consequences of tourist activities. It is a fact that visitors, who participate in this activity, are largely the "lovers" of rural space, which leads to the assumption that their awareness of the protection of cultural-historic and natural resources is most often high or even very high. All the above mentioned speaks in favor of the fact that community-based tourism in most of the countries represents the opposite to mass, conventional aspects of tourism such as seaside, mega event, urban, skiing tourism, etc.

The findings pointed to the conclusion that the development of rural territories is possible under well planned and professionally organized community-based tourism. Together with these, the study came to the conclusion that the locals care of their rural surroundings and they also may benefit from tourist activities in their area, and these benefits are potential for their environment as well. The obtained findings confirm previous results, which also proved that care about the local tourist development is in positive correlation with the benefits of tourism for the local community. On the other hand, results indicated that the higher the negative effect of tourism is, the higher the opinion on tourist development of the locals is, and that the higher the care about the area is, the easier it is to recognize the potential negative effects, and vice versa. With all these matters, our paper emphasizes the findings that the higher the general opinion and attitude of an individuals and the community on tourist development in their local surroundings are, the higher the care about the community is. These statements in fact describe the general aspects of possible tourism impact, as well as its effect on the everyday living of locals in rural areas.

ACKNOWLEDGEMENTS

The research was supported by the Ministry of Education, Science and Technological Development, Republic of Serbia (Grant III 47007) and by Tomsk Polytechnic University, Russian Federation (14.Z50.31.0029 from March 19, 2014).

References

Ahmed, Z. U. and Krohn, F. B. (1992), "Marketing India as a tourist destination in North America – challenges and opportunities", *International Journal of Hospitality Management*, vol. 11, no. 2, pp. 89–98.

Andereck, K. L. and Vogt, C. A. (2000), "The relationship between residents' attitudes toward tourism and tourism development options", *Journal of Travel Research*, vol. 39, no. 1, pp. 27–36.

Andereck, K. L., Valentine, K. M., Knopf, R. C. and Vogt, C. A. (2005), "Residents' perceptions of community tourism impacts", *Annals of Tourism Research*, vol. 32, no. 4, pp. 1056–1076.

Ap, J. and Crompton, J. L. (1998), "Developing and testing a tourism impact scale", *Journal of Travel Research*, vol. 37, no. 2, pp. 120–130.

Aref, F., Gill, S. S. and Aref, F. (2010), "Tourism development in local communities: As a community development approach", *Journal of American Science*, vol. 6, pp. 155–161.

Chen, J. S. (2000), "An investigation of urban residents' loyalty to tourism", *Journal of Hospitality and Tourism Research*, vol. 24, no. 1, pp. 21–35.

Čomić, Đ. (2003), "Prostorno-planski modeli razmeљtaja turizma u ruralnoj sredini", in *Zbornik radova sa skupa Ruralni turizam i odrћivi razvoj Balkana*, Kragujevac, Sebia.

Davis, D., Allen, J. and Cosenza, R. M. (1988), "Segmenting local residents by their attitudes, interests and opinions toward tourism", *Journal of Travel Research,* vol. 27, no. 2, pp. 2–8.

Jolly, D. and Reynolds, K. (2005), *Consumer demand for agricultural and on-farm nature tourism*, Small Farm Center, University of California, Davis, CA, USA.

Keogh, B. (1990), "Public participation in community tourism planning", *Annals of Tourism Research*, vol. 17, no. 3, pp. 449–465.

Kotler, P., Brown, L., Adam, S., Burton, S. and Armstrong, G. (2007), *Marketing (7th Ed.),* Pearsons Education Australia, Frenchs Forest (N.S.W.), Australia.

Kunasekaran, P., Ramachandran, S., Yacob, M. R. and Shuib, A. (2011), "Development of farmers' perception scale on agro tourism in Cameron Highlands, Malaysia", *World Applied Sciences Journal (Special Issue of Tourism and Hospitality)*, vol. 12, pp. 10–18.

Lankford, S. V. and Howard, D. R. (1994a), "Developing a tourism impact attitude scale", *Annals of Tourism Research,* vol. 21, no. 1, pp. 121–139.

Lee, C. C., Backman, K. and Backman, S. (1997), "Understanding antecedents of repeat visitation and tourists' loyalty to a resort destination", *The 1997 Travel and Tourism Research Association Annual (TTRA) Conference*, Boulder, CO, USA.

Liu, J. C. and Var, T. (1986), "Resident attitudes toward tourism impacts in Hawaii", *Annals of Tourism Research*, vol. 13, pp. 193–214.

Liu, J. C., Sheldon, P. J. and Var, T. (1987), "Resident perceptions of the environmental impacts of tourism", *Annals of Tourism Research*, vol. 14, pp. 17–37.

Milman, A. and Pizam, A. (1988), "Social impacts of tourism on Central Florida", *Annals of Tourism Research,* vol. 15, pp. 191–204.

Mtapuri, O., Giampiccoli, A. and Jugmohan, S. (2015), "Community-based tourism affinity index: a visitor's approach", *African Journal of Hospitality, Tourism and Leisure*, vol. 4, no. 2, pp. 1–13.

Nickerson, N. P., Black, R. J. and McCool, S. F. (2001), "Agritourism: motivations behind farm-ranch business diversification", *Journal of Travel Research*, vol. 40, no. 1, pp. 19–26.

Ollenburg, C. and Buckley, R. (2011), "Which farmers turn to tourism? A continental-scale analysis", *Tourism recreation research,* vol. 36, no. 2, pp. 127–140.

Perdue, R. R., Long, P. T. and Allen, L. (1987), "Rural resident tourism perceptions and attitudes", *Annals of Tourism Research*, vol. 14, no. 3, pp. 420–429.

Phelan, C. and Sharpley, R. (2012), "Exploring entrepreneurial skills and competencies in farm tourism", *Local Economy*, vol. 27, no. 2, pp. 103–118.

Pizam, A. (1978), "Tourist impacts: The social costs to the destination community as perceived by its residents", *Journal of Travel Research*, vol. 16, no. 4, pp. 8–12.

Prentice, R. (1993), "Community-driven tourism planning and residents' preferences", *Tourism Management*, vol. 14, no. 3, pp. 218–227.

Reid, D., Mair, H. and George, W. (2004), "Community tourism planning, A self-assessment instrument", *Annals Of Tourism Research,* vol. 31, no. 3, pp. 623–639.

Ritchie, J. R. B. (1988), "Consensus policy formulation in tourism: measuring resident views via survey research", *Tourism Management,* vol. 9, no. 3, pp. 199–212.

Romeril, M. (1985), "Tourism and the environment: Towards a symbiotic relationship", *International Journal of Environmental Studies*, vol. 25, pp. 215–218.

Settina, R. J. and Richmond, B. O. (1978), "U.S. Virgin Islanders' perceptions of tourism", *Journal of Travel Research,* vol. 17, no. 1, pp. 30–31.

Sheldon, P. J. and Var, T. (1984), "Resident attitudes to tourism in North Wales", *Tourism Management,* vol. 5, pp. 40–47.

Sznajder, M., Przezborska, L. and Scrimgeour, F. (2009), *Agritourism*, CABI Publishing, Wallingford, UK.

Todorović, M. and Štetić, C. (2009), *Ruralni turizam,* Forma B, Belgrade, Serbia.

Tosun, C. (2000), "Limits to community participation in the tourism development process in developing countries", *Tourism Management,* vol. 21, no. 6, pp. 613–633.

Tyrrell, T. and Spaulding, I. A. (1984), "A Survey of attitudes toward tourism growth in Rhode Island", *Hospitality Education and Research Journal*, vol. 8, no. 2, pp. 22–33.

Var, T. and Kim, Y. (1989), *Measurement and Findings on the Tourism Impact*, Unpublished paper. Department of Recreation, Park and Tourism Sciences, College Station (TX, USA), Texas A&M University, TX, USA.

Weaver, D. and Lawton, L. (2001), "Resident perceptions in the urban-rural fringe", *Annals of Tourism Research*, vol. 28, no. 2, pp. 439–458.

Weaver, D. and Lawton, L. (2006), *Tourism Management*, John Wiley and Sons, Milton, LA, USA.

Yilmaz, S. S. and Tasci, A. D. A. (2013), "Community based tourism for who? Profiling consumers", *Conference on Tourism and Hospitality: The highway to Sustainable Development*, June, 28–30, Yerevan, Armenia.

Information about authors

Marko D. Petrović – Ph.D., Research Associate, Geographical Institute "Jovan Cvijić" of the Serbian Academy of Sciences and Arts (SASA), 9 Djure Jakšića, Belgrade, 11000, Serbia

ORCID: 0000-0002-6561-0307

ResearcherID: I-3554-2016

E-mail: m.petrovic@gi.sanu.ac.rs

Milan Radovanović – Ph.D., Principal Research Fellow, Full Professor, Geographical Institute "Jovan Cvijić" of the Serbian Academy of Sciences and Arts (SASA), 9 Djure Jakšića, Belgrade, 11000, Serbia, Institute of Sports, Tourism and Service, South Ural State University, 76 Lenin ave., Chelyabinsk, 454080, Russia

ORCID: 0000-0002-9702-3879
ResearcherID: F-4687-2012
E-mail: m.radovanovic@gi.sanu.ac.rs

Natalia Vuković – Ph.D., Full Professor, Faculty of Economics and Management, Ural State Forest Engineering University (USFEU), 37 Sibirskii trakt, Yekaterinburg, 620100, Russia
ORCID: 0000-0002-4593-2835
ResearcherID: M-9931-2016
E-mail: shpak17121978@gmail.com

Aleksandra Vujko – Ph.D., Professor of Professional Studies, Novi Sad Business School, 4 Vladimira Perića Valtera, Novi Sad, 21000, Serbia
ORCID: 0000-0001-8684-4228
ResearcherID: H-9686-2017
E-mail: aleksandravujko@yahoo.com

Darko Vuković – Ph.D., Research Associate, Full Professor, Geographical Institute "Jovan Cvijić" of the Serbian Academy of Sciences and Arts (SASA), 9 Djure Jakšića, Belgrade, 11000, Serbia, Institute of Social-Humanitarian Technologies, Tomsk Polytechnic University, 30 Lenin ave, Tomsk, 634050, Russia
ORCID: 0000-0002-1165-489X
ResearcherID: G-9374-2016
E-mail: d.vukovic@gi.sanu.ac.rs

Received April 12, 2017

УДК 338.48
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-253-268

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ТУРИЗМА

Марко Д. ПЕТРОВИЧ
Географический институт "Йован Цвиич" Сербской академии наук и искусств (САНИ), 9 Джура Якшич, Белград, 11000, Сербия
ORCID: 0000-0002-6561-0307
ResearcherID: I-3554-2016
E-mail: m.petrovic@gi.sanu.ac.rs

Милан РАДОВАНОВИЧ
Географический институт "Йован Цвиич" Сербской академии наук и искусств (САНИ), 11000, Сербия, Белград, Джура Якшич, 9

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»,
454080, Россия, Челябинск, просп. Ленина, 76
ORCID: 0000-0002-9702-3879
ResearcherID: F-4687-2012
E-mail: m.radovanovic@gi.sanu.ac.rs

Наталия ВУКОВИЧ
ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет (УГЛТУ), 620100, Россия, Екатеринбург, ул. Сибирский тракт, 37
ORCID: 0000-0002-4593-2835
ResearcherID: M-9931-2016
E-mail: shpak17121978@gmail.com

Александра ВУЖКО
Бизнес школа в городе Нови-сад, 21000, Сербия, Нови-сад, ул. Владимира Перича Вальтера, 4
ORCID: 0000-0001-8684-4228
ResearcherID: H-9686-2017
E-mail: aleksandravujko@yahoo.com

Дарко ВУКОВИЧ
Географический институт "Йован Цвиич" Сербской академии наук и искусств (САНИ), 11000, Сербия, Белград, Джура Якшич, 9
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», 634050, Россия, Томск, просп. Ленина, 30
ORCID: 0000-0002-1165-489X
ResearcherID: G-9374-2016
E-mail: d.vukovic@gi.sanu.ac.rs

Для цитирования:
Petrović M. D., Radovanović M., Vuković N., Vujko A., Vuković D. Development of rural territory under the influence of community-based tourism // Ars Administrandi. 2017. Vol. 9, № 2. P. 253–268. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-253-268.

Введение: в статье рассматриваются актуальные вопросы развития сельских территорий в контексте туристической деятельности на уровне муниципалитета. В исследовании представлен краткий обзор имеющихся знаний в области муниципального туризма, включая такие аспекты, как организация, управление, продвижение и экономический аспект. В статье даны ответы на вопросы: кто предоставляет услуги, что они предлагают, кому они предлагают свои услуги и как планируют развитие туризма в сельской местности. Самой актуальной проблемой для местных жителей является понимание возможных как положительных, так и отрицательных последствий развития туризма, от экономических до социально-культурных и экологических перспектив.

Цель: провести анализ влияния туризма на местных жителей в обычной сельской территории. Как индивидуальные и / или общественные выгоды соотносятся с поддержкой развития туризма? Каким образом коррелирует развитие туризма с общим отношением к туризму? И как последствия развития туризма влияют на поддержку туризма со стороны местного сообщества? Поэтому в статье будут объяснены общие аспекты воздействия туризма, а также его влияние на сельских жителей.

В исследовании применяются **методы** теоретического анализа (системный анализ, от абстрактного к конкретному, идеализация и т.д.), а также методы эмпирического анализа (метод экспертной оценки, сравнение, аналогия и генерализация).

Результаты: в соответствии с полученными результатами описаны как положительные, так и отрицательные последствия развития туризма. С точки зрения экономики развитие туризма на муниципальном уровне обеспечивает новые рабочие места, диверсификацию местной экономики, увеличивает доход и ВНП, но также может привести к росту стоимости земли, цен на продовольствие и на другие товары, повышению спроса на сезонных работников. Результаты исследования говорят о том, что, с одной стороны, социально-культурные последствия развития туризма могут проявляться в формировании положительного образа сельской территории, в расширении возможностей дополнительного образования и увеличении мест отдыха для местных жителей, в сохранении местного культурного наследия. Однако, с другой стороны, развитие туризма может вызвать недовольство и враждебность со стороны местных жителей, связанных с драматической разницей в уровне благосостояния, привести к перенаселению, дорожным пробкам, создать конфликт в традиционных сообществах и ценностях или даже породить эффект демонстрации, когда местные жители подражают туристам и отказываются от своих традиций. Кроме того, результаты исследования указывают на то, что развитие муниципального туризма может обеспечить наиболее оптимальную охрану окружающей среды, например, сохранение дикой природы, экологическое просвещение, а также контроль за загрязнением воды и воздуха, твердыми отходами, за чувствительной к внешним изменениям почвой или сохранением флоры и фауны.

Заключение: развитие сельских территорий возможно в контексте развития четко спланированного и организованного муниципального туризма. Авторы исследования пришли к выводу, что местное население проявляет заботу об окружающей их среде, и они также могут извлечь пользу от туризма, развивающегося на их территории, причем подобная польза будет очевидной и для окружающей среды. Полученные результаты исследования подтверждают выводы предыдущих работ, в которых также отмечается положительная взаимосвязь между заботой о развитии местного туризма и пользой туризма для местного сообщества. Чем более положительным является отношение жителей и сообщества к развитию туризма на местной территории, тем больше проявляется забота о сообществе.

Ключевые слова: сельские территории; местные жители; влияние туризма; развитие на уровне муниципалитета

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования, науки и технологического развития Республики Сербия (грант III 47007) и ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет» (№ 14.Z50.31.0029 от 19 марта 2014 года).

Статья получена 12 апреля 2017 года

УДК 314.9
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-269-288

ФОРМИРОВАНИЕ РАССЕЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КРУПНЕЙШЕГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА)

О. А. КОЗЛОВА
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия

М. Н. МАКАРОВА
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия

Для цитирования:
Козлова О. А., Макарова М. Н. Формирование расселения на основе результатов демографического прогнозирования крупнейшего города (на примере Екатеринбурга) // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Том 9, № 2. С. 269–288. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-269-288.

Введение: в статье рассмотрены вопросы формирования структуры расселения и связанного с ним нормирования объектов социальной инфраструктуры в городе Екатеринбурге на основе учета результатов прогнозирования демографических процессов.

Цель: разработать методический инструментарий прогнозирования численности и структуры населения на уровне жилых микрорайонов крупнейшего города и обосновать зоны нормирования объектов социальной инфраструктуры в зависимости от демографических процессов.

Методы: общенаучные методы: сравнительный анализ; методы демографического прогнозирования: когортно-компонентный метод, экстраполяция, метод экспертных оценок; статистические методы.

Результаты: проведена оценка перспективных демографических процессов, происходящих на уровне 66 микрорайонов Екатеринбурга. Обоснованы две зоны нормирования объектов социальной инфраструктуры. Обоснована типология микрорайонов по критериям динамики темпов роста, характера изменения возрастной структуры населения и плотности населения.

Выводы: зонирование микрорайонов города по прогнозной оценке динамики и характера демографических процессов позволяет муниципалитету определять перспективные направления развития социальной инфраструктуры города и его микрорайонов, повышать эффективность реализуемых управленческих решений по формированию качества городской среды и жизни населения.

Ключевые слова: система расселения; город; демографическое прогнозирование; социальная инфраструктура; микрорайоны города

ВВЕДЕНИЕ

Система расселения оценивается в качестве одного из ведущих факторов формирования социально-экономического пространства города.

© Козлова О. А., Макарова М. Н., 2017

При этом качество городской среды является важнейшей составляющей системы средств эмоционального воздействия на человека. Недочеты на этапах проектных работ порождают трудности в организации пространственной структуры городской среды, негативно влияя на уровень и качество жизни горожан. В связи с этим одним из важнейших факторов, определяющих качество жизни, становится учет на этапах обустройства городской среды перспективной динамики численности и возрастной структуры населения.

Указанные выше обстоятельства, а также активная реализация Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» привели к необходимости актуализации Стратегии социально-экономического развития Екатеринбурга и его жилых микрорайонов до 2035 года. В процессе выполнения научно-исследовательской работы по обоснованию концепции развития жилых микрорайонов Екатеринбурга до 2035 года нами был разработан демографический прогноз каждого микрорайона, представленный в разрезе различных социально-демографических групп, а также проанализирована степень обеспечения пространства жилых микрорайонов объектами социальной инфраструктуры. В результате были выявлены несоответствия численности и состава населения, с одной стороны, объему услуг социальной сферы – с другой. Таким образом, вопрос обоснования подходов к нормированию объектов социальной инфраструктуры в условиях увеличения в перспективе численности населения является актуальной исследовательской задачей.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Довольно часто в современной научной литературе встречаются публикации по проблемам демографического прогнозирования на основе учета миграционных процессов как в сельских, так и городских территориях, обусловливающих рост численности городского населения и изменение его возрастной структуры, как правило, в связи с постарением (Hall, 2015; Swiaczny, 2015; Hank and Erlinghagen, 2014). Одно из важнейших направлений в этих исследованиях связано с прогнозной оценкой половозрастных дисбалансов в численности населения городских и сельских территорий как фактора, ограничивающего возможности их устойчивого развития (Nikitovic, 2016; Timár and Velkey, 2016; Wiest, 2016). В рамках данного направления исследований также используются модели местного демографического моделирования (LDS), разрабатываемые для прогнозирования численности населения в небольших районах с учетом задач городского планирования. Например, как свидетельствует исследование, проведенное в Монреальской агломерации, на основе анализа и прогноза таких показателей, как доля населения в возрасте 65 лет и старше в муниципалитете и темпы роста этого населения, во многих муниципалитетах, в основном расположенных в быстро растущих пригородах, будет наблюдаться значительный рост численности пожилых людей, вызванный старением семей, которые в настоящее время перемещаются в эти районы (Marois and Belanger, 2015). Другие муниципалитеты, в основном более старые пригороды, где урбанизация более сильна, также будут иметь в структуре населения к 2031 году высокую долю пожилых людей, но без зна-

чительного роста их численности, что подтверждается многочисленными исследованиями (Swiaczny, 2010; Wilson, 2017). Близкие к данному направлению исследования рассматривают перспективы расселения с позиции формирующихся потоков миграции городского населения из центральных районов в более отдаленные, обусловленные в основном тенденцией старения населения. С этой целью разрабатываются прогнозы, основанные на учете текущих демографических тенденций и масштабов миграционных потоков, идущих в пределах городских границ (Wilson, 2015; Leibert and Golinski, 2016).

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прогноз расселения представляет собой научно обоснованную перспективную оценку численности и состава населения на основе демографических процессов (Рыбаковский, 2003). Как правило, для разработки долгосрочного демографического прогноза используется комплексный методический инструментарий, в основе которого лежит когортно-компонентный метод (метод передвижки возрастов) (Лещенко, 2011; Нифантова, 2013), дополненный методами экстраполяции, экспертных оценок и математического моделирования (Левочкин, 2008; Тихомиров, 2005; Халафян и Ракачев, 2013; Cappelen et al., 2015; De Beer, 1997; Gorbey et al., 1999; Reinhold and Thomsen, 2015; Rogers, 1995; Smith, 1997). Такой прогноз позволяет учесть половозрастную и социальную структуру населения по фиксированному набору признаков (Rayer and Smith, 2010).

Прогнозная оценка основных тенденций развития демографической ситуации в жилых микрорайонах города на перспективу сделана исходя из характера демографических процессов последнего десятилетия в Екатеринбурге, а также демографических предпосылок более ранних лет. В основе прогноза лежит предположение о сформированности достаточно устойчивой модели репродуктивного поведения населения, когда семьи имеют одного или двух, намного реже трех детей, которая характерна сегодня для большинства европейских стран.

Городское расселение населения является результатом процессов распределения и перераспределения населения в городской системе административных и жилых районов. Предложенный сценарий предполагает относительную стабилизацию общей численности населения при его сокращении в трудоспособном возрасте к концу прогнозируемого периода. Коэффициент общей рождаемости и смертности заложен на основе гипотезы улучшения социально-экономической ситуации в городе и учитывает действие мер по снижению смертности и стимулированию рождаемости, проводимых в рамках реализации федеральных и региональных программ модернизации здравоохранения, а также дополнительных мер на региональном уровне в целях повышения рождаемости за счет вторых, третьих и последующих рождений. Данный сценарий также учитывает миграционный прирост населения на уровне 10 тыс. чел. ежегодно преимущественно молодых возрастных групп, который является основным источником роста численности населения города и сдерживания процесса постарения населения.

Методика разработки прогноза демографического развития микрорайонов города Екатеринбурга включает в себя несколько этапов.

I этап. На основе данных паспортных столов, анализа жилищного фонда и карты города 2GIS формируется перечень жилых микрорайонов, проводится

оценка численности и половозрастной структуры (далее – ПВС) населения в каждом микрорайоне, оценка динамики показателей рождаемости и смертности, а также миграционной активности населения.

II этап. Разработка демографического прогноза г. Екатеринбурга до 2035 года на основе базового сценария методом передвижки возрастов (закладывается гипотеза о незначительном повышении возрастных коэффициентов рождаемости и снижении смертности населения в трудоспособных возрастах, ежегодном сальдо миграционного прироста в размере 10 тыс. чел. преимущественно трудоспособного возраста). Прогноз осуществляется в разрезе 5-летних половозрастных групп населения по 5-летним временным периодам.

III этап. Оценка распределения миграционного притока по жилым микрорайонам города на основе учета двух групп показателей:

– рейтинг микрорайонов Екатеринбурга по субъективным оценкам населения (по результатам опроса населения города);

– рейтинг микрорайонов по доступности покупки и аренды жилья (по результатам анализа цен на покупку и аренду жилых помещений).

Предполагаемое сальдо миграционного прироста (10 тыс. чел.) распределяется по микрорайонам соответственно полученным рейтингам и при необходимости корректируется методом экспертного оценивания.

IV этап. Расчет демографического прогноза для жилых микрорайонов города Екатеринбурга до 2035 года осуществляется с применением комплекса методов в разрезе 5-летних возрастных групп населения по 5-летним временным периодам:

1) когортно-компонентный метод используется при прогнозировании ПВС населения жилых микрорайонов с численностью свыше 4 тыс. чел. (передвижка возрастов осуществляется с учетом показателей рождаемости и смертности, заложенных при прогнозировании демографического развития Екатеринбурга в целом при реализации II этапа методики; миграционный прирост закладывается согласно оценкам, полученным при реализации III этапа методики);

2) методы экстраполяции и экспертного оценивания используются при оценке прогнозной численности населения и ее структуры для жилых микрорайонов с численностью населения менее 4 тыс. чел. (исходной точкой является текущее пространственное распределение населения; учитываются перспективные направления строительства жилья и развития инфраструктуры).

При этом суммарная численность и структура населения должны совпасть с ПВС Екатеринбурга в целом, полученной в результате реализации II этапа методики.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ статистических[1] и картографических[2] данных о размещении населения по территории муниципального образования (далее – МО) «Город Екатеринбург» позволил выделить 66 жилых микрорайонов, а также оценить

[1] Текущая численность и половозрастная структура населения рассчитаны на основе данных паспортных столов, предоставленных Администрацией города Екатеринбурга.

[2] *Карты* 2GIS [Электронный ресурс]. URL: https://2gis.ru/ekaterinburg (дата обращения: 17.01.2017).

текущую и перспективную численность населения и динамику отдельных показателей демографического развития жилых микрорайонов гоорода (табл. 1).

К наиболее крупным микрорайонам (более 100 тыс. чел.) относятся Уралмаш, Юго-Западный, Центральный и Эльмаш, которые сохранят за собой первые четыре места по численности и в долгосрочной перспективе. 24 микрорайона имеют численность населения от 10 до 100 тыс. чел., к концу прогнозного периода к ним добавятся еще 3. Группа микрорайонов с численностью населения 4–10 тыс. чел. вырастет с 9 до 11, причем следует отметить, что 7 микрорайонов преодолеют отметку в 4 тыс. жителей. В целом же пространственная структура размещения населения по территории МО «Город Екатеринбург» будет на протяжении 20 лет достаточно стабильной, а изменения – незначительными, связанными в основном с динамикой качества городской среды в отдельных микрорайонах.

В наиболее общем виде расселение представляет собой распределение населения по территории в процессе формирования новых и развития существующих населенных мест с учетом размещения мест приложения труда, быта и отдыха (Тихомиров, 2005). Важнейшим требованием эффективной градостроительной политики является последовательная ориентация на достижение целей стратегического социально-экономического развития, которые тесно связаны с постоянным ростом благосостояния жителей города. В этой связи в качестве существенного критерия развития населенных мест часто рассматривается устойчивость их систем, под которой понимается способность их планировочной, социальной, экономической и прочей организации сохранять динамическое равновесие в ходе значительных количественных и качественных изменений процесса их развития (Смоляр, 2004).

В социальном аспекте совершенствование расселения требует создания жителям всех микрорайонов города относительно равных и благоприятных возможностей выбора видов экономической деятельности, получения образования, проведения досуга, приобщения к культурным ценностям, улучшения экологических условий жизни, сохранения здоровья и работоспособности.

В этом плане весьма показательно восприятие жителями преимуществ и недостатков некоторых жилых микрорайонов Екатеринбурга[3]. Так, для комфортного проживания наиболее часто жителями микрорайонов отмечается важность следующих факторов:

– наличие развитой социальной инфраструктуры, в первую очередь, детских дошкольных учреждений и школ;
– обеспеченность спортивными комплексами;
– наличие удобных, тихих дворов с зелеными насаждениями и детскими площадками;
– наличие парковочных мест;
– возможность быстро добраться до работы и магазинов;
– отсутствие активного автомобильного движения;
– доступность и разнообразие видов общественного транспорта.

[3] По результатам опроса на сайте «Не сидится. Клуб желающих переехать» [Электронный ресурс]. URL: http://nesiditsa.ru/city/ekaterinburg (дата обращения: 01.02.2017).

Таблица 1 / Table 1

Распределение текущей и перспективной численности населения жилых микрорайонов МО «Город Екатеринбург» на конец года, тыс. чел. / Distribution of the current and future population in the living districts of Yekaterinburg by the end of the year, thousand people

№ п/п	Микрорайон	Численность населения		№ п/п	Микрорайон	Численность населения	
		2015	2035			2015	2035
1	Уралмаш	180,6	191,1	36	Совхозный	4,5	9,9
2	Юго-Западный	123,7	130,2	37	Шабровский	4,2	10,4
3	Центральный	105,1	113,2	38	Калиновский	3,6	8,3
4	Эльмаш	102,2	111,6	39	Садовый	3,2	7,5
5	ВИЗ	94,7	108,0	40	Семь ключей	3,2	7,4
6	Пионерский	89,1	96,3	41	Северка	3,0	6,9
7	Сортировка	80,9	89,9	42	Рудный	2,9	6,7
8	ЖБИ	63,5	74,2	43	Мичуринский	1,9	4,4
9	Автовокзал	57,9	69,7	44	Изоплит	1,8	4,1
10	Вторчермет	55,0	68,2	45	Нижне-Исетский	1,6	3,6
11	Химмаш	46,5	55,2	46	Палникс	1,4	3,1
12	Ботаника	46,4	52,5	47	Шувакиш	1,0	2,3
13	Втузгородок	43,8	57,9	48	Полеводство	0,9	2,1
14	Новая Сортировка	36,7	37,4	49	Сысертский	0,8	1,9
15	Уктус	35,8	45,4	50	Медный	0,6	1,4
16	Академический	35,3	39,6	51	Чусовское	0,6	1,3
17	Заречный	28,8	35,2	52	Московский	0,5	1,3
18	Парковый	19,5	19,5	53	Карасьеозерский	0,5	1,2
19	Компрессорный	19,3	28,0	54	пос. Широкая речка	0,4	0,9
20	Кольцово	19,0	25,8				
21	Елизавет	17,6	29,1	55	Палкино	0,3	0,7
22	Вокзальный	17,5	17,8	56	Сулимовский торфяник	0,2	0,5
23	Южный	16,4	16,7				
24	Шарташский рынок	14,1	14,1	57	пос. Семь ключей	0,2	0,4
25	Синие Камни	12,6	18,6	58	Березит	0,1	0,3
26	Шинный	12,3	12,5	59	Зеленый бор	0,1	0,3
27	Широкая речка	11,3	18,8	60	Палкинский торфянник	0,10	0,2
28	Лечебный	10,0	10,0				
29	УНЦ	8,2	8,3	61	Верхнемакарово	0,09	0,2
30	РТИ	8,0	8,1	62	Глубокое	0,06	0,13
31	Керамика	7,7	7,8	63	Ягодный	0,05	0,11
32	Исток	5,5	9,8	64	Мостовка	0,03	0,06
33	Горный щит	5,3	10,8	65	Козловский	0,03	0,06
34	Шарташ	4,8	16,4	66	Приисковый	0,02	0,05
35	Птицефабрика	4,6	9,1		Екатеринбург	1477,7	1744,5

Из наиболее негативных факторов отмечаются:

– плохое состояние дорог и постоянные пробки на дорогах;
– оживленное движение, шум от транспорта в любое время суток;
– отсутствие удобных маршрутов общественного транспорта;
– высокие цены на жилье;
– плохая экология из-за близости производственных предприятий и оживленного транспортного движения.

Для отражения характера пространственной дифференциации населения по территории города может быть применен ряд количественных показателей. Одним из самых распространенных является показатель плотности населения, характеризующий характер размещения населения. Как свидетельствуют данные в разрезе микрорайонов, население на территории города размещено очень неравномерно. Самая высокая плотность населения в 2015 году отмечена в таких микрорайонах, как Ботаника (15705 чел./км^2), Новая сортировка (11299 чел./км^2), Парковый (11267 чел./км^2), Синие Камни (10488 чел./км^2). Самая низкая плотность – в Зеленом бору (50 чел./км^2), Верхнемакарово (63 чел./км^2), Медный (95 чел./км^2).

Также представление о характере расселения можно получить с помощью индекса территориальной концентрации населения (ИК), который характеризует количественную оценку степени равномерности или неравномерности размещения населения по территории города. Использовав этот индекс для расчетов по всем крупным территориальным единицам страны, специалисты выделяют пять основных ступеней размещения населения: 1) равномерное (ИК – до 20); 2) неравномерное (ИК – 20–25); 3) значительно неравномерное (ИК – 25–33; 4) существенно неравномерное (ИК – 30–50); 5) резко неравномерное (ИК – свыше 50) (Поросенков, 1977).

Степень равномерности размещения населения можно оценить через расчет ИК, определяемого по формуле

$$ИК = 0,5*\Sigma |Si - Pi|,$$

где ИК – индекс территориальной концентрации населения;

Si и Pi – доля площади и доля населения i-го микрорайона в общей площади города.

Например, в Свердловской области в 2014 году при плотности населения в 22,3 чел./км^2 и наблюдаемой динамике ее снижения индекс территориальной концентрации населения составлял 34 %, увеличившись с 1989 года на 2 п.п., что на основании пяти основных ступеней размещения населения можно классифицировать как существенно неравномерное расселение населения по территории области.

Подобные расчеты нами проведены по территории Екатеринбурга по данным 2015 года, в соответствии с которыми индекс размещения населения по территории города имеет значение 33,7, что характеризуется как «значительно неравномерное». Особенно высокий уровень концентрации населения наблюдается в таких микрорайонах, как Уралмаш, Академический и Пионерский.

Особенность современной организации градостроительной среды состоит в том, что, помимо традиционных составляющих композиции

(масса и форма), большую роль начинает играть пространство, т.е. впечатление о городе складывается не только по отдельным зданиям и сооружениям или их комплексам, но и на основе восприятия пространств улиц, площадей, озелененных зон. В условиях застройки территории города высотными зданиями, к силуэтному восприятию пространства города человеком с уровня земли добавляется панорамное восприятие более обширных частей города из окон зданий, меняющееся и чередующееся восприятие градостроительных комплексов и открытых пространств с движущегося наземного транспорта. В этой связи плотность застройки должна уменьшаться.

С целью регулирования градостроительного процесса в Екатеринбурге, способствующего более равномерной застройке, повышению благоустройства городских территорий и росту качества жизни населения, была предпринята попытка выделения зон особого нормирования.

Основная цель:

– создание благоприятных условий для более эффективного использования территорий, имеющих низкую плотность заселения;

– формирование условий, по которым должно вестись строительство и эксплуатация объектов социальной и транспортной инфраструктуры в различных зонах нормирования на территории города;

– создание благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса.

Важные аспекты особого нормирования:

– создание условий для формирования городской среды в центральной части и исторически важных местах, благоприятной для населения и гостей города, способной повысить его привлекательность и повлиять на решение молодежи связать свое будущее с городом;

– регулирование использования территорий вблизи водоемов с целью повышения доступности горожанам зон общественного назначения и общего пользования, выходящих к воде и формирующих привлекательность города для жителей и приезжающих, в том числе туристов.

В границах зон особого нормирования должна быть предусмотрена более детальная проработка документации по планировке территории, создаваться условия для более эффективной плотности застройки (с использованием максимально допустимой для каждой из попадающих в эти границы функциональных зон и зон градостроительного зонирования).

Территория МО «Город Екатеринбург» разделялись на зоны (территории) нормирования, границы которых установлены с учетом трех критериев:

– динамики изменения возрастной структуры населения;

– характера возрастной структуры;

– плотности размещения населения по территории города (табл. 2).

Кроме этих трех критериев, при принятии градостроительных решений по развитию тех или иных микрорайонов дополнительно необходимо брать во внимание особые территории, обладающие градостроительными ресурсами, к которым можно отнести:

– интенсивность и востребованность использования территории горожанами;

Таблица 2 / Table 2

Типология жилых микрорайонов по динамике численности и структуры населения / Typology of the living districts by the changes in the population number and structure

Тип микрорайона	Темп роста численности всего населения микрорайона, 2035 год к 2015 году	Среднегодовая возрастная структура населения микрорайона (по критерию трудоспособности), %				Жилые микрорайоны	Численность, тыс. чел. (% в общей численности населения МО)	
		Категория	2015	2025	2035		2015	2035
Микрорайоны с ростом в структуре населения доли лиц старше трудоспособного возраста								
М1	Низкий темп роста (<105%)	моложе трудоспособного	16,6	19,3	15,2	Новая Сортировка, Вокзальный, Шарташский рынок, Парковый, Лечебный, Южный, Шинный, РТИ, Керамика, УНЦ (10)	150,5 *(10,2)*	152,2 *(8,7)*
		трудоспособный	65,3	59,3	61,0			
		старше трудоспособного	18,1	21,4	23,8			
М2	Умеренный темп роста (105–115%)	моложе трудоспособного	16,3	19,6	16,2	Центральный, Академический, Юго-Западный, ВИЗ, Сортировочный, Пионерский, Уралмаш, Эльмаш, Ботаника (9)	858,0 *(58,1)*	932,4 *(53,4)*
		трудоспособный	65,0	60,0	62,3			
		старше трудоспособного	18,8	20,4	21,6			
М3	Высокий темп роста (115–135%)	моложе трудоспособного	16,4	19,0	16,8	Автовокзал, Вторчермет, Химмаш, Заречный, ЖБИ, Кольцово, Уктус, Елизавет (8)	324,2 *(21,9)*	402,9 *(23,1)*
		трудоспособный	65,9	61,4	63,2			
		старше трудоспособного	18,0	19,6	20,0			

Тип микрорайона	Темп роста численности всего населения микрорайона, 2035 год к 2015 году	Среднегодовая возрастная структура населения микрорайона (по критерию трудоспособности), %				Жилые микрорайоны	Численность, тыс. чел. (% в общей численности населения МО)	
		Категория	2015	2025	2035		2015	2035
Микрорайоны с ростом в структуре населения доли лиц моложе трудоспособного возраста								
М4	Относительно низкий темп роста (1,3–1,7 раз)	моложе трудоспособного	16,1	19,5	17,5	Широкая речка, Втузгородок, Синие Камни, Компрессорный (4)	87,0 *(5,9)*	123,3 *(7,1)*
		трудоспособный	64,3	62,3	64,2			
		старше трудоспособного	19,6	18,2	18,3			
М5	Умеренный темп роста (1,7–3,4 раза)	моложе трудоспособного	16,3	18,9	19,1	Шарташ, Исток, Птицефабрика, Шабровский, Горный щит, Совхозный (6)	28,9 *(2,0)*	66,3 *(3,8)*
		трудоспособный	65,1	66,2	65,8			
		старше трудоспособного	18,6	14,9	15,1			
М6	Высокий темп роста (2,3 раза)	моложе трудоспособного	14,3	15,0	20,4	все микрорайоны с численностью менее 4 тыс. чел. (29)	29,2 *(2,0)*	67,4 *(3,9)*
		трудоспособный	64,5	67,1	66,2			
		старше трудоспособного	21,3	18,0	13,4			

– привлекательность местоположения: наличие исторических объектов, лесопарков, городских парков, водоемов, статуса центральности и т.п.;

– близость территорий к основным городским магистралям (как транспортным, так и инженерным), основным узлам транспортной инфраструктуры;

– микрорайоны новой застройки.

1. Зоны нормирования первого типа (с динамикой роста в возрастной структуре населения доли лиц старше трудоспособного возраста)

М2В – микрорайоны города, характеризуемые умеренной динамикой роста в численности населения доли лиц старше трудоспособного возраста и плотностью населения выше средней (Сортировка, Пионерский, Уралмаш, Юго-Западный, Центральный).

М2С – микрорайоны города, характеризуемые умеренной динамикой роста в численности населения доли лиц старше трудоспособного возраста и средним уровнем плотности населения (Эльмаш, ВИЗ).

М2Д – микрорайоны города, характеризуемые умеренной динамикой роста в численности населения доли лиц старше трудоспособного возраста и низкой плотностью населения (Академический).

М3В – микрорайоны города, характеризуемые высокой динамикой роста в численности населения доли лиц старше трудоспособного возраста и имеющих плотность населения выше средней (Заречный, Вторчермет, Автовокзал, ЖБИ).

Первая зона нормирования включает 27 жилых микрорайонов (41 %), имеющих тенденцию к старению населения (табл. 2). В 2015 году суммарная численность населения в этих микрорайонах составила 1487,4 тыс. чел. (90,2 % в общей численности населения МО). К 2035 году она возрастет до 1277,7 тыс. чел., при этом доля в структуре общегородской численности снизится до 85,3 %. Суммарный прирост численности населения в микрорайонах данного типа составит 109,4 % к уровню 2015 года. Вместе с тем данная группа микрорайонов является крайне неоднородной по скорости роста численности населения, что позволяет нам выделить три подгруппы:

– темп роста ниже среднего (менее 105 % за 20 лет) показали 10 микрорайонов (10,2 % – в 2015 году, 8,7 % – в 2035 году в общей численности населения МО);

– средний темп роста (105-110%) – 9 микрорайонов (58,1% – в 2015 году, 53,4 % – в 2035 году в общей численности населения МО);

– темп роста выше среднего (свыше 115 %) – 8 микрорайона (21,9 % – в 2015 году, 23,1 % – в 2035 году в общей численности населения МО).

Динамика возрастной структуры населения в данных микрорайонах в целом повторяет общегородскую динамику. Доля населения моложе трудоспособного возраста будет расти с 16,3 до 19,3 % до 2025 года, затем начнет снижаться и достигнет 16,1 % к концу прогнозного периода. Доля населения трудоспособного возраста в течение 10 лет будет снижаться с 65,4 до 60,2 %, затем наметится небольшой рост (на 2 п.п. к концу прогнозного периода). Доля населения старше трудоспособного возраста увеличится на 3–4 п.п. к 2035 году.

2. Зона нормирования второго типа (с динамикой роста в структуре населения доли лиц моложе трудоспособного возраста)

М4Д – микрорайоны города, характеризуемые относительно низкой динамикой роста в численности населения доли лиц моложе трудоспособного возраста уровнем плотности населения ниже среднего (Широкая речка).

М5Е – микрорайоны города, характеризуемые умеренной динамикой роста в численности населения доли лиц моложе трудоспособного возраста и низким уровнем плотности населения (Совхозный, Шарташ, Исток, Шабровский, Горный щит).

М6С – микрорайоны города, характеризуемые высокой динамикой роста в численности населения доли лиц моложе трудоспособного возраста и средним уровнем плотности населения (Рудный, Калиновский).

М6Д – микрорайоны города, характеризуемые высокой динамикой роста в численности населения доли лиц моложе трудоспособного возраста и уровнем плотности населения ниже среднего (Московский, Изоплит).

М6Е – микрорайоны города, характеризуемые высокой динамикой роста в численности населения доли лиц моложе трудоспособного возраста и низким уровнем плотности населения (Садовый, Палникс, Широкая речка пос., Семь ключей, Северка, Чусовское озеро, Нижне-Исетский, Сысертский, Шувакиш, Мичуринский, Козловский, Глубокое, Сулимовский торфяник, пос. Семь ключей, Карасьеозерский, Полеводство, Березит, Палкино, Мостовка, Приисковый торфяник, Ягодный, Медный, Верхнемакарово, Зеленый бор).

Вторая зона нормирования включает 39 микрорайонов (59 %), имеющих тенденцию к омоложению возрастной структуры населения. Суммарная численность населения в них в 2015 году составила 145,1 тыс. чел. и занимала 9,8 % в общегородской численности населения. К 2035 году она достигнет 257,1 тыс. чел. и составит 14,7 % в численности населения МО. Суммарный прирост численности населения в микрорайонах данного типа составит 177,1 % к уровню 2015 года.

В соответствии с базовым сценарием демографического прогноза до 2035 года ожидается рост численности детей 0–6 лет до 2020 года (134,5 тыс. чел. в 2015 году до 157,9 тыс. чел. в 2020 году), затем будет постепенное снижение численности детей данной возрастной группы.

Для расчета параметра емкости детских дошкольных учреждений для микрорайонов, входящих в первую зону нормирования, нормативный показатель может оставаться на уровне принятого, так как в этой зоне доля детей до 6 лет будет возрастать незначительно и потребность в детских дошкольных учреждениях может быть удовлетворена за счет имеющегося фонда.

Микрорайоны второго типа нормирования, характеризуемые высокой динамикой роста в численности населения доли лиц моложе трудоспособного возраста и низким уровнем плотности населения, такие как М6С, М6Д, М4Е – микрорайоны новой застройки, имеют значительную численность населения, в то же время предполагается их дальнейшее развитие. Однако данные микрорайоны не имеют развитой социальной инфраструктуры.

По прогнозным расчетам в этих микрорайонах ожидается значительный рост численности детей дошкольного возраста и, как следствие, потребность населения в детских дошкольных учреждениях.

В микрорайонах с относительно меньшими темпами роста численности детского населения (М4В-М4Д, и М5 и М5С) к выбору норматива обеспеченности должен быть применен дифференцированный подход в зависимости от темпа роста численности детей данной возрастной группы. В микрорайон Синие Камни (М4А) ввиду высокой плотности населения, проживающего на территории данного микрорайона, целесообразно оставить принятый градостроительный норматив.

Более острая ситуация складывается с обеспечением детей и подростков 7–17 лет школьными учебными местами. В соответствии с базовым сценарием прогноза численность данной возрастной категории населения города увеличится в 2 раза к 2030 году (с 136,5 тыс. чел. в 2015 году до 247,4 тыс. чел. в 2030 году) с дальнейшим снижением до 231,1 тыс. чел к 2035 году). Во многих микрорайонах существует проблема переполненности школ, дети учатся в две–три смены.

Поскольку многие микрорайоны находятся вблизи пересадочных транспортных узлов и улиц с интенсивным сообщением общественного транспорта, целесообразно размещать детские дошкольные и школьные учреждения по пути к месту работы родителей.

Для микрорайонов данного типа характерен значительный рост численности населения, обеспеченный в основном миграционным приростом населения преимущественного трудоспособного возраста, что и позволяет достичь омоложения возрастной структуры населения на данных территориях. Таким образом, в среднем доля населения моложе трудоспособного возраста значительно вырастет (с 15,6 % в 2015 году до 19,0 % в 2035 году). Доля населения трудоспособного возраста также будет стабильно увеличиваться (с 64,6 % в 2015 году до 65,4 % в 2035 году). При этом доля населения старше трудоспособного возраста будет постепенно снижаться (с 19,8 % в 2015 году до 15,6 % в 2035 году).

Вместе с тем следует отметить, что данная группа микрорайонов также является неоднородной по темпам роста численности населения, что позволяет разделить микрорайоны этого типа на три подгруппы:

– темп роста ниже среднего (1,3–1,7 раз за 20 лет) показали 4 микрорайона (5,9 % – в 2015 году, 7,1 % – в 2035 году в общей численности населения МО);

– средний и выше среднего темп роста (1,7–2,4 раза) – 8 микрорайонов (58,1 % – в 2015 году, 53,4 % – в 2035 году в общей численности населения МО), а также микрорайон Шарташ с темпом роста численности населения 3,4 раза;

– темп роста выше среднего (2,3 раза) – 29 микрорайонов с численностью населения менее 4 тыс. чел. в 2015 году (2,0 % – в 2015 году, 3,9 % – в 2035 году в общей численности населения МО).

Отдельно необходимо отметить последнюю подгруппу – микрорайоны с численностью населения менее 4 тыс. чел. Особенностями микрорайонов данного типа являются:

– специфический тип застройки (преимущественно коттеджи, таунхаусы и т.п.) определяет значительное преобладание населения трудоспособного возраста, имеющего достаточные финансовые ресурсы, чтобы позволить себе жилье такого уровня;

– имеющиеся и планируемые в ближайшем будущем дети.

Это обеспечивает в структуре населения нарастание доли молодых возрастов и значительное сокращение доли населения старше трудоспособного возраста. В результате прогнозируется форсированный рост численности населения в 2,3 раза за 20 лет, а также увеличение суммарного веса данных микрорайонов в общегородской численности населения в 2 раза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные данные о перспективной динамике численности и половозрастной структуре населения позволяют разрабатывать различные мероприятия по повышению качества городской среды, например направления совершенствования социальной инфраструктуры города. Так, жилые микрорайоны первого типа нуждаются в создании многофункциональных социальных объектов, которые возможно оперативно перепрофилировать в соответствии с изменениями возрастной структуры населения. Для жилых микрорайонов второго типа необходимо предусмотреть возможность гибкого функционала объектов социальной инфраструктуры в зависимости от изменения структуры населения, в первую очередь волнообразного тренда численности населения молодых возрастов.

Вопрос развития социальной инфраструктуры в микрорайонах с небольшой численностью населения (менее 4 тыс. чел.) остается открытым и требует решений. С одной стороны, имея, как правило, достаточно высокий уровень жизни, жители данных микрорайонов могут позволить себе (и зачастую так и происходит) пользоваться коммерческими услугами в сфере здравоохранения и образования. С другой стороны, по Конституции РФ, государство взяло на себя обязательство обеспечить всех граждан страны, независимо от материального достатка, определенным объемом социальных услуг. В связи с этим необходим поиск баланса между принятыми социальными нормативами и реальными потребностями населения.

Жилые микрорайоны второй зоны нуждаются в развитии социальной инфраструктуры. Данная необходимость обусловлена нарастанием в структуре населения этих микрорайонов доли лиц молодых возрастов и значительным сокращением доли населения старше трудоспособного возраста. Рост численности населения обеспечивается в основном миграционным приростом населения преимущественно трудоспособного возраста, что позволит достичь омоложения возрастной структуры населения на данных территориях.

Таким образом, представленный методический подход позволяет учитывать перспективы демографического развития как города в целом, так и его структурных элементов, начиная от административных районов и заканчивая микрорайонами и жилыми комплексами. Такой подход к разработке стратегий развития города повышает эффективность реализации управленческих решений.

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикация подготовлена в рамках Муниципального контракта на выполнение НИР «Формирование концепции перспективного развития жилых микрорайонов муниципального образования «город Екатеринбург» до 2035 года».

Библиографический список

Демографический понятийный словарь / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. 352 с.

Левочкин В. Г. Прогнозирование численности населения территории с учетом экономических факторов // Вестник ТГЭУ. 2008. № 4. С. 47–57.

Лещенко Я. А. Прогнозирование численности и состава населения города как основа социально-экономического планирования // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 4. С. 187–193.

Нифантова Р. В. Методологические основы и современные методы демографических прогнозов // Экономика региона. 2013. № 2. С. 185–192.

Поросенков Ю. В. Закономерности размещения населения СССР. Экономико-географическое исследование. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977. 160 с.

Смоляр И. М. Терминологический словарь по градостроительству. М.: Изд-во УРСС, 2004. 159 с.

Тихомиров Н. П. Демография. Методы анализа и прогнозирования. М.: Экзамен, 2005. 256 с.

Халафян А. А., Ракачев В. Н. Опыт демографического прогнозирования с применением методов статистического моделирования (на примере Краснодарского края) // Общество: философия, история, культура. 2013. № 4. С. 23–32.

Cappelen A., Skjerpen T., Tønnessen M. Forecasting immigration in official population projections using an econometric model // International Migration Review. 2015. Vol. 49, № 4. P. 945–980. DOI: 10.1111/imre.12092.

De Beer J. The effect of uncertainty on migration on national population forecasts: The case of the Netherlands // Journal of Official Statistics. 1997. Vol. 13, № 3. P. 227–243.

Gorbey S., James D., Poot J. Population forecasting with endogenous migration: An application to trans-Tasman migration // International Regional Science Review. 1999. Vol. 22, № 1. P. 69–101.

Hall R. Population and the future // Geography. 2015. Vol. 100, № 1. P. 36–44.

Hank K., Erlinghagen M. Demographic change and the role of older people in the voluntary sector // International Handbook on Ageing and Public Policy / ed. by S. Harper, K. Hamblin. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2014. P. 398–409. DOI: 10.4337/9780857933911.00044.

Leibert T., Golinski S. Peripheralisation: The missing link in dealing with demographic change? // Comparative Population Studies. 2016. Vol. 41, № 3–4. **P.** 255–284. DOI: 10.12765/CPoS-2017-02en.

Marois G., Belanger A. Local projections for population aging in the Montreal metropolitan area // Cahiers quebecois de demographie. 2015. Vol. 44, № 1. P. 129–149.

Nikitovic V. Demographic limits to sustainable development of mountain regions in Serbia // Sustainable development in mountain regions: Southeastern Europe / ed. by G. Zhelezov. Switzerland: Springer International Publishing, 2016. P. 241–251. DOI: 10.1007/978-3-319-20110-8_16.

Rayer S., Smith S. K. Factors affecting the accuracy of subcounty population forecasts // Journal of Planning Education and Research. 2010. Vol. 30, № 2. P. 147–161. DOI: 10.1177/0739456X10380056.

Reinhold M., Thomsen S. L. Subnational population projections by age: An evaluation of combined forecast techniques // Population Research and Policy Review. 2015. Vol. 34, № 4. P. 593–613. DOI: 10.1007/s11113-015-9362-0.

Rogers A. Population forecasting: Do simple models outperform complex models? // Mathematical Population Studies. 1995. Vol. 5, № 3. P. 187–202. DOI: 10.1080/08898489509525401.

Smith S. K. Further thoughts on simplicity and complexity in population projection models // International Journal of Forecasting. 1997. Vol. 13, № 4. P. 557–565.

Swiaczny F. Consequences of demographic change for regional population dynamics in Germany // Raumforschung und Raumordnung. 2015. Vol. 73, № 6. P. 407–421.

Swiaczny F. Implications of demographic change for civil society in Germany // Journal of Population Research. 2010. Vol. 27, № 3. P. 193–211. DOI: 10.1007/s12546-010-9041-2.

Timár J., Velkey G. The relevance of the political economic approach: The interpretations of the rural in the migration decision of young women and men in an economically backward region // Journal of Rural Studies. 2016. Vol. 43. P. 311–322. DOI**:** 10.1016/j.jrurstud.2015.11.012.

Wiest K. Migration and everyday discourses: Peripheralisation in rural Saxony-Anhalt from a gender perspective // Journal of Rural Studies. 2016. Vol. 43. P. 280–290. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2015.03.003.

Wilson T. Can international migration forecasting be improved? The case of Australia // Migration Letters. 2017. Vol. 14, № 2. P. 285–299.

Wilson T. The Demographic constraints on future population growth in regional Australia // Australian geographer. 2015. Vol. 46, № 1. P. 91–111.

Информация об авторах

Козлова Ольга Анатольевна – д-р экон. наук, проф., зав. Центром исследований социоэкономической динамики ФГБУН Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, 620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, проф. кафедры экономики труда и управления персоналом ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62

ORCID: 0000-0002-0448-3519

ResearcherID: M-4659-2016

Электронный адрес: olga137@mail.ru

Макарова Мария Никитична – канд. экон. наук, научный сотрудник Центра исследований социоэкономической динамики ФГБУН Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, 620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29,
ORCID: 0000-0001-6144-6178
ResearcherID: H-7717-2017
Электронный адрес: maria_makarova87@mail.ru

Статья получена 28 апреля 2017 года

UDC 314.9
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-269-288

POPULATION DISTRIBUTION BASED ON DEMOGRAPHIC FORECASTING OF METROPOLIS (CASE OF YEKATERINBURG)

Olga A. Kozlova
Institute of Economics, the Urals Branch of Russian Academy of Sciences, 29 Moskovskaya str., Yekaterinburg, 620014, Russia
The Ural State University of Economics, 62 8th of March str., Yekaterinburg, 620219, Russia
ORCID: 0000-0002-0448-3519
ResearcherID: M-4659-2016
E-mail: olga137@mail.ru

Maria N. Makarova
Institute of Economics, the Urals Branch of Russian Academy of Sciences, 29 Moskovskaya str., Yekaterinburg, 620014, Russia
ORCID: 0000-0001-6144-6178
ResearcherID: H-7717-2017
E-mail: maria_makarova87@mail.ru

For citation:
Kozlova, O. A. and Makarova, M. N. (2017), "Population distribution based on demographic forecasting of metropolis (case of Yekaterinburg)", *Ars Administrandi,* vol. 9, no. 2, pp. 269–288, doi: 10.17072/2218-9173-2017-2-269-288.

Introduction. The paper is devoted to the issues of organizing the population distribution of Yekaterinburg that is closely related with substantiation of social infrastructure standards.

Aims. The aim of the paper is to create the methodical tools to forecast the population number and structure in the living districts of the metropolis and to substantiate the areas of social infrastructure standards depending on the current and future demographic trends.

The following **methods** were used: general scientific methods: comparative analysis; demographic forecasting methods: cohort-component method, extrapolation, experts' values; statistical methods.

Results. The authors analyzed the current demographic trends and estimated the future population number and population structure for 66 living districts of Yekaterinburg. Based on the demographic forecasting, the authors defined two types of living districts according to population growth rates and population structure transformation. Taking into account additional criteria of current and future population density, they also substantiated two areas of social infrastructure standards.

Conclusion. The authors built the trends of population number and population sex-age structure of living districts in Yekaterinburg. This forecast formed the basis of the methodical tools to define the special areas of living districts according to the dynamics of population age structure, population growth rates and population density. Zoning of these areas helped to suggest the Administration of Yekaterinburg to formulate the prospective ways of social structure development and to elaborate some measures to improve the quality of metropolis surroundings.

Key words: population distribution, metropolis, demographic forecasting, city districts, social infrastructure

Acknowledgements

The paper was prepared within the framework of the Municipal contract for the performance of research work "Formation of the concept of the living districts long-term development in the city of Yekaterinburg until 2035".

References

Rybakovskii, L. L. (ed.) (2003), *Demograficheskii ponyatiinyi slovar'* [Demographic concept dictionary], TsSP, Moscow, Russia.

Levochkin, V. G. (2008), "Forecasting the territorial population considering the economic factors", *Vestnik tikhookeanskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no. 4, pp. 47–57.

Leshhenko, Ya. A. (2011), "Forecasting the number and structure population of the city being a ground of social and economic planning", *Bulletin of Baikal State University*, no. 4, pp. 187–193.

Nifantova, R. V. (2013), "Methodological basis and relevant methods of demographic forecasting", *Economy of Region*, no. 2, pp. 185–192.

Porosenkov, Yu. V. (1977), *Zakonomernosti razmeshcheniya naseleniya SSSR. Ekonomiko-geograficheskoe issledovanie* [Population distribution patterns in the USSR. Economic and geographic research], VSU Publisher, Voronezh, Russia.

Smolyar, I. M. (2004), *Terminologicheskii slovar' po gradostroitel'stvu* [City building terms dictionary], URSS Publisher, Moscow, Russia.

Tihomirov, N. P. (2005), *Demografija. Metody analiza i prognozirovanija* [Demography. Methods of analyzing and forecasting], Ekzamen, Moscow, Russia.

Khalafyan, A. A. and Rakachev, V. N. (2013), "Experience of demographic forecasting using methods of statistic modeling", *Society: philosophy, history, culture*, no. 4, pp. 23–32.

Cappelen, A., Skjerpen, T. and Tønnessen, M. (2015), "Forecasting immigration in official population projections using an econometric model", *International Migration Review*, vol. 49, no. 4, pp. 945–980, doi: 10.1111/imre.12092.

De Beer, J. (1997), "The effect of uncertainty on migration on national population forecasts: The case of the Netherlands", *Journal of Official Statistics*, vol. 13 no. 3, pp. 227–243.

Gorbey, S., James, D. and Poot, J. (1999), "Population forecasting with endogenous migration: An application to trans-Tasman migration", *International Regional Science Review*, vol. 22, no. 1, pp. 69–101.

Hall, R. (2015), "Population and the future", *Geography*, vol. 100, no. 1, pp. 36–44.

Hank, K. and Erlinghagen, M. (2014), "Demographic change and the role of older people in the voluntary sector", in Harper, S. and Hamblin, K. (ed.), *International Handbook on Ageing and Public Policy*, Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK, pp. 398–409, doi: 10.4337/9780857933911.00044.

Leibert, T. and Golinski, S. (2016) "Peripheralisation: The missing link in dealing with demographic change?", *Comparative Population Studies*, vol. 41, no. 3-4, pp. 255–284, doi: 10.12765/CPoS-2017-02en.

Marois, G. and Belanger, A. (2015), "Local projections for population aging in the Montreal metropolitan area", *Cahiers quebecois de demographie*, vol. 44, no. 1, pp. 129–149.

Nikitovic, V. (2016), "Demographic Limits to Sustainable Development of Mountain Regions in Serbia", in Zhelezov, G. (ed.), *Sustainable development in mountain regions: Southeastern Europe*, Springer International Publishing, Switzerland, pp. 241–251, doi: 10.1007/978-3-319-20110-8_16.

Rayer, S. and Smith, S. K. (2010), "Factors affecting the accuracy of subcounty population forecasts", *Journal of Planning Education and Research*, vol. 30, no. 2, pp. 147–161, doi: 10.1177/0739456X10380056.

Reinhold, M. and Thomsen, S. L. (2015), "Subnational population projections by age: An evaluation of combined forecast techniques", *Population Research and Policy Review*, vol. 34, no. 4, pp. 593–613, doi: 10.1007/s11113-015-9362-0.

Rogers, A. (1995), "Population forecasting: Do simple models outperform complex models?", *Mathematical Population Studies*, vol. 5, no. 3, pp. 187–202, doi: 10.1080/08898489509525401.

Smith, S. K. (1997), "Further thoughts on simplicity and complexity in population projection models", *International Journal of Forecasting*, vol. 13, no. 4, pp. 557–565.

Swiaczny, F. (2015), "Consequences of demographic change for regional population dynamics in Germany", *Raumforschung und Raumordnung*, vol. 73, no. 6, pp. 407–421.

Swiaczny, F. (2010), "Implications of demographic change for civil society in Germany", *Journal of Population Research*, vol. 27, no. 3, pp. 193–211, doi: 10.1007/s12546-010-9041-2.

Timár, J. and Velkey, G. (2016), "The relevance of the political economic approach: The interpretations of the rural in the migration decision of young women and men in an economically backward region", *Journal of Rural Studies*, vol. 43, pp. 311–322, doi: 10.1016/j.jrurstud.2015.11.012.

Wiest, K. (2016), "Migration and everyday discourses: Peripheralisation in rural Saxony-Anhalt from a gender perspective", *Journal of Rural Studies*, vol. 43, pp. 280–290, doi: 10.1016/j.jrurstud.2015.03.003.

Wilson, T. (2017), "Can international migration forecasting be improved? The case of Australia", *Migration Letters,* vol. 14, no. 2, pp. 285–299.

Wilson, T. (2015), "The demographic constraints on future population growth in regional Australia", *Australian geographer*, vol. 46, no. 1, pp. 91–111.

Received April 28, 2017

УДК 332.1
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-289-311

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ

М. Ю. ШЕРЕШЕВА
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

М. С. ОБОРИН
Пермский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, г. Пермь, Россия

А. А. КОСТАНЯН
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Для цитирования:
Шерешева М.Ю., Оборин М. С., Костанян А. А. Особенности оценки качества жизни населения малых городов // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Том 9, № 2. С. 289–311. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-289-311.

Введение: в статье рассматриваются вопросы оценки качества жизни в урбанизированных территориях малых городов и районных центров.

Цель: оценка качества жизни населения малых городов с точки зрения основных показателей доступности и качества медицинской помощи, а также санаторно-курортного потенциала данных территорий, призванного поддерживать и улучшать состояние здоровья населения с целью обеспечения условий для устойчивого развития.

Методы: диалектический метод познания экономических и социальных процессов, метод системного анализа; формально-логический метод.

Результаты: для достижения поставленной задачи был проведен сравнительный анализ основных медико-статистических показателей в части организации здравоохранения и санаторно-курортного потенциала в трех субъектах РФ – Владимирской и Тульской областях, Пермском крае. Обоснована важная роль санаторно-курортного комплекса в повышении уровня здоровья населения и качества жизни. На примере исследуемых субъектов РФ был охарактеризован туристско-рекреационный потенциал, выявлены природные лечебные факторы для развития системы санаторно-курортного лечения, определено историко-культурное наследие малых городов, что в совокупности представляет основу для формирования комплекса мер, направленных на рост благосостояния граждан. Рассмотрены основные лечебные профили крупных санаториев в указанных регионах России. Проведен анализ показателей деятельности профильных предприятий санаторно-курортного комплекса, обоснованы направления повышения эффективности основных видов услуг.

Выводы: сформулированы предложения по оптимизации государственной политики на муниципальном уровне в отношении малых городов с целью повышения уровня здоровья населения и качества жизни.

Ключевые слова: малые города; районные центры; оценка качества жизни; уровень здоровья; здравоохранение; санаторно-курортный потенциал; санаторно-курортный комплекс, урбанизация; устойчивое развитие

© Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Костанян А. А., 2017

ВВЕДЕНИЕ

Повышение качества жизни населения является приоритетной целью любого социально ответственного государства. Для реализации этой цели государство создает условия для продолжительной, безопасной и здоровой жизни, поддерживает экономическое развитие и социальную стабильность. В свою очередь, уровень качества жизни, оцененный по той или иной выбранной методике, представляет собой оценку эффективности проводимой государственной политики.

Качество жизни населения является сложным интегрированным понятием, оценка которого представляет собой предмет исследований большого числа отечественных и зарубежных научных работ и разногласий многих авторов. Определенные особенности имеет оценка качества жизни в регионах, а именно в малых городах и районных центрах, в силу инфраструктурных особенностей развития этих территорий. Несмотря на различные подходы к оценке качества жизни, уровень здоровья населения и доступность медицинских услуг являются обязательными элементами интегративной оценки. В связи с этим целью настоящего исследования является оценка качества жизни населения малых городов с точки зрения основных показателей доступности и качества медицинской помощи, а также санаторно-курортного потенциала данных территорий, призванного поддерживать и повышать состояние здоровья населения с целью обеспечения условий для устойчивого развития. В соответствии с целью исследования были сформулированы и решены следующие задачи:

1) классифицировать основные методики оценки качества жизни населения;

2) выявить особенности оценки качества жизни в малых городах и районных центрах;

3) охарактеризовать доступность и качество медицинской помощи в малых городах на примере Владимирской области, Тульской области и Пермского края;

4) оценить санаторно-курортный потенциал малых городов на примере Владимирской области, Тульской области и Пермского края;

5) сформулировать выводы и рекомендации по совершенствованию организации здравоохранения в малых городах и повышению уровня здоровья населения с использованием санаторно-курортного потенциала территорий.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепция качества жизни возникла в середине XX века с появлением идеи качественного развития общества в западных странах, в рамках которой наряду с экономическими факторами особое внимание стало уделяться социальным, демографическим, экологическим, политическим, культурным и другим сторонам развития общества. Основоположником концепции качества жизни считается Дж. Гэлбрейт, который ввел это понятие, описывая переход западного общества к постиндустриальному этапу развития (Galbraith, 1958).

В дальнейшем на пике исследования понятия качества жизни в рамках международных исследований в 1980–1990-х годах были разработаны различные интегративные методики оценки, в том числе показатель, нашедший наибольшее распространение – индекс человеческого развития (ИЧР). Широкая распространенность этого показателя связана с простотой расчета, прозрачностью используемых для расчета подпоказателей, возможностью их сбора, в том числе в открытом доступе, наличием сравнительных показателей в разных странах. Ключевыми составными блоками показателей для расчета ИЧР являются уровень доходов населения, доступ к знаниям и состояние здоровья.

В международной практике одним из альтернативных подходов к измерению качества жизни является индекс качества жизни населения, разработанный компанией The Economist Intelligence Unit[1]. В основу индекса заложена причинно-следственная взаимосвязь между объективными показателями качества жизни и субъективными показателями удовлетворенности населения, на базе которых и отбираются объективные показатели.

На современном этапе как в международной, так и в российской практике появилось множество новых методологических подходов к оценке качества жизни населения (Larson and Wilford, 1979; Haug and Folmar, 1986; Zinam, 1989; Hughes, 2006; Werneck, 2008; Frey and Stutzer, 2010; Kozlova et al, 2016; Bram et al, 2017). С точки зрения информационной базы выделяют следующие подходы:

– *объективный подход*: сбор информации происходит из официальных статистических источников;

– *субъективный подход*: сбор информации происходит на основании результатов проводимых социологических исследований и экспертных оценок;

– *комбинированный подход*: сбор информации происходит как из объективных, так и из субъективных источников.

В российской практике трактование концепции качества жизни и методы оценки варьируются у различных экспертов. Ключевые определения качества жизни в отечественных исследованиях привезены в табл. 1.

Таким образом, несмотря на разнообразие подходов к определению качества жизни и его оценок, уровень здоровья и доступность медицинских услуг являются обязательными, основополагающими элементами всех интегративных методологических подходов.

Что касается второй задачи данной работы, выявления особенностей оценки качества жизни в малых городах и районных центрах, то они напрямую зависят от характеристик этих особых административно-территориальных единиц.

Понятие и уровень муниципальной самостоятельности (круг полномочий) малого города существенно отличаются в разных странах мира. В России малыми признаются города с населением до 50 тыс. чел. В настоящий момент в малых городах проживают около 12 % всего населения страны. Данные территории сталкиваются с рядом социально-демографических, экономических, инфраструктурных, административных и других проблем, являющихся огра-

[1] *Economist* Intelligence Unit's Quality-of-Life Index [Электронный ресурс]. URL: http://www.economist.com/media/pdf/QUALITY_OF_LIFE.pdf (дата обращения: 01.04.2017).

Таблица 1 / Table 1

Определения понятия качества жизни в исследованиях отечественных авторов / Life quality definitions in the works of the RF researchers

Исследование	Определение понятия качества жизни
(Бестужев-Лада, 1979)	Концепция интегрального взаимодействия между индивидом, его социальной средой и государством, отражающая уровень социальной свободы индивида, возможность его развития и самореализации, удовлетворение материальных, культурных и духовных ценностей.
(Римашевская, 1979)	Концепция, затрагивающая не только материальные стороны жизни общества, но и такие категории, как уверенность людей в будущем, сознание их востребованности обществом, способность определять собственное развитие и готовность общества в целом реагировать и удовлетворять потребности отдельных членов общества.
(Можина и др., 1980)	Концепция здоровья, характеризуемая показателями продолжительности жизни, уровня заболеваемости и уровня смертности в разных возрастных группах, продолжительности активной трудоспособной жизни, уровня образования и профессиональной мобильности.
(Барышева, 1990)	Системная концепция социально-экономического развития, выстроенная на основе комплекса показателей, характеризующих уровень демократизации управления, состояния окружающей среды, здоровья, доступа к образованию, условия работы и др.
(Старков, 1994)	Концепция совокупного взаимодействия ряда факторов, таких как значимость работы, качество досуга, качество продуктов питания, качество здравоохранения и образования, условия окружающей среды, доступ к знаниям, творчеству, уровень стресса и т.д.
(Бобков и Масловский-Мстиславский, 1994, 1998)	Многомерная комплексная концепция, характеризующая степень удовлетворенности потребностей и запросов населения.

ничивающими факторами устойчивого развития страны в целом. Наблюдается нарастающий разрыв уровня и качества жизни населения малых городов от общероссийского уровня. Текущее положение осложняется повышенной остротой социально-экономических проблем и дефицитом финансовых и человеческих ресурсов, демографическими проблемами, выражающимися в старении населения, отрицательном естественном приросте, оттоке населения (особенно молодежи и населения трудоспособного возраста). Анализ состояния и развития рассматриваемых территорий сопряжен с отсутствием официальной стати-

стики по основным показателям деятельности, что усложняет сравнительный мониторинг состояния малых городов в разных субъектах РФ, а также сравнительный мониторинг состояния малых городов относительно крупных городов.

Несмотря на сложную социально-экономическую ситуацию в малых городах и районных центрах, они играют важную роль в общем развитии страны. Именно в таких местностях сохраняется и поддерживается культурно-историческое наследие, развиваются традиционные промыслы и ремесла, поддерживается экосистема региона.

Говоря о методиках оценки качества жизни населения в отдельных регионах России, необходимо упомянуть один из наиболее научно обоснованных подходов, разработанный Центральным экономико-математическим институтом Российской академии наук (ЦЭМИ РАН) (Айвазян, 2001). Методика основана на комплексном анализе совокупности факторов, важнейшими из которых являются уровень материального благосостояния, уровень здоровья, уровень развития социальной сферы, природно-климатические условия.

Кроме того, в отечественной научной литературе различные методические подходы к оценке качества жизни в регионах представлены в исследованиях Института макроэкономических исследований (ИМЭИ) Всероссийской академии внешней торговли, Независимого института социальной политики, Института комплексных стратегических исследований и др. Разработанные подходы основаны на построении единого интегрального показателя из набора частных индикаторов. Однако, в силу различающегося изначального набора показателей, результатом использования различных методик является противоречивость получаемых оценок.

Таким образом, важными особенностями оценки качества жизни в малых городах являются отсутствие единой методики оценки, которая бы позволила проводить сравнительный анализ в разрезе различных регионов, а также отсутствие сбора раздельной официальной статистики по малым городам в разрезе ключевых показателей, что существенно искажает результаты анализа социально-экономического положения рассматриваемых административно-территориальных единиц. Кроме того, неотъемлемой частью всех интегративных показателей качества жизни населения является уровень развития здравоохранения, в связи с чем далее в данной работе этому аспекту будет уделено особое внимание.

Важный вклад в методику оценки здоровья как компоненты качества жизни внесла Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), разработав опросник качества жизни ВОЗ (WHOQOL – The World Health Organization Quality of Life)[2], который стал независимым инструментом оценки неспецифического качества жизни, связанного со здоровьем, вне зависимости от имеющихся заболеваний, социальных, демографических, культурных, политических и других условий. На сегодняшний день в практике используются расширенный (WHOQOL–100) и краткий (WHOQOL–26) опросники качества жизни, применяемые не только в клинических, но и в социально-экономических эмпирических исследованиях.

[2] *The World* Health Organization Quality of Life (WHOQOL) [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/mental_health/publications/whoqol/en/ (дата обращения: 02.04.2017).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для характеристики доступности и качества медицинской помощи в малых городах были выбраны следующие регионы: Владимирская область, Тульская область и Пермский край (рис. 1).

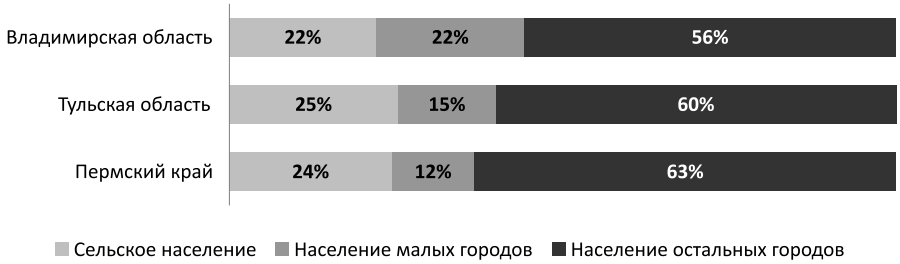


Рис. 1. Структура населения Владимирской и Тульской областей, Пермского края по состоянию на 2016 год / Fig. 1. Population structure in Vladimir and Tula Oblasts, Perm krai, 2016

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Таким образом, доля населения малых городов в выбранных регионах является существенной и варьируется от 12 % до 22 %.

Несмотря на действующий в России страховой принцип в здравоохранении и оплату медицинской помощи посредством страховых отчислений в рамках системы обязательного медицинского страхования (ОМС), важным источником финансирования остаются также муниципальные бюджеты (рис. 2). В среднем, расходы на здравоохранение в расчете на одного человека в Пермском крае за последние несколько лет на треть превышают соответствующие значения во Владимирской и Тульской областях.

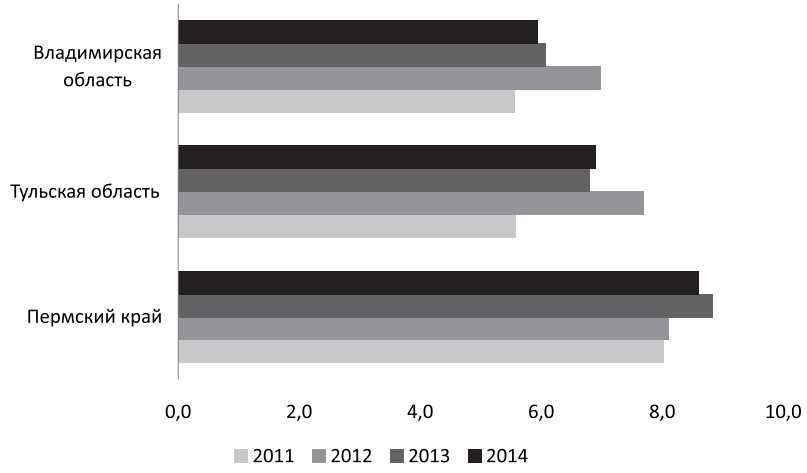


Рис. 2. Расходы консолидированных бюджетов субъектов на здравоохранение в 2011–2014 годах в расчете на 1 человека, тыс. руб. / Fig. 2. Expenditures of consolidated budgets of the subjects on health care in 2011–2014 per 1 person, thousand rubles

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Заболеваемость – важнейшая составляющая комплексной оценки здоровья населения. Анализ заболеваемости необходим для принятия эффективных управленческих решений и обеспечения устойчивого развития общества на федеральном, региональном и муниципальном уровнях управления системой здравоохранения. Показатели заболеваемости – один из критериев качества работы всей системы здравоохранения. В целом, в анализируемых регионах структура заболеваемости соответствует структуре заболеваемости в Российской Федерации (рис. 3). На первом месте болезни органов дыхания, их доля составляет около 50 % всех выявленных случаев заболеваний. Пермский край демонстрирует наивысшие показатели заболеваемости по всем группам заболеваний, Тульская область – наименьшие показатели заболеваемости.

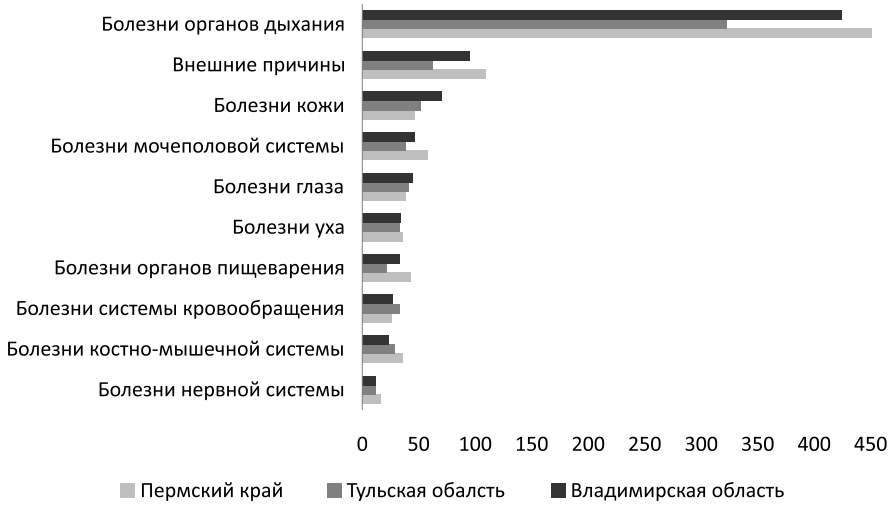


Рис. 3. Первичная заболеваемость населения субъектов по основным классам болезней в 2014 году, число зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения / Fig. 3. Primary disease incidence among the subjects' population by main disease classes in 2014, number of recorded diseases among the patients with the diagnosis found for the first time in their lives, per 1000 people

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Динамика по различным классам болезней связана с экономической специализацией регионов и экологической ситуаций. Пермский край – регион крупного промышленного производства, поэтому высоки показатели заболеваемости. Тульская область относится к экологически неблагополучным регионам России, однако, здесь показатели заболеваемости самые низкие из трех. Владимирская область является самым благоприятным регионом с точки зрения экологии и рекреации. Данные виды болезней поддаются успешному лечению в условиях санаторно-курортных учреждений, которые способствуют восстановлению трудоспособности (Оборин, 2013а).

Смертность – процесс вымирания населения, характеризующийся статистически зарегистрированным числом смертей в конкретной популяции

за определенный отрезок времени. Для анализа уровня смертности используются различные статистические показатели, в том числе общий коэффициент смертности, возрастная смертность, материнская смертность, младенческая смертность и др. В данной работе рассматривается структура смертности по классам причин.

Говоря об общей величине смертности, необходимо отметить, что в анализируемых регионах наибольшее число умерших от всех причин наблюдается в Тульской области (1713 на 100 тыс. чел.), наименьшее – в Пермском крае (1399 на 100 тыс. чел.) по состоянию на 2014 год. В разрезе отдельных заболеваний смертность от болезней систем кровообращения составляет более 50 % всех причин смертей (рис. 4). Подобная ситуация характерна для России в целом. Вообще, в нашей стране смертность от болезней системы кровообращения является одной из самых высоких в мире. Высокая доля смертности от новообразований свидетельствует о низкой ранней выявляемости этих заболеваний. Кроме того, онкологические заболевания имеют специфичную половозрастную структуру. Так, мужчины трудоспособного возраста умирают от онкологических заболеваний почти в 2 раза чаще, чем женщины, но заболеваемость среди женщин выше. Существенная доля смертности от внешних причин обусловлена чрезмерным потреблением алкоголя, что воздействует на показатели смертности как напрямую (смерть вследствие отравления алкоголем), так и косвенно (ДТП, насильственная смерть и т.д.).

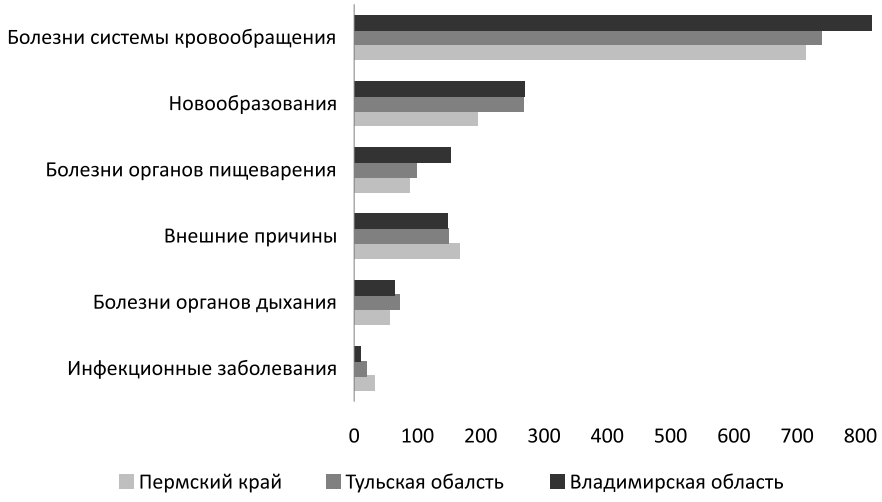


Рис. 4. Смертность населения субъектов по основным классам причин смерти в 2014 году, число умерших на 100 тыс. чел. населения / Fig. 4. Death rate among subjects' population by the main death cause classes in 2014, number of the dead per 100 thousand people

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Одним из показателей доступности медицинских услуг является кадровый потенциал отрасли, который в здравоохранении характеризуется показателем обеспеченности населения медицинским персоналом (врачами и средним

медицинским персоналом), рассчитываемым как соотношение численности штатных должностей к численности обслуживаемого населения (рис. 5).

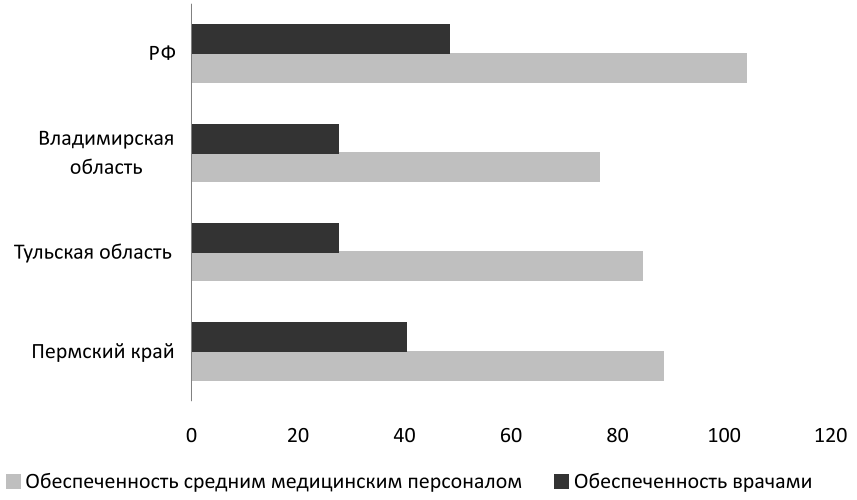


Рис. 5. Обеспеченность населения субъектов врачами и средним медицинским персоналом в 2014 году, чел. на 10 тыс. чел. населения / Fig. 5. Availability of doctors and care staff in the subjects in 2014, per 10 thousand people

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Обеспеченность населения врачами во Владимирской и Тульской областях почти вдвое ниже общероссийских показателей. Это обусловлено низкой привлекательностью данных регионов для медицинских специалистов ввиду высокой загруженности работы (высокие значения коэффициента совместительства) и низкого уровня заработной платы. Показатели обеспеченности средним медицинским персоналом в указанных регионах схожи и отстают от общестрановых в среднем на 20–25 %.

В настоящее время обеспеченность населения врачебными специалистами регулируется руководителем медицинской организации с учетом структуры населения, заболеваемости, фактической нагрузки врачей и других показателей. Тем не менее существует единственный нормативный источник, регламентирующий нормативы обеспеченности в разрезе различных клинических специальностей (хотя и значительно устаревший и носящий сугубо рекомендательный характер) – это приказ Минздрава СССР от 11 октября 1982 года № 999 «О штатных нормативах медицинского и педагогического персонала городских поликлиник, расположенных в городах с населением свыше 25 тысяч человек».

Исходя из указанных в приказе нормативов была проанализирована статья обеспеченности населения выбранных регионов врачами конкретных специальностей, выявлено соответствие / отклонение фактической численности медицинских кадров от нормативного значения (табл. 2). Наилучшая ситуация с обеспеченностью населения различными клиническими специалистами наблюдается в Пермском крае. Однако во всех трех субъектах РФ существует

дефицит специалистов общего терапевтического профиля, а также эндокринологов. Данная ситуация называется искусственным дефицитом медицинских кадров, что объясняется неэффективностью управления рынком труда медицинских работников.

Таблица 2 / Table 2

Обеспеченность населения субъектов РФ клиническими специалистами в 2014 г., чел. на 10 тыс. чел населения / Availability of clinical specialists in the RF subjects in 2014, per 10 thousand people

Показатели	Терапевты	Хирурги	Кардиологи	Эндокринологи	Офтальмологи	Неврологи
Норматив обеспеченности специалистами по приказу №999	5,9	1,0	0,3	0,5	0,5	0,5
Фактическая обеспеченность специалистами во Владимирской области	4,9	1,6	0,7	0,3	1,0	1,5
Отклонение от норматива по Владимирской области	-1,0	+0,6	+0,4	-0,2	+0,5	+1,0
Фактическая обеспеченность специалистами в Тульской области	4,8	1,9	0,8	0,5	0,9	1,5
Отклонение от норматива по Тульской области	-1,1	+0,9	+0,5	0	+0,4	+1,0
Фактическая обеспеченность специалистами в Пермском крае	5,7	1,9	0,8	0,3	1,1	2,0
Отклонение от норматива по Пермскому краю	-0,2	+0,9	+0,5	-0,2	+0,6	+1,5

Источник: рассчитано авторами исходя из нормативов, установленных приказом Минздрава СССР[3]

Другим показателем доступности медицинской помощи является мощность амбулаторно-поликлинических (число посещений в смену на 10 тыс. чел. населения) и стационарных (количество больничных коек на 10 тыс. чел. населения) медицинских организаций (рис. 6). По данным показателям лидером из рассматриваемых субъектов является Владимирская область, аутсайдером – Пермский край. Показатели мощности медицинских организаций характеризуют эффективность работы организации по оказанию медицинской помощи посредством внутренних ресурсов медицинской организации.

[3] См.: *О штатных* нормативах медицинского и педагогического персонала городских поликлиник, расположенных в городах с населением свыше 25 тысяч человек [Электронный ресурс]: приказ Минздрава СССР от 11.10.1982 г. № 999. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94089/ (дата обращения: 01.04.2017).

Одним из эффективных инструментов повышения качества жизни и здоровья населения является санаторно-курортный комплекс, на базе которого оказываются лечебно-оздоровительные услуги. Рассматриваемые субъекты РФ обладают курортно-рекреационным потенциалом, частью которого являются природные лечебные ресурсы.

В Тульской области эксплуатируются 15 месторождений минеральных вод типа Краинской, Дороховской, Ижевской, Усольской, Трускавецкой, Звенигородской и др. По химическому составу выделяются сульфатно-гидро-карбонатные, сульфатные, хлоридные и смешанные по составу воды. На территории области действуют 22 санаторно-курортных учреждения, пансионаты, профилактории, базы отдыха (Оборин и др., 2016).

Владимирская область богата минеральными водами. Имеются естественные выходы минеральных вод в Александровском районе по реке Вексе у деревни Усолье и по реке Уводи. Минеральные воды обнаружены также в буровых скважинах, сделанных во Владимире, Судогде, Суздале. Минеральные воды марок «Ундольская» (природная, столовая, сульфатно-гидрокарбонатная, магниево-кальциевая), выпускаемая в г. Лакинске, «Судогодская» (природная, столовая, гидрокарбонатная магниево-кальциевая), выпускаемая в г. Судогде, «Суздальская» – в городе Суздале богаты широким спектром химических элементов и пользуются большим спросом на потребительском рынке.

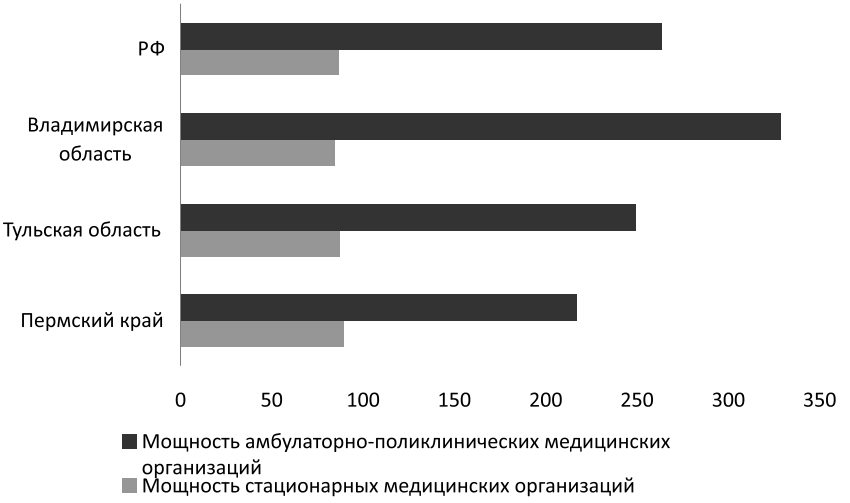


Рис. 6. Мощность амбулаторно-поликлинических и стационарных медицинских организаций в субъектах в 2014 году, число посещений в смену на 10 тыс. чел. населения и число больничных коек на 10 тыс. чел. населения / Fig. 6. Capacity of outpatient care organization and hospitals in the subjects in 2014, number of visits per shift per 10 thousand people and number of hospital beds per 10 thousand people

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Из лечебных грязей на территории области имеются в большом количестве только торфяные. Однако широким применением и спросом они не используются.

Пермский край обладает наибольшим потенциалом природных лечебных ресурсов. В пределах Пермского края широко развиты минеральные лечебные и лечебно-столовые воды различного назначения. Эксплуатационные запасы 26 месторождений минеральных вод значительно превышают потребность.

В целом Пермский край обладает практически неограниченными ресурсами минеральных вод сульфатного, хлоридно-сульфатного и сульфатно-хлоридного состава, пригодных для лечебных целей и розлива, йодо-бромных вод, сульфидных вод (как невысокой минерализации, так и рассолов), используемых в бальнеологических целях. Степень освоенности месторождений минеральных вод в области в настоящее время остается очень низкой. Лишь на Полазненском, Усть-Качкинском и Ключевском месторождениях отбор достигает 12–47 % от запасов, но не по всем разведанным типам вод. Для промышленного розлива добываются лечебно-столовые воды на 7 месторождениях (Оборин, 2013b).

Месторождение лечебных грязей (Суксунский пруд), расположенное на юго-востоке края, на окраине поселка, относится к сульфидным низкоминерализованным иловым грязям, пригодным к многократному использованию. Промышленная добыча лечебных грязей началась с 1986 года в юго-восточной части Суксунского пруда. С 1996 года участок с запасами лечебных грязей 28,8 тыс. м^3 разрабатывает ЗАО «Курорт Ключи».

В Тульской области функционируют санаторно-курортные учреждения, расположенные в благоприятных экологических районах, уникальных местностях курортно-рекреационного значения. К наиболее крупным здравницам относится бальнеологический санаторий «Краинка», который функционирует круглогодично. Для проведения оздоровительных мероприятий в нем используют минеральные воды собственных скважин, торфяные грязи, водные процедуры и разнообразные преформированные лечебные факторы, благодаря чему в санатории успешно лечатся заболевания нервной системы, органов пищеварения, дыхания, опорно-двигательного аппарата, а также гинекологические болезни. Природные лечебные факторы санатория — минеральные воды Краинского месторождения и торфяная лечебная грязь, принадлежащая к редким разновидностям сероводородных минеральных торфов.

Известны также санаторий (курорт) «Велегож», расположенный в сосновом бору в 124 км от Москвы и 80 км от Тулы, являющийся самым экологически чистым местом Центральной России, и санаторий (курорт) «Егнышовка». Обе здравницы функционируют круглый год.

Перспективы развития туризма и санаторно-курортного комплекса Тульской области связаны с историческими городами и поселениями – Одоев, Алексин, Венев, Епифань, Крапивна, Плавск, Богородицк, Чекалин (Лихвин), а также храмами, музеями и проч.

Владимирская область обладает значительным курортно-рекреационным потенциалом, богата культурным наследием, что благоприятствует развитию познавательного, лечебно-оздоровительного

туризма. Регион является одним из лидеров в сфере современного санаторно-курортного лечения. Санаторий им. Абельмана – одно из старейших лечебно-медицинских заведений области, которое было создано еще в XIX веке. Профиль этого учреждения довольно широк – лечение органов движения, нервной системы, сердечно-сосудистых заболеваний, гинекологических и урологических болезней. Санаторий «Заклязьменский» – комплексное лечебное учреждение, которое занимается лечением многих заболеваний: органов дыхания, сердца, сосудов, опорно-двигательного аппарата, нервной системы и системы кровообращения.

Наибольший охват лечебных профилей наблюдается в Пермском крае. На территории Пермского края в настоящее время функционируют 38 санаторно-курортных организаций. Из них самыми узнаваемыми являются курорты «Усть-Качка» и «Ключи». Курорт «Усть-Качка» начинает свою историю с 1935 года, когда совершенно случайно во время проведения разведки скважины была обнаружена сероводородная минеральная вода, что и послужило толчком к развитию этой здравницы. Располагается курорт на берегу реки Камы в сосновом бору. Его вместимость – более 2000 мест, размещение осуществляется по санаторным корпусам. «Усть-Качка» – крупнейший бальнеологический курорт с многопрофильной специализацией. Среди основных направлений можно выделить следующие: болезни системы кровообращения, дыхания, пищеварения, нервной и эндокринной систем, мочевыделительной и костно-мышечной системы, болезни женских и мужских органов, а также кожные болезни и профессиональные заболевания. Кроме лечения на курорте предлагается спектр реабилитационных услуг.

Курорт «Ключи» известен как старейшая здравница Урала. Его история начинается с 1826 года и насчитывает 191 год. Благодаря добыче минеральных сероводородных вод и использованию сульфидно-иловых грязей здесь организовано санаторно-курортное лечение. Вместимость курорта – 430 мест в лечебно-оздоровительных корпусах, оснащенных комплексом рекреационных объектов. Основные профили лечения: системы органов пищеварения, кровеносная система, нервная система и органы дыхания, эндокринная система и болезни женских, мужских половых органов, кожно-мышечная система и болезни кожи.

Рассмотрим регрессивную динамику количества санаторно-курортных организаций в период с 2002 по 2015 год рассматриваемых субъектов РФ (табл. 3).

Согласно приведенным данным наибольшее количество санаторно-курортных организаций на 2015 год приходится на Пермский край – 38 ед., на Тульскую область – 22 ед., Владимирскую область – 9 ед. На протяжении периода исследования (2002–2015 годы) наблюдается устойчивая тенденция сокращения количества здравниц. При этом количество санаторно-курортных организаций в Тульской и Владимирской областях за 2010–2015 годы менялось незначительно, что связано с устойчивой политикой в сфере туризма.

Таблица 3 / Table 3

Динамика показателя количества санаторно-курортных организаций / Changes of an indicator for the number of sanatorium-resort organizations

Регион	2002	2006	2007	2009	2010	2012	2013	2014	2015	Темп роста, %
Тульская область	-	28	27	23	23	23	21	21	22	78,5
Владимирская область	26	18	16	14	13	12	10	10	9	34,6
Пермский край	74	58	61	53	48	46	45	43	38	51,3

Источник: составлено авторами по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы.

Таблица 4 / Table 4

Динамика показателя количества койко-мест в санаторно-курортных организациях (ед.) / Changes of an indicator for the number of beds in sanatorium-resort organizations

Регион	2002	2006	2007	2009	2010	2012	2013	2014	2015	Темп роста, %
Тульская область	-	5783	4737	4508	4706	4964	4741	4650	4668	80,7
Владимирская область	2834	2408	2299	2232	2077	2031	1836	1830	1725	60,8
Пермский край	10113	8235	9257	9046	8538	8083	7934	7905	6920	68,4

Источник: составлено авторами по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы.

Изменение количества здравниц отражается на динамике количества койко-мест в санаторно-курортных организациях изучаемых регионов (табл. 4).

На протяжении 2002–2015 годов шло уменьшение количества курортных койко-мест во всех регионах, а также санаторно-курортных организаций в целом, что свидетельствует о том, что необходимо повышать заинтересованность туристов в отдыхе на курортах, в санаториях, домах отдыха и т.д.

Следующим показателем развития санаторно-курортной деятельности и степени заинтересованности отдыхающих в данном виде отдыха является численность размещенных лиц. Динамика изменения данного показателя – это естественный процесс, который зависит от многих факторов, таких как спектр предлагаемых услуг в санаториях и на курортах, уровень сервиса, качество работы персонала, стоимость путевок и др. Рассмотрим показатели численности размещенных лиц в санаторно-курортных организациях исследуемых субъектов РФ (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Динамика показателя численности размещенных лиц в санаторно-курортных организациях (чел.) / Changes of an indicator for the number of the people in sanatorium-resort organizations (people)

Регион	2002	2007	2009	2010	2012	2013	2014	2015	Темп роста, %
Тульская область	-	56903	52868	46899	48561	46083	54233	46908	82,4
Владимирская область	32967	28430	29767	27854	27574	26922	27784	24241	67,4
Пермский край	128241	138015	130469	123771	138576	131757	130517	123947	96,6

Источник: составлено авторами по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы.

Согласно данным табл. 5 во всех регионах наблюдается отрицательная динамика изменения численности размещенных лиц. В темпах снижения это составило: для Тульской области – 17,6 %; для Владимирской – 32,6 %; Пермского края – 3,4 %.

Обратимся к финансовым показателям, отражающим эффективность работы санаторно-курортных организаций: доходы, затраты и результат (прибыль или убыток) (табл. 6).

Таблица 6 / Table 6

Динамика основных финансовых показателей (тыс. руб.) / Changes in the main financial indicators (thousand rubles)

Показатель	2003	2006	2007	2009	2010	2012	2013	2014	2015	Темп роста, %
Тульская область										
Доходы	221,4	464,8	484,6	565,9	427,8	527,6	546,3	822,7	873,7	394,6
Затраты	270,4	457,0	478,4	528,2	443,0	470,6	545,6	725,9	857,1	316,9
Прибыль (убыток)	-49	7,8	6,2	37,7	-15,2	57	0,7	96,8	16,6	1611
Владимирская область										
Доходы	136,4	305,0	317,1	407,5	379,7	419,7	443,7	482,9	452,7	331,8
Затраты	161,2	301,1	340,1	424,3	401,2	464,3	469,9	529,4	493,7	306,2
Прибыль (убыток)	-24,8	3,9	-23	-16,8	-21,5	-44,6	-26,2	-46,5	-41	-10,6
Пермский край										
Доходы	886,7	1631,3	1796,6	2117,3	2175,8	2640	2753,3	2836,4	2713,5	306,0
Затраты	1105,1	1849,9	2006,1	2332,2	2072,2	2487,5	2705,8	2684,1	2587,1	234,1
Прибыль (убыток)	-218,4	-218,6	-209,5	-214,9	103,6	152,5	47,5	152,3	126,4	-57,9

Источник: составлено авторами по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы.

Санаторно-курортные организации Пермского края и Тульской области сохранили прибыль в кризисные периоды – 2009, 2012–2013 гг. При этом если в первом случае наблюдается отрицательная динамик, то второй субъект РФ показывает рост.

Кроме того, интересно рассмотреть уровень издержек в санаторно-курортных организациях рассматриваемых субъектов РФ (табл.7).

Таблица 7 / Table 7

Уровень издержек санаторно-курортных организаций за 2015 год (тыс. руб.) / Expenditures of sanatorium-resort organizations in 2015 (thousand rubles)

Регион	Доходы	Затраты	Уровень издержек обращения, %	Рейтинг
Тульская область	873,7	857,1	98,1	2
Владимирская область	452,7	493,7	109,0	3
Пермский край	2713,5	2587,1	95,3	1

Источник: составлено авторами по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы.

Таким образом, количество издержек в санаторно-курортных организациях данных регионов колеблется и зависит от различных условий, важнейшими из которых являются затраты. В ходе проведенного анализа выявлено, что в Пермском крае и Тульской области наименьший уровень издержек – 95,3 %, 98,1 % соответственно. Во Владимирской области превышение в 9 % порога безубыточности свидетельствует о наличии структурных проблем.

Об эффективности санаторно-курортного лечения свидетельствуют медицинские, социальные и экономические показатели: после лечения как у взрослых, так и у детей в 2–6 раз снижаются частота обострений заболеваний, в 2,4 раза – потребность в госпитализации, в 2,6–3 раза – расходы на лечение в поликлиниках и стационарах, в 1,8–2,6 раза – выплаты по временной и стойкой нетрудоспособности.

Затраты на реабилитацию окупают себя в 3-кратном размере, а затраты на долечивание постинфарктных больных – в 7-кратном. В целом деятельность санаторно-оздоровительного комплекса реально сказывается на социально-экономическом развитии региона, так как снижает затраты на здравоохранение, социальное обеспечение, восстанавливает трудоспособность работающего населения (Разумов и Поважная, 2009).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного анализа можно сформулировать некоторые выводы в части повышения эффективности государственной политики на муниципальном уровне в отношении малых городов с целью улучшения уровня здоровья населения и повышения качества жизни.

Первостепенной остается проблема большей доступности медицинской помощи за счет снижения кадрового дефицита в малых городах и повыше-

ния показателей обеспеченности населения медицинскими специалистами. Этого можно достичь путем привлечения в регион молодых специалистов и создания благоприятных условий для их работы, в том числе решая острые социальные проблемы (предоставление социального жилья, осуществление финансовых выплат в виде «подъемных», повышение уровня заработных плат для специалистов в малых городах и сельских территориях и т.д.). Существующая на сегодняшний день государственная программа «Земский доктор», способствующая привлечению медицинских специалистов в малые города и в сельские местности, реализуется неэффективно, требует пересмотра и нуждается в увеличении объемов финансирования.

Еще одной важной проблемой является низкое качество оказываемой медицинской помощи, профилактической работы и ранней выявляемости заболеваний. Несмотря на то, что данная ситуация характерна для страны в целом, особенно плохо обстоит дело в малых городах. Для решения этой проблемы необходимо усилить медико-профилактическую деятельность, внедрять программы, направленные на усовершенствование здоровьесберегающих технологий (в том числе на рабочих местах), на привитие населению привычек здорового образа жизни (Игошев и Мингалева, 2010). В рамках амбулаторно-поликлинических медицинских организаций необходимо повышать роль центров здоровья, внедрять обязательные профилактические медицинские осмотры и увеличивать долю населения, проходящего обязательную диспансеризацию.

Важным направлением модернизации является повышение квалификации медицинских кадров и создание условий для непрерывного образования и совершенствования практических навыков. В малых городах особое внимание необходимо уделить переходу к аттестационной системе квалификации медицинских специалистов, выстроить маршрутизацию для их обучения в более крупные города, усилить роль дистанционных образовательных технологий. Необходимо на местах проводить научно-практические конференции, медицинские консилиумы и другие научные мероприятия, способствующие активному обмену знаниями между специалистами в отрасли.

Все это необходимо для того, чтобы медицинская отрасль смогла выполнять возложенную на нее, возможно, самую важную задачу – поддерживать и повышать уровень здоровья нации, улучшая качество жизни.

Другим актуальным направлением повышения качества жизни является эффективность деятельности санаторно-курортного комплекса в субъектах РФ, о чем свидетельствуют показатели количества учреждений, койко-мест и численности размещенных лиц, финансово-экономическое показатели, уровень снижения заболеваемости и быстрые темпы восстановления трудоспособности. Анализ деятельности профильных предприятий, оказывающих лечебно-оздоровительные услуги, был проведен на примере Тульской и Владимирской областей, Пермского края. Каждый из рассматриваемых реегионов обладает туристско-рекреационным потенциалом и природными лечебными ресурсами, которые могут с успехом применяться для лечения и профилактики различных групп профессиональных заболеваний. Необходимо отметить, что санаторно-курортный комплекс наиболее развит в Пермском крае, в меньшей

степени в Тульской и Владимирской областях. Сокращение количества профильных организаций приобрело устойчивый тренд, что является негативным фактором. Каждый из рассмотренных субъектов РФ обладает потенциалом для повышения качества жизни населения на основе природных лечебных факторов, задействованных в санаторно-курортном лечении. Поэтому необходимо его актуализировать за счет таких направлений деятельности, как участие в федеральных программах по развитию лечебно-оздоровительного туризма и санаторно-курортного комплекса; рациональное использование потенциала малых городов для увеличения туристского потока; направление финансовых ресурсов на обновление материальной и лечебной баз предприятий; повышение рентабельности и эффективности лечебной составляющей за счет внедрения современных методов менеджмента и инноваций.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 17-18-01324 «Устойчивое развитие экономики территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и районных центров».

Библиографический список

Айвазян С. А. Сравнительный анализ интегральных характеристик качества жизни населения субъектов Российской Федерации. М.: ЦЭМИ РАН, 2001. 64 с.

Барышева А. В. Перестройка: социо-экономические проблемы. М.: Наука, 1990. 187 с.

Бестужев-Лада И. В. Содержание и структура категории образа жизни. Теоретические и методологические проблемы исследования образа жизни. М.: ИСИ АН СССР, 1979. 56 с.

Бобков В. М., Масловский-Мстиславский П. С. Динамика уровня жизни населения // Экономист. 1994. № 6. С. 52–66.

Бобков В. М., Масловский-Мстиславский П. С. Качество жизни: концепция и измерение. М.: Всерос. центр уровня жизни, 1998. 20 с.

Игошев М. В., Мингалева Ж. А. Здоровье нации, экономика и физкультура. К вопросу о преодолении негативных тенденций в формировании качественных характеристик населения // Российское предпринимательство. 2010. № 4–1. С. 22–26.

Можина М. А., Рабкина Н. Е., Римашевская Н. М. Благосостояние, распределительные отношения и проблемы оптимального развития экономики социалистического общества // Экономика и математические методы. 1980. № 16. С. 418–434.

Оборин М. С. Региональный анализ изучения рекреационных систем // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Естественные науки. 2013а. № 2. С. 35–42.

Оборин М. С. Социальные и экономические особенности лечебно-оздоровительного туризма региона (на примере Пермского края) // Вестник

Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2013b. № 5 (31). С. 69–74.

Оборин М. С., Фролова Н. В., Нагоева Т. А., Артамонова О. А. Системные методы исследования в моделировании рынка санаторно-курортных услуг и курортно-рекреационных систем // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2016. № 3 (42). С. 131–144.

Разумов А. Н., Поважная Е. Л. Курортное дело в Российской Федерации // Медицинская сестра. 2009. № 7. С. 4–6.

Римашевская Н. М. Потребности, доходы, потребление: методология анализа и прогнозирование народного благосостояния. М.: Наука, 1979. 240 с.

Старков Р.Ф. Уровень жизни: методология измерения и анализ. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994. 39 с.

Bram R., Rogier D., Peep S. Cultural values: can they explain self-reported health? // Quality Life Research. 2017. Vol. 26. P. 1531–1539. DOI: 10.1007/s11136-017-1512-x.

Frey B., Stutzer A. Happiness and economics: How the economy and institutions affect human well-being. Princeton: Princeton University Press, 2010. 220 p.

Galbraith J. K. The affluent society. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 1958. 288 p.

Haug M., Folmar S. Longevity, gender, and life quality // Journal of Health and Social Behavior. 1986. Vol. 27, № 4. P. 332–345.

Hughes M. Affect, meaning and quality of life // Social Forces. 2006. Vol. 85, № 2. P. 611–629.

Kozlova O., Makarova M., Mingaleva Zh. Corporative social responsibility as a factor of reducing the occupational health risk of personnel // International Journal of Applied Business and Economic Research. 2016. Vol. 14, № 14. P. 683–693.

Larson D., Wilford W. The quality of life and per capita income in the United States // Review to Social Society. 1979. Vol. 37, № 1. P. 111–119.

Werneck G. L. Considerações metodológicas à luz da Pesquisa Mundial de Saúde no Brasil, 2003 [Methodological notes in light of the World Health Survey in Brazil, 2003] // Revista Brasileira de Epidemiologia. 2008. Vol. 11, № 1. P. 67–71.

Zinam O. Quality of life, quality of the individual, technology and economic development // American Journal of Economics and Sociology. 1989. Vol. 48, № 1. P. 55–68.

Информация об авторах

Шерешева Мария Юрьевна – д-р экон. наук, проф., проф. кафедры прикладной институциональной экономики, директор Центра исследований сетевой экономики, зав. лабораторией институционального анализа ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

ORCID: 0000-0002-8153-7111

ResearcherID: M-9221-2013

Электронный адрес: m.sheresheva@gmail.com

Оборин Матвей Сергеевич – д-р экон. наук, доц., доц. кафедры экономического анализа и статистики Пермского института (филиала) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 614070, Россия, г. Пермь, бульвар Гагарина, 57
ORCID: 0000-0002-4281-8615
ResearcherID: H-6729-2017
Электронный адрес: recreachin@rambler.ru

Костанян Ани Асканазовна – аспирант кафедры маркетинга экономического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1
ORCID: 0000-0001-5929-2755
ResearcherID: K-7624-2016
Электронный адрес: ani.kostanyan@yandex.ru

Статья получена 20 апреля 2017 года

UDC 332.1
DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-289-311

ASSESSMENT FEATURES FOR LIFE QUALITY IN SMALL TOWNS

Marina Yu. Sheresheva
Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia
ORCID: 0000-0002-8153-7111
ResearcherID: M-9221-2013
E-mail: m.sheresheva@gmail.com

Matvey S. Oborin
Perm Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics, 57 Gagarin Boulevard, Perm, 614070, Russia
ORCID: 0000-0002-4281-8615
ResearcherID: H-6729-2017
E-mail: recreachin@rambler.ru

Ani A. Kostanyan
Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia
ORCID: 0000-0001-5929-2755
ResearcherID: K-7624-2016
E-mail: ani.kostanyan@yandex.ru

For citation:
Sheresheva, M. Yu., Oborin, M. S. and Kostanyan, A. A. (2017), "Assessment features for life quality in small towns", *Ars Administrandi,* vol. 9, no. 2, pp. 289–311, doi: 10.17072/2218-9173-2017-2-289-311.

Introduction. The paper considers the issues of assessment of life quality in urban areas of small towns and district centers.

Aims. The paper is aimed to assess the life quality of the population in small cities in terms of the basic indicators of availability and quality of medical assistance and sanatorium-resort capacity in these areas designed to maintain and improve the health status of the population with the aim to ensure the conditions for sustainable development.

Methods are as follows: dialectical method of cognition of economic and social processes, the method of system analysis, formal-logical.

Results. The main medical statistical indicators of the organization in health care and sanatorium-resort capacity in three regions of Russia – Vladimir and Tula Oblasts, Perm Krai, were compared. An important role of a sanatorium in improving health and quality of life is justified. The given examples of subjects of the Russian Federation allowed the authors to characterize the tourism and recreation capacities of identified natural therapeutic factors for the development of sanatorium-resort treatment, historical and cultural heritage of small towns, which together is the basis for the formation of a number of measures on growth of citizens' welfare. The main therapeutic profiles of the major resorts in the regions of Russia are looked at. The performance indicators which are relevant for the sanatoriums are analyzed, the spheres of efficiency growth are identified.

Conclusion. The proposals to improve the effectiveness of public policies at the municipal level for small cities in order to improve the population's health and quality of life are articulated.

Key words: small cities; regional centers; quality of life; health; health; health resort potential; sanatorium-resort unit, urbanization; sustainable development

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 17-18-01324 "Sustainable development of territories economy on the basis of network interaction of small towns and district centers".

References

Aivazyan, S. A. (2001), *Sravnitel'nyi analiz integral'nykh kharakteristik kachestva zhizni naseleniya sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Comparative analysis of integral indicators of the quality of life of the population of the subjects of the Russian Federation], Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia.

Barysheva, A. V. (1990), *Perestroika: sotsio-ekonomicheskie problemy* [Restructuring: socio-economic problems], Nauka, Moscow, Russia.

Bestuzhev-Lada, I. V. (1979), *Soderzhanie i struktura kategorii obraza zhizni. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy issledovaniya obraza zhizni* [The content and structure of the lifestyle category. Theoretical and methodological problems of lifestyle research], Institute of Sociological Research of the Academy of Sciences of the USSR, Moscow, Russia.

Bobkov, V. M. and Maslovskii-Mstislavskii, P. S. (1994), "Dynamics of living standards of the population", *Ekonomist,* no. 6, pp. 52–66.

Bobkov, V. M. and Maslovskii-Mstislavskii, P. S. (1998), *Kachestvo zhizni: kontseptsiya i izmerenie* [Quality of life: concept and measurement], Vserossiiskii tsentr urovnya zhizni, Moscow, Russia.

Igoshev, M. V. and Mingaleva, Zh. A. (2010), "To the question of overcoming the negative tendencies in forming qualitative characteristics of the population", *Russian Journal of Entrepreneurship*, no. 4–1, pp. 22–26.

Mozhina, M. A., Rabkina, N. E. and Rimashevskaya, N. M. (1980), "Welfare, distribution relations and problems of optimal development of socialist society economy", *Economics and the Mathematical Methods*, no. 16, pp. 418–434.

Oborin, M. S. (2013a), "Regional analysis of the study of recreational systems", *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Estestvennye nauki (Arctic Environmental Research)*, no. 2, pp. 35–42.

Oborin, M. S. (2013b), "Social and economic characteristics of recreational tourism in the region (by example of Perm region)", *Vestnik of VRSUS. Series "Economics"*, no. 5 (31), pp. 69–74.

Oborin, M. S., Frolova, N. V., Nagoeva, T. A. and Artamonova, O. A. (2016), "System research methods in modeling of the market of sanatorium services and resort-recreational systems", *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (42), pp. 131–144.

Razumov, A. N. and Povazhnaya, E. L. (2009), "Health resort business in the Russian Federation", *Meditsinskaya sestra*, no. 7, pp. 4–6.

Rimashevskaja, N. M. (1979), *Potrebnosti, dokhody, potreblenie: metodologiya analiza i prognozirovanie narodnogo blagososto yaniya* [Needs, incomes, consumption: methodology of analysis and forecasting of people's welfare], Nauka, Moscow, Russia.

Starkov, R. F. (1994), *Uroven' zhizni: metodologija izmerenija i analiz* [Standard of living: measurement methodology and analysis], Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, Irkutsk, Russia.

Bram, R., Rogier, D. and Peep, S. (2017), "Cultural values: can they explain self-reported health?", *Quality Life Research,* vol. 26, pp. 1531–1539, doi: 10.1007/s11136-017-1512-x.

Frey, B. and Stutzer, A. (2010), *Happiness and economics: How the economy and institutions affect human well-being*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA.

Galbraith, J. K. (1958), *The affluent society*, Houghton Mifflin Harcount, Boston, USA.

Haug, M. and Folmar, S. (1986), "Longevity, gender, and life quality", *Journal of Health and Social Behavior*, vol. 27, no. 4, pp. 332–345.

Hughes, M. (2006), "Affect, meaning and quality of life", *Social Forces*, vol. 85, no. 2, pp. 611–629.

Kozlova, O., Makarova, M. and Mingaleva, Zh. (2016), "Corporative social responsibility as a factor of reducing the occupational health risk of personnel", *International Journal of Applied Business and Economic Research*, vol. 14, no. 14, pp. 683–693.

Larson, D. and Wilford, W. (1979), "The quality of life and per capita income in the United States", *Review to Social Society*, vol. 37, no. 1, pp. 111–119.

Werneck, G. L. (2008), "Methodological notes in light of the World Health Survey in Brazil, 2003" [Considerações metodológicas à luz da Pesquisa Mundial de Saúde no Brasil, 2003], *Revista Brasileira de Epidemiologia,* vol. 11, no. 1, pp. 67–71.

Zinam, O. (1989), "Quality of life, quality of the individual, technology and economic development", *American Journal of Economics and Sociology,* vol. 48, no. 1, pp. 55–68.

Received April 20, 2017

Научное издание

ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления)

2017. Т. 9, № 2 (132–311)

Редактор *Л. В. Хлебникова*
Корректоры *И. Р. Саматов*
Компьютерная верстка *Р. И. Березина, Н. С. Кнутовой*

Дата выхода в свет 29.06.2017. Формат 70x100 1/16.
Усл. печ. л. 15,11. Тираж 500 экз. Заказ № 124 440.

Редакция научного журнала «Ars Adminisrandi» («Искусство управления»)
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
Тел. (342) 2396830
ars-administrandi.com
E-mail: arsadmag@yandex.ru

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного национального исследовательского университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в ООО «АСТЕР ДИДЖИТАЛ»
614000, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, 5
тел. (342) 206-06-86

Распространяется бесплатно